

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2020 Том 22 № 3

Миграция в координатах политики и политической науки

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук,
профессор кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Д.Б., кандидат политических наук,
доцент кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. – доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии
Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Иванов В.Г. – доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Панкратов С.А. – доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Мчедлова М.М. – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Карадже Т.В. – доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация

Попова О.В. – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Коваленко В.И. – доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Капустин Б.Г. – доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Войтацки К.А. – доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Витковска М. – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дуткевич П. – доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Франце Й. – доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета, Потсдам, ФРГ

Пачеко Амарал К. – доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов, Понта-Делгада, Португалия

Када Н. – доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология (Вестник РУДН. Серия: Политология)* – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. «Вестник РУДН. Серия: Политология» ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)*: <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>.

Электронный адрес: politj@rudn.ru.

Литературный редактор: *И.Л. Панкратова*

Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28;

e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 23.07.2020. Выход в свет 31.07.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,55. Тираж 500 экз. Заказ № 620. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2020 VOLUME 22 No. 3

Migration in Political Science and Policy Making

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yury Pochta, Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria Kazarinova, PhD in Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Mikhail Grachev – Doctor of Political Sciences, Full Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ASSOCIATE EDITORS

Vladimir Ivanov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sergey Pankratov – Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Maria Mchedlova – Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana Karadje – Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Olga Popova – Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Valery Kovalenko – Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Boris Kapustin – Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Konstanty Wojtaszczyk – Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Marta Witkowska – Doctor of Political Sciences, Professor at the Faculty of Political Sciences and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Piotr Dutkiewicz – Doctor of Political Sciences, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Johan Francke – Doctor of Political Sciences, Full Professor and Vice Dean of the Faculty of Economic and Social Sciences, Potsdam University, Potsdam, Germany

Carlos Pacheco Amaral – Doctor of Political Sciences, Full Professor, University of the Azores, Ponta-Delgada, Portugal

Nicolas Kada – Doctor of Political Sciences, Full Professor, Université Grenoble Alpes, Grenoble, France

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: Russian Science Citation Index (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals

Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>.

E-mail: politj@rudn.ru.

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22;
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МИГРАЦИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

- Малахов В.С., Мотин А.С.** Миграция как реальность и как элемент политической мифологии 327
- Блохин К.В.** Мировая геополитическая конкуренция в контексте четвертой промышленной революции 339
- Соасси F.** Statism and Cosmopolitanism on Global Justice and Universal Fundamental Rights (**Коаччи Ф.** Глобальная справедливость и универсальные основные права человека с точки зрения этатизма и космополитизма) 352
- Таишева В.В.** Образовательная миграция в смысловом пространстве политической науки: обзор теоретических подходов 367

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ

- Должикова А.В., Мосейкина М.Н.** Институты и образовательно-культурные механизмы миграционной политики современной России 387
- Савинов Л.В.** Политическое будущее мигрантов в России: гипотезы и модели 401
- Шустов А.В.** Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия 415
- Единова М.С.** «Политико-исследовательские диалоги» в имплементации политики интеграции мигрантов: структура и модели в России 428

МИГРАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ

- Бышок С.О.** Миграция и новые аспекты правопопулистского дискурса в Европе 443
- Сигачев М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В.** Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии) 458
- Захарова Е.А.** От «Национального Фронта» к «Национальному Объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии 475
- Преображенская А.А.** Французская модель интеграции иммигрантов перед вызовами современности 487
- Охошин О.В.** Миграционная политика Великобритании до и после брексита 506
- De Luca G., Beck M.** Natural Language Processing for the Analysis of the Political Characterization of Migration in the Croatian Political Discourse (**Де Лука Г., Бек М.** Обработка естественного языка для анализа политического определения миграции в хорватском политическом дискурсе) 517

Номер подготовлен в рамках работы над грантом РФФИ № 19-011-0082 «Ценностно-политические контексты образовательной миграции»

CONTENTS

MIGRATION: GLOBAL CONTEXT

- Vladimir S. Malakhov, Alexander S. Motin.** Migration as a Reality and a Part of Political Mythology 327
- Konstantin V. Blokhin.** World Geopolitical Competition in the Context of the Fourth Industrial Revolution 339
- F. Coacci** Statism and Cosmopolitanism on Global Justice and Universal Fundamental Rights 352
- Vasilya V. Taisheva.** Educational Migration in the Semantic Space of Political Science: a Review of Theoretical Approaches 367

MIGRATION PROCESSES AND INTEGRATION OF MIGRANTS IN RUSSIA

- Angela V. Dolzhikova, Marina N. Moseykina.** Institutions and Educational and Cultural Tools of Migration Policy in Modern Russia 387
- Leonid V. Savinov.** Political Future of Migrants in Russia: Hypotheses and Models 401
- Alexander V. Shustov.** Circular Migration between Russia and CIS Countries in a Crisis: Scope and Consequences 415
- Maria S. Edinova.** «Research-policy Dialogues» in the Implementation of Migrants' Integration Policy: Structure and Models in Russia 428

MIGRATION AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN EUROPE

- Stanislav O. Byshok.** Migration and Recent Aspects of Right-Wing Populist Discourse in Europe 443
- Maxim I. Sigachev, Ernest S. Sleptsov, Eduard V. Fadeev.** New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria) 458
- Evgenia A. Zakharova.** From Front National to Ressemblment National in France: Rebranding the Party Image 475
- Arina A. Preobrazhenskaya.** French Model of Integration of Immigrants Facing the Modern Challenges 487
- Oleg V. Okhoshin.** UK Migration Policy before and after Brexit 506
- Gabriele De Luca, Marko Beck.** Natural Language Processing for the Analysis of the Political Characterisation of Migration in the Croatian Political Discourse 517

The volume is supported by the RFBR grant No. 19-011-00825 "Value-political contexts of educational migration"

МИГРАЦИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ MIGRATION: GLOBAL CONTEXT

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-327-338

Научная статья / Research article

Миграция как реальность и как элемент политической мифологии

В.С. Малахов, А.С. Мотин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 119571, Москва, Проспект Вернадского, 84
malakhov-vs@ranepa.ru; motin-as@ranepa.ru

Аннотация. Предмет статьи – мифологизированные представления о феномене глобальных миграций, циркулирующие в обыденном сознании и в медиа. Критический разбор этой мифологии авторы считают важным по двум причинам. Во-первых, воспроизводство негативных стереотипов по поводу миграций позволяет правопопулистским партиям и движениям аккумулировать политический капитал, провоцируя новые волны антимиграционных настроений. Во-вторых, эти настроения прямо или косвенно оказывают влияние на лиц, принимающих решения. В итоге процесс принятия решений в сфере миграционного регулирования попадает под давление факторов, лежащих за пределами рациональной калькуляции. Обращаясь к распространенным заблуждениям по поводу международных миграций, авторы, в частности, показывают, что: а) механическая экстраполяция современной демографической динамики на долгосрочную перспективу и вера в каузальную зависимость между демографическими показателями и миграционными процессами научно не обоснована; б) между объемами населения в регионах с низким уровнем жизни и интенсивностью миграционного оттока из этих регионов в индустриально развитые страны нет прямой связи; в) международная миграция не является односторонним процессом («Юг» – «Север»); г) представление о миграционной политике стран условного Севера как о благотворительности принципиально неверно, поскольку основано на игнорировании такой характеристики современного мира, как комплексная взаимозависимость.

Кроме того, авторы демонстрируют несостоятельность образа «миграционного цунами», грозящего затопить Европу.

Ключевые слова: международная миграция, миграционная статистика, антимиграционные настроения, миграционная политика, правопопулистские партии, политические мифы

История статьи: Поступила в редакцию 30.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

© Малахов В.С., Мотин А.С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Малахов В.С., Мотин А.С. Миграция как реальность и как элемент политической мифологии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 3. С. 327–338. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-327-338

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Migration as a Reality and a Part of Political Mythology

Vladimir S. Malakhov, Alexander S. Motin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation
malakhov-vs@ranepa.ru; motin-as@ranepa.ru

Abstract. The article is focused on the mythologized photos of the global migration phenomena circulating in the ordinary consciousness and in the media. Authors consider deconstruction of this mythology important for two reasons. Firstly, the reproduction of negative stereotypes about migration allows the right-wing populist parties and movements to accumulate political capital, provoking new waves of anti-migration sentiments and creating a vicious circle. Secondly, these sentiments directly or indirectly influence the decision-makers. As a result, decision-making process in the field of migration regulation become influenced by irrational factors. Turning to common misconceptions about international migration, authors show that: a) the mechanical extrapolation of modern demographic trends into the distant future and causal relationship between demographic indicators and migration processes are not scientifically justified; b) there is no direct correlation between the size of the population in less developed regions and the intensity of migration flows from these regions to industrialized countries; c) international migration is by no means a one-way “South – North” process; d) perception of “North” countries’ migration policies, as charity, is fundamentally wrong because it doesn’t take into account the complex interdependence of modern world. In addition, authors demonstrate inadequacy of the image of a “migratory tsunami” threatening to flood Europe.

Keywords: international migration, migration statistics, antimigration sentiments, migration policy, rightwing parties, political myths

Article history: Submitted on 30.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Vladimir S. Malakhov, Alexander S. Motin. Migration as a Reality and a Part of Political Mythology. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 327–338. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-327-338

Acknowledgements: The research was supported by the state assignment of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Введение

Рациональные решения в сфере миграционного регулирования принимаются лишь в тиши кабинетов [1; 2]. Как только тема миграции политизируется, такие решения крайне затрудняются, поскольку правящие элиты вынуждены не только считаться с взбудораженным общественным мнением, но и активностью правопопулистских сил. Соответствующие движения и партии,

капитализируя антимиграционные настроения, расширяют площадку для продвижения своей повестки в парламенте и центральных СМИ. Чем больше кресел в органах законодательной власти они получают, тем больше у них возможностей для навязывания стране антилиберального курса в иммиграционной политике – как прямых (через лоббирование антимиграционных законопроектов), так и косвенных – через мобилизацию общественного мнения [3; 4].

Антимиграционные партии, однако, не смогли бы успешно продвигать свою повестку, если бы не опирались на определенный набор стереотипов по поводу феномена миграции, циркулирующих в обыденном сознании. Более того, эти стереотипы подчас легитимируются членами академического сообщества, имеющими доступ к СМИ. В результате формируется своего рода политическая мифология¹, в воспроизводстве которой участвуют самые разные акторы – от активистов ультранационалистических организаций до журналистов и экспертов [7–9].

Базовые конструкты этой мифологии и выступают предметом настоящей статьи.

Четыре заблуждения относительно феномена международных миграций

Заблуждение первое: экстраполяция современной демографической динамики на десятилетия вперед и вера в каузальную зависимость между демографическими показателями и миграционными процессами.

Авторы, которые механически переносят сегодняшние темпы прироста населения на отдаленное будущее, игнорируют тот факт, что репродуктивному поведению людей свойственно меняться. Там, где сегодня нормой является 5–7 детей в семье, завтра может утвердиться другая норма². Явление, которое ученые именуют «демографическим переходом»³, носит объективный характер. Высокая рождаемость, характеризующая бедные общества с высокой детской смертностью и низкой продолжительностью жизни, сменяется низкой рождаемостью по мере того, как общество достигает определенного уровня социально-экономического развития (и, в частности, когда доля горожан начинает превышать долю сельских жителей) [10–11].

Заблуждение второе: вера в причинно-следственную связь между объемами населения в регионах с низким уровнем жизни и интенсивностью миграционного оттока из этих регионов. Иными словами, это вера в то, что десятки и даже сотни миллионов людей, страдающих от нищеты и

¹ Концепт «политическая мифология» далее будет употребляться в значении коллективного производства представлений, основанных на ненаучной картине мира. См.: [5; 6].

² Такая норма, кстати, была характерна для России (в деревне и малых городах) еще в 1920–1930-е.

³ В новейшей истории их было уже два [10].

политических турбулентностей в своих странах, в будущем непременно переселятся в более благополучные страны⁴.

Такой взгляд неверен в силу следующих обстоятельств. Это (а) бедность, (б) отсутствие необходимых сетей взаимопомощи и (в) ограничительная иммиграционная политика стран «золотого миллиарда». Остановимся на каждом из этих обстоятельств подробнее.

(а) Для того чтобы индивид мог решиться на переезд в регион, отделенный от места его проживания тысячами километров, необходимы немалые ресурсы: деньги на дорогу, оплата услуг перевозчиков (или контрабандистов, если речь идет о нелегальной миграции), деньги на первое время в стране назначения, пока не найдется работа и т.д. У подавляющего большинства жителей бедных стран таких средств попросту нет.

(б) Как показывают многочисленные исследования, необходимым условием решения человека мигрировать является наличие сети взаимопомощи – круга родственников или знакомых, уже находящихся в стране назначения. Относительно невысокое количество мигрантов с глобального Юга на глобальном Севере объясняется как раз тем, что число пионеров (или, если угодно, квартирьеров) из того или иного района той или иной бедной страны весьма невелико⁵. А без тех, на кого можно опереться и кому можно доверять в чужой стране, миграция невозможна.

Кстати, в методологическом плане оба вышеописанных взгляда представляют собой проявление мальтузианских – или, если угодно, неомальтузианских – взглядов на демографию и экономику⁶.

(в) Не следует преуменьшать результативность усилий стран назначения по сокращению числа нежелательных мигрантов. В распоряжении правительств государств условного Севера немало инструментов по сдерживанию иммиграции. Это и жесткие требования для въездных виз (открываемых в основном для тех, кого считают носителями необходимого «человеческого капитала»), и введение «балльных систем» в оценке претендентов на въезд, опять-таки нацеленных на строгую селекцию потенциальных переселенцев, и двусторонние договоры с правительствами отдающих государств о реадмиссии – приеме обратно их граждан, попытавшихся перебраться в более благополучную страну в обход действующего закона [15–17]. Наконец, в последние годы получили широкое распространение двусторонние и

⁴ К числу таких предсказателей принадлежит, в частности, Гуннар Хайнзон – автор, который снискал немалую популярность в России, но академические кредиты которого в международном научном сообществе близки к нулю. См.: [12].

⁵ То, что внешнему взгляду представляется манифестацией «африканской» миграции, на деле может оказаться миграцией вполне определенного этнического сообщества. Так, значительная часть африканских торговцев в Европе являются мюридами – представителями религиозного меньшинства из Сенегала, которому благодаря целой цепочке культурно-исторических обстоятельств удалось наладить прочную сеть финансовой взаимопомощи. Начало складывания этой сети восходит к 1880-м годам. См.: [13: 303–305].

⁶ Критику неомальтузианства см.: [14].

многосторонние соглашения по миграционным вопросам, заключаемые между странами Севера и странами Юга [18–21]. После кризиса беженцев 2015–2016 годов Париж, Берлин и Брюссель заключили целый ряд договоров со странами Африки, суть которых сводится к тому, что правительства последних берут на себя обязательства по сдерживанию эмиграции в обмен на финансовую помощь⁷. В качестве примеров можно привести французско-африканские пакты по миграции [22], а также ряд договоров между ЕС и государствами региона Сахель – так называемые *Spanish agreements on cooperation in migration* [23].

Заблуждение третье: представление о международной миграции как одностороннем процессе («Юг» – «Север»).

Примерно 40 % мировых миграционных потоков приходятся на потоки в пределах условного Юга. Из 272 млн мигрантов, насчитывавшихся в мире в 2019 г., около 152 млн приходилось на развитые регионы и 120 млн – на «развивающиеся страны». При этом начиная с 2005 года «развивающиеся» страны неизменно опережают «развитые» по приросту мигрантов в относительных величинах (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Международные мигранты в развитых и развивающихся странах в 2000–2019 гг., млн чел. / International migrant stock in developed and developing countries, 2000–2019, millions

Мигранты / International migrant stock	2000	2005	2010	2015	2019
В развитых странах / In developed countries	104	116,7 (+12,2)	130,6 (+12)	140,6 (+7,6)	152 (+8,1)
В развивающихся странах / In developing countries	69,6	74,9 (+7,6)	90,2 (+20,4)	108,2 (19,9)	119,6 (+10,5)

Источник: составлено авторами на основе данных ООН / *Source:* Made by the authors on basis of UN data URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockTotal_2019.xlsx (дата обращения: 13.04.2020)

Речь при этом идет, прежде всего, о трудовой миграции. Люди мигрируют в центры роста, географически находящиеся в относительной близости от места их рождения. Например, из Мьянмы и Лаоса в Таиланд, из Ботсваны и Зимбабве в ЮАР, из Нигера и Чада в Нигерию, из Афганистана и Непала – в Саудовскую Аравию и т.д.

⁷ Эксперты и гражданские активисты не раз указывали на то, что денежные трансферты из Брюсселя и Берлина правящим группам африканских стран вовсе не служат развитию их социально-экономической инфраструктуры и созданию рабочих мест, а представляют собой, по сути, взятку. Большая часть этих денег оседает в карманах местных правителей, а другая часть идет на строительство «центров содержания» (по сути, тюрем) для задержанных мигрантов.

Что касается вынужденной миграции, здесь основное направление потоков вообще не указывает с Юга на Север. Лишь одна шестая часть (~17%) мировых потоков беженцев приходится на индустриально развитые страны условного Севера. Все остальные размещены в странах, соседствующих с точками кризиса (или внутри своих стран в качестве «внутренне перемещенных лиц»). По данным ООН за 2019 год, из общего числа в 28,7 млн беженцев 16 млн размещены в странах Азии, 7,3 млн приходится на Африку.

Заблуждение четвертое: представление о миграционной политике стран условного Севера как о благотворительности. В этой оптике европейцы и американцы предстают великодушными филантропами, выпускающими к себе сирых и убогих обитателей отсталых регионов планеты. Тем самым, однако, не учитывается *взаимозависимость современного мира*. Принимающие страны столь же нуждаются в отдающих, как те – в принимающих. Для стран условного Севера иммиграционный приток – это средство смягчения последствий старения населения и незаменимый источник работников в целом ряде экономических ниш, принципиально не заполняемых местным населением. Часто звучащее утверждение о том, что эту работу могли бы делать «свои», если бы им достойно платили, не выдерживает критики по двум причинам. Первая – экономическая, и опирается она в конкурентоспособность бизнеса. Вторая – связана с развитием человеческого капитала: благодаря тому, что непрестижные рабочие места занимают мигранты, местное население получает возможность приложить свои усилия в более высоко технологичных отраслях экономики [24–26].

О магии цифр, или Почему со статистикой нужно обращаться осторожно

Цифры – особенно цифры, вырванные из контекста и не сопровождаемые аналитическими комментариями, – зачастую служат дурную службу. Так, сообщаемые публике журналистами данные об объемах иммиграционного притока в Европу почти неизбежно наводят на мысль о том, что страны Евросоюза в такой мере открыли свои границы внешнему миру, что недалек тот день, когда они окажутся в меньшинстве по отношению к пришельцам с других континентов.

За этими цифрами, однако, не видно того обстоятельства, что *около 50% этих потоков составляют внутриввропейские миграции*.

От четверти до трети иммиграционного притока в отдельных странах ЕС – это миграции из других стран ЕС. Это хорошо видно на примере Германии.

Популярному образу «миграционного цунами», грозящего затопить Европу, противоречит целый ряд фактов (табл. 2–4).

Факт первый состоит в том, что многим европейским странам свойственны отрицательные показатели естественного прироста населения. Число рождений здесь ниже, чем число смертей; часть государств Европы балансирует на грани нулевого естественного прироста. Существенным образом за счет естественных причин население растет только в Великобритании, Франции и Ирландии (115, 144 и 30 тыс. чел. соответственно).

Таблица 2 / Table 2

Иммиграция в страны ЕС в 2014–2018 гг., % / Immigration into EU countries 2014–2018, %

Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018
Всего прибыло / Total	3 787 809	4 686 523	4 282 488	4 396 025	4 546 009
Родились в других странах ЕС / born in other EU country	34	29	30	30	27
Родились в принимающей стране / born in reporting country	18	15	17	16	16
Родились за пределами ЕС / born outside of the EU	48	55	52	53	56

Источник: составлено авторами на основе / Source: Made by the authors on basis of: Eurostat "Immigration by age group, sex and country of birth". URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_imm3ctb&lang=en (дата обращения: 13.04.2020).

Таблица 3 / Table 3

Иммиграция в Германию в 2014–2018 гг., % / Immigration to Germany 2014–2018, %

Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018
Всего прибыло / Total	884 893	1 571 047	1 029 852	917 109	893 886
Родились в других странах ЕС / born in other EU country	46	28	37	41	39
Родились в принимающей стране / born in reporting country	7	4	7	10	13
Родились за пределами ЕС / born outside of the EU	47	65	53	49	48

Источник: составлено авторами на основе / Source: Made by the authors on basis of Eurostat "Immigration by age group, sex and country of birth". URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_imm3ctb&lang=en (дата обращения: 13.04.2020).

Таблица 4 / Table 4

Естественный прирост за 2018 год в ЕС в целом и отдельных странах, тыс. чел. / Natural population change in EU, 2018, thousands

ЕС-28	EU-28	-354.2
Австрия	Austria	1.6
Болгария	Bulgaria	-46.3
Венгрия	Hungary	-37.8
Германия	Germany	-167
Греция	Greece	-33.9
Испания	Spain	-56.3
Италия	Italy	-193.3
Латвия	Latvia	-9.5
Литва	Lithuania	-11.4
Польша	Poland	-26
Португалия	Portugal	-26
Румыния	Romania	-75.3
Словения	Slovenia	-0.9
Финляндия	Finland	-7
Хорватия	Croatia	-13.5
Чехия	Czech Republic	1.1
Эстония	Estonia	-1.4

Источник: составлено авторами на основе / Source: Made by the authors on basis of Eurostat "Demographic balance, 2018": URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/7/7f/Demographic_balance%2C_2018_%28thousands%29.png (дата обращения: 13.04.2020).

Факт второй – отрицательное миграционное сальдо в целом ряде государств ЕС (табл. 5). Это значит, что из них выезжает больше людей, чем в них въезжает. После кризиса 2008 г., в таких европейских странах, как Греция, Ирландия, Испания и Португалия число эмигрантов превысило число иммигрантов. Эта тенденция сохранялась вплоть до «миграционного кризиса» 2015.

Так, в Португалии миграционное сальдо последовательно опускалось на протяжении десятилетия – с минус 13 тыс. в 2008 г. до почти минус 50 тыс. в 2013 г. В среднем страну ежегодно покидало порядка 100 тыс. человек. Положение, по сути, не изменилось и в период «миграционного кризиса»: миграционное сальдо в 2015 и 2016 гг. равнялось минус 45 тыс. и минус 34 тыс. чел. соответственно.

Отрицательное миграционное сальдо характерно для большинства стран Восточной Европы. Так, в относительно благополучной Хорватии в 2015 г. на 10 тыс. прибывших приходилось более 30 тыс. убивших, а в 2016 г. – на чуть менее 15 тыс. прибывших – более 35 тыс. убивших.

Примечательно, что к числу европейских государств с отрицательным миграционным сальдо относятся не только депрессивные Болгария или Румыния, но – как это ни трудно себе представить – относительно благополучная Франция. В 2018 г. число эмигрантов здесь превышало число иммигрантов на 42 тыс. чел.

Таблица 5 / Table 5

**Отрицательное миграционное сальдо в отдельных странах ЕС в 2018 г., тыс. чел. /
Negative net migration in particular EU countries, 2018, thousands**

Болгария	Bulgaria	-3.7
Латвия	Latvia	-4.9
Литва	Lithuania	-3.3
Румыния	Romania	-53.7
Франция	France	-42.6
Хорватия	Croatia	-13.5

Источник: составлено авторами на основе / *Source:* Made by the authors on basis of: Eurostat “Demographic balance, 2018”. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/7/7f/Demographic_balance%2C_2018_%28thousands%29.png (дата обращения: 13.04.2020).

Интересен кейс Испании. В 2012 г. отсюда эмигрировало 447 тыс. человек, а иммигрировало 304 тыс.; в 2013 г. на 532 тыс. покинувших страну приходилось 280 тыс. прибывших, а в 2014 г. – на 400 с лишним тысяч эмигрантов – лишь около 305 тыс. иммигрантов. Таким образом, миграционное сальдо этой страны устойчиво оставалось отрицательным (минус 142 тыс. в 2012, минус 251 тыс. в 2013 и минус 94 тыс. в 2014). Тенденция была переломлена лишь в год «кризиса беженцев» (2015): тогда в Испанию прибыло около 344 тыс., а убыло порядка 342 тыс. (т.е. на две тысячи человек меньше). В следующем 2016 г. навстречу притоку иммигрантов и беженцев объемом 417 тыс. чел. шел отток в 328 тыс. эмигрантов (сальдо, таким образом, составило плюс 88 тыс. чел.). Правда, в последние годы наблюдался устойчивый тренд в сторону значительного преобладания числа въезжающих над числом выезжающих.

Таблица 6 / Table 6

**Иммиграция и эмиграция в Испании в 2010–2018 гг., тыс. чел. /
Spain: migration flows, 2010–2018, thousands**

Показатель / Indicator	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Эмигрировало / Outgoing	403	447	532	400	342	327	368	309
Иммигрировало / Incoming	361	304	281	305	344	415	532	643
Сальдо / Net	-42	-143	-251	-95	+2	+88	+164	+334

Источник / Source: Statista “Migration figures of Spain from 2010 to 2018”. URL: <https://www.statista.com/statistics/445930/migration-flow-in-spain/> (дата обращения: 13.04.2020).

Факт третий: в экономически благополучных странах Европы довольно высоки показатели эмиграции. Это и возвратная миграция, и депортация, и отъезд за границу собственных граждан. Отсюда следует, что число иммигрантов здесь, кажущееся едва ли не астрономическим в абсолютных цифрах, не является таковым в относительных цифрах. В Великобританию, например, ежегодно въезжает с целью долговременного или постоянного жительства порядка 600 тыс. человек, однако порядка 400 тыс. с теми же целями выезжает. Германия и Швеция, традиционно принимающие значительное число мигрантов (как трудовых, так и вынужденных), столь же традиционно сталкиваются с достаточно высокими показателями убытий на ПМЖ в другие страны, в результате чего их миграционное сальдо оказывается гораздо более скромным, чем может показаться.

Таблица 7 / Table 7

**Миграционное сальдо в ЕС в целом и отдельных странах в 2018 г., тыс. чел. /
Net migration in EU-28 and particular countries, 2018, thousands**

ЕС-28	EU-28	1456.7
Великобритания	United Kingdom	258.3
Швеция	Sweden	86.3
Германия	Germany	394.2
Нидерланды	Netherlands	86.4
Италия	Italy	69
Австрия	Austria	34.9
Польша	Poland	22.1
Венгрия	Hungary	32.2

Источник: составлено авторами на основе / *Source:* Made by the authors on basis of: Eurostat “Demographic balance, 2018”. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/7/7f/Demographic_balance%2C_2018_%28thousands%29.png (дата обращения 13.04.2020).

Факт четвертый: наряду с притоком людей в относительно богатые страны Европы происходит значительный, пусть и меньший по масштабам отток людей из Европы на другие континенты. Это хорошо видно на примере уже упомянутой Германии: в 2014 г. сюда прибыло порядка 75 тыс. жителей различных государств Африки, однако при этом из Германии в направлении Африки убыло 27 тыс. чел. [17, с. 208]. Правда, большинство выбывших в данном случае составляют так называемые возвратные мигранты. Но есть и

примеры эмиграции «коренных европейцев» в страны Африки и Азии. Например, немало граждан Португалии ежегодно выезжают в Мозамбик и Макао (бывшие португальские колонии) – там молодые португальцы рассчитывают сделать карьеру, на которую они не могут рассчитывать на родине⁸.

Заключение

Меньше всего нам хотелось бы, чтобы вышеизложенное было воспринято как панегирик миграции. Из того обстоятельства, что мы пытаемся деконструировать предубеждения, определяющие и легитимирующие антимиграционную политическую повестку, не следует, что тем самым мы стремимся продвинуть «промиграционную» повестку. Иными словами, мы не занимаем какой-либо позиции в идеологическом противостоянии между «мигрантофобами» и «мигрантофилами». Мы лишь демонстрируем неадекватность того набора представлений о глобальных миграциях, который образует каркас политической мифологии, инструментализируемой правопопулистскими партиями и движениями. Такая демонстрация необходима для того, чтобы удерживать процессы принятия решений по поводу миграционного регулирования в тиши кабинетов.

Библиографический список

- [1] *Howard M.M.* The Politics of Citizenship in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- [2] *Freeman G.* Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States. // *International Migration Review*. 1995. Т. 29. № 4. С. 881–902.
- [3] *Schain M.* The Extreme-Right and Immigration Policy-Making: Measuring Direct and Indirect Effects // *West European Politics*. 2006 Т. 29. № 2. С. 270–289.
- [4] *Малахов В.С.* Иммиграционные режимы в государствах Запада и в России: теоретико-политический аспект // *Полис*. 2010. № 3. С. 60–68.
- [5] *Flood C.* Political Myth: A Theoretical Introduction. London: Routledge, 2001.
- [6] *Bottici C.* A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- [7] *Yilmaz F.* Right-wing hegemony and immigration: How the populist far-right achieved hegemony through the immigration debate in Europe // *Current Sociology*. 2012. Т. 60. № 3. С. 368–381
- [8] *Lukassen G. and Lubbers M.* Who Fears What? Explaining Far-Right-Wing Preference in Europe by Distinguishing Perceived Cultural and Economic Ethnic Threats // *Comparative Political Studies*. 2011. Т. 45. № 5. С. 547–574.
- [9] *Lazaridis G., Campani G., Benveniste A.*, editors. The Rise of the Far Right in Europe: Populist Shifts and “Othering”. Palgrave Macmillan UK, 2016.
- [10] *Вишневский А.Г.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–29.
- [11] Демографические аспекты социально-экономического развития / под ред. М.Б. Денисенко. М.: МАКС Пресс, 2012.
- [12] *Therborn C.* The NATO Demographer // *New Left Review*, 2009. № 56 (March-April). С. 136–144.

⁸ Подробнее см: Portugal arbeitsmarkt auswanderung // *Die Zeit*. URL: <http://www.zeit.de/wirtschaft/2015-01/portugal-arbeitsmarkt-auswanderung> (accessed: 28.04.2020).

- [13] *Истерли У.* Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- [14] *Gardner D.* Future Babble: Why Expert Predictions Fail – and Why We Believe Them Anyway. Toronto: McClelland and Stewart, 2011.
- [15] *Messina A. M.* The Logic and Politics of Post-WWII Migration to Western Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- [16] *Hollifield J., Martin Ph. & Orrenius P.*, editors. Controlling Immigration: A Global Perspective. 3 edition. Stanford University Press, 2014.
- [17] *Oltmer J.* Migration: Geschichte und Zukunft der Gegenwart. Darmstadt: Theiss, 2017.
- [18] *Betts A.*, editor. Global Migration and Governance. Oxford: Oxford University Press, 2010
- [19] *Geiger M., Pécoud A.*, editors. Disciplining the Transnational Mobility of People. NY: Palgrave, 2013.
- [20] *Kunz R., Lavenex S., Panizzon M.*, editors. Multilayered migration governance: the promise of partnership. Routledge, 2011.
- [21] *Малахов В.С.* Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 104–111.
- [22] *Lacroix T., Desille A.*, editors. International Migrations and Local Governance: A Global Perspective. Palgrave Macmillan, 2018.
- [23] Elcano Royal Insitute, Istituto Affari Internazionali. Italian and Spanish Approaches to External Migration Management in Sahel: Venues for Cooperation and Coherence. Working Paper. 13/2018.
- [24] *Castles S., Haas H., Miller M.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 6-th Edition. The Guilford Press, 2018.
- [25] *Andrienko Y., Guriev S.* Understanding Migration in Russia // CEFIR Policy Papers. 2005. № 23.
- [26] *Малахов В.С., Мкртчян Н.В., Вендина О.И., Флоринская Ю.Ф., Варшавер Е.А., Рочева А.Л. и др.* Международная миграция и устойчивое развитие России. М.: Дело, 2015.

References

- [1] Howard M. M. *The Politics of Citizenship in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
- [2] Freeman G. Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States. *International Migration Review*. 1995. 29 (4): 881–902.
- [3] Schain M. 2006. The Extreme-Right and Immigration Policy-Making: Measuring Direct and Indirect Effects. *West European Politics*. 2006. 29 (2): 270–289.
- [4] Malakhov V. Immigration regimes in the West and in Russia: theoretical and political aspects. *Polis. Political studies*. 2010. 3: 60–68. (In Russ.).
- [5] Flood C. *Political Myth: A Theoretical Introduction*. London: Routledge; 2001.
- [6] Bottici C. *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007.
- [7] Yilmaz F. Right-wing hegemony and immigration: How the populist far-right achieved hegemony through the immigration debate in Europe. *Current Sociology*. 2012. 60 (3): 368–381.
- [8] Lukassen G., Lubbers M. Who Fears What? Explaining Far-Right-Wing Preference in Europe by Distinguishing Perceived Cultural and Economic Ethnic Threats. *Comparative Political Studies*. 2011. 45 (5): 547–574.
- [9] Lazaridis G., Campani G., Benveniste A., editors. *The Rise of the Far Right in Europe: Populist Shifts and “Othering”*. Palgrave Macmillan UK; 2016.
- [10] Vishnevskii A.G. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of the homo sapiens. *Демографическое обозрение*. 2014. 1 (1): 6–29 (In Russ.).
- [11] Denisenko M. B., editor. *Demographic aspects of socio-economic development*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.).
- [12] Therborn C. The NATO Demographer. *New Left Review*. 2009. № 56 (March–April): 136–144.
- [13] Easterly W. *Tyranny of Experts*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara; 2016. (In Russ.).

- [14] Gardner D. *Future Babble: Why Expert Predictions Fail – and Why We Believe Them Anyway*. Toronto: McClelland and Stewart; 2011.
- [15] Messina A.M. *The Logic and Politics of Post-WWII Migration to Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007.
- [16] Hollifield J., Martin Ph., Orrenius P., editors. *Controlling Immigration: A Global Perspective*. 3 edition. Stanford University Press; 2014.
- [17] Oltmer J. *Migration: History and Future of the Present*. Darmstadt: Theiss; 2017. (In Germ.).
- [18] Betts A., editor. *Global Migration and Governance*. Oxford: Oxford University Press; 2010.
- [19] Geiger M., Pécoud A., editors. *Disciplining the Transnational Mobility of People*. NY: Palgrave; 2013.
- [20] Kunz R., Lavenex S, Panizzon M., editors. *Multilayered migration governance: the promise of partnership*. Routledge; 2011.
- [21] Malakhov V., Global Migration Governance: Theory, Institutions, Politics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, 63 (10): 89–96. (In Russ.).
- [22] Lacroix T., Desille A., editors. *International Migrations and Local Governance: A Global Perspective*. Palgrave Macmillan; 2018.
- [23] Elcano Royal Insitute, Istituto Affari Internazionali. *Italian and Spanish Approaches to External Migration Management in Sahel: Venues for Cooperation and Coherence*. Working Paper. 13/2018.
- [24] Castles S., Haas H., Miller M. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. 6-th Edition, The Guilford Press; 2018.
- [25] Andrienko Y., Guriev S. Understanding Migration in Russia. *CEFIR Policy Papers*. 2005. 23.
- [26] Malakhov V.S., Mkrtychyan N.V., Vendina O.I., Florinskaya J.F., Varshaver E.A., Rocheva A.L. et al. *International migration and sustainable development of Russia*. Moscow: Delo; 2015. (In Russ.).

Информация об авторах:

Малахов Владимир Сергеевич – доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии ИОН РАНХиГС (ORCID ID: 0000-0003-0154-5785) (malakhov-vs@ranepa.ru).

Мотин Александр Сергеевич – магистр политологии и международных отношений, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН РАНХиГС (ORCID: 0000-0001-5120-5290) (motin-as@ranepa.ru).

Information about the authors:

Vladimir S. Malakhov – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Center for Theoretical and Applied Political Studies, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (ORCID ID: 0000-0003-0154-5785) (malakhov-vs@ranepa.ru).

Alexander S. Motin – MA in Political Science and International Relations, Research Fellow of the Center for Theoretical and Applied Political Studies, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (ORCID: 0000-0001-5120-5290) (motin-as@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-339-351

Научная статья / Research article

Мировая геополитическая конкуренция в контексте четвертой промышленной революции

К.В. Блохин

Центр исследования проблем безопасности РАН
Российская Федерация, 117335, Москва, ул. Гарibaldi, 21 б
constantinos1@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются прогностические оценки и концепции, представленные западным интеллектуальным сообществом относительно перспектив развития новых тенденций мировой экономики, вызванные четвертой промышленной революцией. Автор привлекает разнообразные источники, среди которых доклады «мозговых центров США», труды представителей мировой финансовой и технократической элиты, работы американских интеллектуалов. Методологической основой исследования является теория миросистемы И. Валлерстайна, позволяющая выявить динамические и конфликтные линии взаимодействия двух геополитических центров мира – США и КНР. На основе анализа современных тенденций современные эксперты прогнозируют революционные изменения в современных технологиях, способные решительным образом повлиять на социально-политическую стабильность не только в странах Запада, но и развивающихся государствах. Автор показывает, что новый технологический уклад не только меняет отраслевую структуру экономики, но и оказывает сильное влияние на занятость. По мнению американских аналитиков, новые технологии могут дестабилизировать социально-политическую стабильность в любой стране, но особенно в странах, где традиционным инструментом является дешевый труд. Роботизация и автоматизация производства могут стать конкурентным преимуществом США и стран Запада в конкуренции с КНР. В статье отмечается, что Россия находится лишь в самом начале технологической революции, отстает от «большой пятерки» ведущих стран. Преодоление ее отставания в сфере ИИ и роботизации требует принятия комплексных мер экономического, научного и политического характера. Игнорирование реалий технологического прогресса чревато нарастанием угроз национальной безопасности.

Ключевые слова: роботизация, автоматизация, рабочие места, четвертая промышленная революция, индустрия 4.0, Дональд Трамп, сдерживание Китая, миграция, национальная безопасность, Россия

История статьи: Поступила в редакцию 10.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Блохин К.В. Мировая геополитическая конкуренция в контексте четвертой промышленной революции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 339–351. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-339-351

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2019 год и на плановый период 2020–2021 гг. (НИР 0006-2020-0001).

© Блохин К.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

World Geopolitical Competition in the Context of the Fourth Industrial Revolution

Konstantin V. Blokhin

Center of Security Problems of Russian Academy of Science
21 B Garibaldi St, Moscow, 117335, Russian Federation
constantinos1@rambler.ru

Abstract. Article analyzes predictive estimates and concepts presented by the Western intellectual community, regarding prospects for development of new trends in the global economy, caused by the fourth industrial revolution. Author draws on a variety of sources, including reports from US think tanks, works by representatives of global financial and technocratic elite, and works by American intellectuals. Methodological basis of the study is a theory of the world system of I. Wallerstein, which allows to identify dynamic and conflicting lines of interaction between two geopolitical centers of the world – the United States and China. Based on an analysis of current trends, modern experts predict revolutionary changes in modern technologies that can decisively affect socio-political stability, not only in Western countries, but in developing countries as well. Author shows that the new technological structure is changing not only sector structure of the economy, but also has a strong impact on employment. According to American analysts, new technologies can destabilize socio-political stability in any country, especially in countries where cheap labor is a traditional tool. Robotization and automation of production can become a competitive advantage of the United States and Western countries in competition with China. Article notes that Russia is only at the very beginning of technological revolution, behind “big five” leading countries. Overcoming its lag in the field of AI and robotics requires adoption of comprehensive measures of economic, scientific and political nature. Ignoring realities of technological progress is fraught with increase in threats to national security.

Keywords: robotization, automation, workplaces, fourth industrial revolution, Industry 4.0, Donald Trump, China containment, migration, national security, Russia

Article history: Submitted on 10.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Konstantin V. Blokhin. World Geopolitical Competition in the Context of the Fourth Industrial Revolution. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 339–351. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-339-351

Acknowledgements: The research was supported by the state assignment of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science for 2019 and period of 2020-2021 (Research work 0006-2020-0001).

Введение

Одной из отчетливых политических тенденций современного мира с начала XXI века является продолжающееся ослабление глобальных позиций США: «США утрачивают положение гегемона, и даже их колоссальная военная мощь не помогает достижению целей, связанных с национальными интересами. Похоже, этого не избежать: конец гегемонии близок. Если не исправить многочисленные изъяны во всех четырех источниках социальной власти, американское могущество будет и дальше ослабевать» [1, с. 153].

Во многом такое положение носит объективный и естественный характер. Невозможно не согласиться с И. Валлерстайном о проявлениях упадка доминирования гегемона. Гегемония, по его словам, создает относительную стабильность, при которой, тем не менее, «всегда есть проигравшие», стремящиеся изменить status quo. Использование гегемоном военной силы «часто не достигает полного успеха, тем самым накладывая определенные ограничения на репрессивную власть державы – гегемона» [2, с. 32].

Последствия стремления удержать ситуацию силой оказываются непредсказуемыми и тяжелыми. Это и нарастающее недовольство населения, неготового оплачивать бремя военных расходов, и рост амбиций стран, стремящихся подорвать позиции гегемона. «Мировая система начинает сдвигаться от ситуации неоспоримой гегемонии к ситуации равновесия власти. Поскольку это циклический процесс, другие тоже могут стремиться к тому, чтобы стать следующей державой – гегемоном. Вследствие всего этого держава-гегемон начинает медленно приходить в упадок» [2, с. 33].

Возможно, сегодня мы наблюдаем эту ситуацию непрочного равновесия. В течение этой четверти века мы наблюдали неэффективные, отягощенные колоссальными финансовыми затратами войны США на Ближнем Востоке, сопровождавшиеся глубокими внутривнутриполитическими сдвигами во внутриамериканской жизни. Не менее явственно проявляются мировые тенденции по пересмотру «американских правил» со стороны стран, неудовлетворенных доминированием США–Россией, КНР, Ираном. Прогнозы И. Валлерстайна, сделанные в начале второго десятилетия XXI века, с каждым новым годом подтверждаются фактами действительности.

Для США такая реальность становится сложным, мало предсказуемым вызовом, ответ на который не может быть простым по определению. Все более актуальным остается вопрос о грядущем мировом порядке. Сегодня важно ответить на вопросы о том, какие факторы в ближайшее время будут влиять на геополитическую архитектуру мира. Не секрет, что все большее влияние на постоянно меняющуюся динамику современного мира будут оказывать технологические сдвиги в мировой экономике. Оценка такого влияния, без сомнения, имеет принципиальное и актуальное значение. И эта задача в первую очередь касается вопроса о взаимоотношении двух мировых экономических гигантов современного мира – США и КНР. Не будет преувеличением предположить, что от результатов экономической и технологической конкуренции этих двух гипердержав зависят характер и направленность мировой истории.

Цель заявленной статьи состоит в анализе современных концепций и оценок, предлагаемых представителями западного экспертного сообщества в определении трендов и тенденций современной индустрии и выявлении их влияния на архитектуру современного мироустройства и сложившийся геополитический баланс.

Источниками исследования являются аналитические доклады «мозговых центров» США (Гудзоновский институт, CSIS – Центр стратегических и международных исследований), труды представителей мировой финансовой и технократической элиты (К. Шваб, Кай-Фу Ли), работы ведущих представителей американской интеллектуальной элиты (А. Росс, Джереми Рифкин, М. Форд), выступления и программные речи президента США Д. Трампа.

Методологической основой исследования является структурно-системный подход, позволяющий рассматривать мировые процессы и геополитические сдвиги в рамках единой и взаимосвязанной миросистемы, где геополитические акторы выступают в качестве конкурирующих и взаимодополняющих элементов динамичного взаимодействия.

И. Валлерстайн, рассматривая состояние капиталистической миросистемы, подчеркивал принципиальную возможность эффективно и «гордо держать голову в окружении конкурентов по миросистеме» [3, с. 165].

Второе десятилетие XXI века отмечено прогрессирующей сдачей экономических позиций США. Превращение Китая из экономического конкурента в геополитического противника поставило перед США вопрос об эффективности экономической политики. В аналитическом докладе эксперта Гудзоновского института А. Германа с нескрываемой тревогой отмечается, что США экстренно «нуждаются в новой парадигме» промышленной политики, поскольку развитие передовых технологий в Китае с характерным для них мультипликационным эффектом не только «определяет курс будущих инноваций», но и в состоянии обречь на стагнацию американскую мощь» [4, с. 9].

Очевиден факт, что геополитическое противостояние сегодня носит иной характер, чем тот, который имел место в годы Холодной войны между СССР и США. Тогда «линия раздела» лежала в военно-стратегической сфере, а современное противостояние между США и КНР пролегло в сфере высоких технологий, в области искусственного интеллекта. «Сегодня Соединенные Штаты ведут борьбу с Китаем, которая перевешивает по масштабу войну с террором. Всмотревшись в будущее, с точки зрения ее потенциала, эта борьба приближается к масштабам холодной войны... Разница лишь в том, что она будет вестись не танками и армиями на поле боя, ни подводными лодками и кораблями на море, ни даже баллистическими ракетами, вооруженными ядерными боеголовками и управляемыми посредством спутников из космоса... А конфликт будет происходить прямо на экранах компьютеров, в исследовательских лабораториях и на заводах, словом, арене, где сталкиваются конкурирующие экономики и конфликтующие национальные интересы» [4, с. 14].

Очевидно, что ядром технологического противоборства станет способность какой-либо из держав первой внедрить технологию искусственного интеллекта (ИИ). Для КНР реализация технологий ИИ стала приоритетной национальной целью, для достижения которой она предполагает потратить 150 млрд долл. США, чтобы стать мировым лидером в ИИ к 2030 г. [4, с. 13].

Выгоды и риски технологической революции

Ослабление позиций США, очевидно, связано с тем фактом, что модель современной глобализации оказалась неудобной для США.

«То, что было скверно для индустриальной Америки и Европы, оказалось просто прекрасным для Индии, Китая и большей части остального мира. Потрясающая основа образа жизни многих резидентов промышленных городов и государств Запада, глобализация и инновации содействовали экономическому росту развивающихся стран» [5, с. 23], – отмечает Алек Росс, экс-старший советник госсекретаря США по инновациям.

Если оценивать валовый внутренний продукт (ВВП) по паритету покупательной способности валют (ППС), то сегодня США переместились на второе место в мире с долей в размере 15,4% (2016 г.). На Китай приходится 17,8% мирового ВВП (1-е место). Доля США в мировом ВВП за 10 лет с 2006 по 2016 г. снизилась на 3,8 процентных пункта [6, с. 100].

В Китае изменения имели еще более значительный характер: уровень бедности за тот же период снизился с 84 до 13 %, из нищеты выбрались около 600 миллионов китайцев. Экономика страны выросла в 25 раз по сравнению с показателями 30-летней давности, став второй по величине в мире после Соединенных Штатов [5, с. 23]. В США результаты и последствия глобализации намного пессимистичнее. С началом переноса производства в 1990-е гг. в страны с низким уровнем оплаты – в первую очередь в Китай, Индию и Мексику США потеряли 1,2 млн рабочих мест, т.е. более чем три четверти от общего числа занятых в текстильной промышленности [7, с. 28]. И это только в текстильной промышленности! Глобализация, безусловно, нанесла серьезный урон американской экономике, как отдельным отраслям производства, так и совокупной американской мощи.

Ответом на возникшие трудности стала стратегия Д. Трампа по возвращению производственных мощностей обратно в США. Однако в кратчайшие сроки осуществить эту задачу едва ли возможно, поскольку решение этого вопроса – перспектива даже не нескольких лет, а десятилетий. Более того, в условиях глобализации западные технологические инновации были взяты и успешно апробированы другими странами. Китай успешно их копирует и развивает. Да и продолжать переносить производственные мощности в Китай в последнее время становится нецелесообразно не только по геополитическим расчетам, но и экономически. В Китае уже не первый год наблюдается рост зарплат, да и сам Китай успешно занимается переносом своих ТНК в более бедные районы планеты, успешно борется за ресурсы. В своей книге «Былое величие Америки» Д. Трамп пишет: «Китай Америке не друг. Китайцы рассматривают нас как врагов. Вашингтону надо быстрее очнуться, поскольку Китай крадет у нас рабочие места, разрушает нашу промышленность и со скоростью звука ворует наши технологии и военные возможности. Если Америка быстро не поумнеет, ущерб окажется невосполнимым и необратимым» [8, с. 40].

В унисон звучат его слова: «Когда речь заходит о Китае, Америке лучше «не валять дурака». Китай рассматривает нас как очень наивных, доверчивых и глупых врагов» [8, с. 61]. Как же в таком случае победить успешного конкурента, оседлавшего глобализацию? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости осмысления новых технологических реалий, которые сегодня набирают силу.

Это, прежде всего, относится к роботизации, которая революционно меняет не только структуру мировых экономик, но и безжалостно сокращает занятость, буквально взрывая рынки труда. Показательно, что проходящая роботизация в сельском хозяйстве США неуклонно ведет к снижению занятости, что, по всей вероятности, скажется на остроте миграционной проблемы в США, ставшей важным пунктом предвыборных баталий.

Согласно пессимистическим оценкам палеоконсерватора П. Бьюкенена, миграционная проблема в США приведет к глубоким изменениям в структуре американского общества. Ссылаясь на перепись 2010 г., он подчеркивает, что Белые американцы в 2041 г. станут меньшинством. Конец белой Америки видится «культурной и демократической неизбежностью» [9, с. 179].

В результате нетрудно спрогнозировать рост этнических конфликтов. «Расовое сознание белых крепнет и уже начало проявляться в политике, ибо десятки миллионов американцев не хотят жить в стране, настолько отличной от той, в которой они выросли» [9, с. 195].

Во время президентской кампании 2016 г. иммиграционная проблема для 18% американцев стала важнейшей, обогнав по своей значимости стабильность и угрозу терроризма [10, с. 209]. Если раньше вопросом иммиграции правительство занималось «точно», то теперь от его решения зависит ответ, кто и какая партия будет править Америкой. Америка сегодня этнически и культурно расколота.

Использование роботизации, с этой точки зрения, лишь обострит проблему.

В США применение робототехники в сельском хозяйстве может привести к пересмотру базовых принципов государственной иммиграционной политики [7, с. 50]. Очевидно, что первыми жертвами ускорения темпов внедрения робототехники и передовых технологий, наблюдаемыми практически во всех секторах экономики, видимо, станут низкооплачиваемые рабочие места, не требующие специального образования [7, с. 50]. В 20 крупнейших экономиках в период между 1995 и 2002 гг. было ликвидировано более 31 млн производственных рабочих мест, при этом производительность труда выросла на 4,3%, а глобальное промышленное производство – на 30% [11, с. 367]. Этот процесс затронул и КНР, где число фабричных рабочих мест уменьшилось за этот период на 15 млн, что составляет 15% от его совокупной рабочей силы, на фоне резкого роста объемов производства за счет внедрения новых автоматизированных интеллектуальных технологических процессов. За это же время занятость в производстве в других крупнейших экономиках сократилась на 16%, а в США – более чем на 11%. В 2010 г. рабочие в США

производили в час на 38% больше продукции, чем в 2000 г. Поскольку объемы производства оставались относительно стабильными на протяжении десятилетия, из-за того что они требовали все меньше рабочих рук, занятость упала более чем на 32%.

В период с 1982 по 2002 г. американское сталелитейное производство выросло с 75 млн до 102 млн т, а численность рабочих-металлургов снизилась с 289 000 до 74 000 человек. При сохранении существующей тенденции (а она, скорее всего, будет только усиливаться с появлением все более эффективных технологий) число рабочих мест в глобальном производстве должно, по некоторым оценкам, снизиться с нынешних 163 млн до нескольких миллионов к 2040 г. Иначе говоря, исчезнет львиная доля фабричных рабочих мест по всему миру [11, с. 368]. Таким образом, автоматизация и роботизация производства бьет сегодня не только по занятости в передовых странах, но и затрагивает в не меньшей степени и Китай, достигавший своего преимущества за счет дешевой рабочей силы. В промышленном секторе КНР сегодня занято на 30 млн меньше работников, при росте производства на 70%. И дело не в том, что американских рабочих заменяют китайские: просто и те и другие стали более производительными благодаря автоматизации производства [12, с. 241].

В долгосрочной перспективе самое значительное влияние на рынок труда автоматизация окажет отнюдь не в Америке и других развитых странах, а в развивающихся регионах, где источником конкурентного преимущества служит дешевая рабочая сила. При замене людей в производстве роботами или другими средствами автоматизации конкурентное преимущество низкой зарплаты почти исчезнет [12, с. 242].

Если посмотреть на типы задач, которые переносились за границу США в последние 20 лет в организации производства, то нетрудно убедиться, что это касалось рутинных и хорошо структурированных операций, которые проще всего автоматизировать. Иными словами, перенос производства в другие страны подчас становится всего лишь промежуточной станцией на пути к автоматизации [12, с. 243]. По оценкам исследователей, в течение 10–20 лет потенциал автоматизации достигнет такого уровня, что под угрозой окажется от 40 до 50% рабочих мест в Соединенных Штатах. К 2030 г. работодателям потребуется на 20–25% меньше сотрудников, что сопоставимо с численностью трудовых мигрантов в США, составляющей от 30 до 40 млн чел. Если учитывать не только потерю рабочих мест, но и снижение заработной платы, то перемены затронут 80% всех работников [13, с. 165].

При этом аналитики отмечают, что новая технологическая революция создает для Китая большие риски, чем для США, поскольку КНР при создании производственной базы опиралась на дешевую рабочую силу. Теперь же, даже в Китае, где рабочая сила традиционно была самой дешевой, все более выгодным ходом становится покупка роботов. Эти последствия напрямую скажутся на политической стабильности в КНР, в памяти лидеров которой свежи воспоминания о событиях на площади Тяньаньмэнь [5, с. 56].

Схожий взгляд разделяет известный ученый и эксперт Вивек Вадхва, полагающий, что умная робототехника подорвет преимущество Китая как центра промышленного производства и оно начнет возвращаться в Соединенные Штаты, причем не создавая там дополнительные рабочие места. «Американские роботы работают не хуже китайских, – писал он, – они тоже не жалуются и не вступают в профсоюзы» [13, с. 166]. По мнению Форда, прошедшие 60 лет развития технологий привели к обвалу рынка труда в промышленном производстве США. Китай ждет та же участь. При этом не исключено, что темпы падения уровня занятости в промышленности там могут оказаться даже более высокими, чем в США [7, с. 300].

Таким образом, западные аналитики не без основания надеются на то, что технологическая революция наиболее существенным образом коснется Китая и подорвет основу его процветания – социальную стабильность, что откроет новые возможности в геополитической победе США.

Революционные технологии. Запад снова в авангарде?

Противоречивый характер новой промышленной революции отчетливо осознается лидерами мировой либеральной элиты. В частности, Клаус Шваб – основатель и Президент Давосского форума, автор книги «Четвертая промышленная революция» – пишет: «Характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени, как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [14, с. 21]. Очевидно, что страна, которая первой ворвется в четвертую промышленную революцию, сумеет не только воспользоваться ее результатами, но и сможет повернуть геополитическое соревнование в свою сторону. США уже взяли курс на победу в новой технологической гонке и небезосновательно рассчитывают на технологические возможности развитых стран Запада. «Нетривиальная ставка на массовое внедрение роботов и новую индустриальную революцию позволит осуществить экономический и технологический “рывок США” от Китая. Такие страны, как Япония, Южная Корея, Германия, США и ЕС (на которые приходится 70% мирового объема рынка роботов), могут определять направления роботизации мира. Ни Россия, ни Китай отдельно не смогут влиять на мировые тенденции развития робототехники, по крайней мере, ближайшие 20–30 лет» [15, с. 54].

Республиканская администрация Д. Трампа ставит эту задачу в практической плоскости. Трамп создал «Национальный совет по торговле», а его директором и своим помощником по вопросам торговой и промышленной политики назначил Питера Наварро, известного своей неприязнью к Китаю. Цель организации состоит в консультировании президента по инновационным стратегиям, координации с другими агентствами оценки производственных возможностей США и военно-промышленной базы. Совет призван оказать помощь безработным американцам в поиске новых возможностей в

квалифицированном производственном секторе. Сегодня он переименован в Управление торговой и производственной политики – The Office of Trade and Manufacturing Policy¹.

В своей речи от 15 марта 2017 г. Д. Трамп призвал к новой промышленной революции автопроизводителей в Мичигане. «Я прошу все компании здесь сегодня присоединиться к нам в этой новой промышленной революции», – сказал Трамп автопроизводителям на бывшем сборочном заводе в Ипсиланти².

По мнению исследователей, роботизация приведет к ряду коренных изменений в развитии человечества, а именно: осуществит революционный сдвиг в парадигме труда – переход от удешевления стоимости рабочей силы к полному производству без использования трудовых ресурсов; приведет к милитаризации (военное применение) искусственного интеллекта (Artificial Intelligence) и трансформации концепции человеческих войн; внедрит автономное оружие, в будущем – самообучающееся; будет способствовать созданию «думающих систем», способных выполнять сложные задачи в динамичной среде; приведет к созданию «умных фабрик» – производственных, научно-исследовательских и иных киберорганизмов на базе мульти-ячеек [15, с. 52].

Но тотальная автоматизация и роботизация таит и социальные риски, связанные с грядущими волнами безработицы, потерей рабочих мест и замещением человека как ненужной единицы. Необходимо учитывать, что указанные процессы не являются чем-то фантастическим, а выступают мегатрендом развития западных стран. Согласно прогнозам, к 2019 г. в США около 25% всех производственных задач будут поручены программируемым роботам, физическим роботам или роботам потребительской автоматизации и сферы самообслуживания [15, с. 53].

Эти кардинальные перемены являются уже наступающей реальностью. На наших глазах в развитых странах происходит формирование действительно «новой» экономики, охватывающей весь индустриальный базис общества [16, с. 86].

И современная администрация США вполне отчетливо понимает значимость происходящих изменений.

В условиях усиливающейся фрагментации глобального ландшафта, с непредсказуемостью внешней политики, возникает некий феномен гонки «цифровых вооружений». «Политические лидеры, комментаторы и технологи все чаще говорят о гонке цифровых вооружений, в которой не только Китай и США, но и их соответствующие технологические гиганты будут бороться за господство» [17, с. 7]. «Поле битвы» станет соревнование за приоритет в

¹ Ana Svanson. Peter Navarro, a Top Trade Skeptic, Is Ascendant // The New York Times. Feb. 25.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/25/us/politics/peter-navarro-trade.html> (accessed: 21.03.2020).

² Halper Daniel. Trump touts 'new industrial revolution' in speech to auto workers // New York Post. March 15, 2017. URL: <http://nypost.com/2017/03/15/trump-touts-new-industrial-revolution-in-speech-to-auto-workers> (accessed: 21.03.2020).

создании искусственного интеллекта. «ИИ, вероятно, станет следующим полем битвы в меняющемся глобальном балансе сил. Китай объявил о широкомасштабном плане стать мировым центром искусственного интеллекта номер один к 2030 году с основной отраслью искусственного интеллекта в 1 триллион юаней. Если Китай осознает этот уровень инвестиций, он будет превышать Европейский Союз более чем в десять раз каждый год. Мы начинаем видеть, как эти тенденции материализуются. По данным CB Insights, примерно половина мировых инвестиций в акционерный капитал в стартапах ИИ в 2017 г. была направлена в Китай, чуть менее 40% – в Соединенные Штаты, а оставшиеся 14% – в другие регионы, включая Европу» [17, с. 8].

В этой связи неизбежно встает вопрос о шансах России в четвертой технологической революции. К сожалению, Россия сегодня остается в аутсайдерах технологической революции. Несмотря на свою мощную индустриальную базу, она вообще не является игроком на рынке робототехники. Она не производит и не покупает роботов в сколько-нибудь значительных количествах, а продолжает заниматься добычей природного газа, нефти, железа, никеля и их переработкой на заводах, которые выглядят и функционируют так, как и в 1970–1980-х годах. Лишь несколько государств вырвались в лидеры спроса на роботов. Около 70% от общего объема продаж таких устройств приходится на Японию, Китай, США, Южную Корею и Германию, составляющих «большую пятерку» робототехники. Относительный отрыв «большой пятерки» в будущем может даже увеличиться, ибо именно эти страны, вероятнее всего, внедрят следующее поколение робототехники в общественную, производственную и бытовую сферы [5, с. 32–33].

Возможности успеха РФ в новой технологической революции оценить трудно, поскольку он зависит от множества факторов: сложившейся структуры экономики, способности российского политического класса инициировать и реализовать инновационный проект, создать и запустить механизм инновационного развития. Россия находится только на начальном этапе инновационного развития. «Для технико-технологической системы характерны непреодоленные технологические и социально-политические разрывы в экономике, тормозящие развитие в научно-технической сфере: производственная сфера оторвана от финансовой системы, научная сфера разорвана на фрагменты, в то время как мировой тренд – междисциплинарность, синергетизм. Малый и средний бизнес оторваны от инвестиционных и инновационных ресурсов. Уничтожены многие направления отраслевой науки, ослаблены фундаментальная, вузовская и заводская наука. Аппарат реализации модернизации, реинжиниринга и реконструкции российской промышленности, доля которой в ВВП в последнюю четверть века сократилась с 52 до 28%, неэффективен. Не оправдались надежды на переход к постиндустриальному обществу. Доля промышленности в ведущих странах мира (США, Германии, Японии, Франции, Южной Кореи...) не опускается ниже 60%. Международное разделение труда трансформировалось в монополизм сетевых транснациональных корпораций» [18].

Анализ показывает, что «морально и физически устарел базис машиностроения – литейное, кузнечное производство. Срок службы заготовительных и инфраструктурных основных фондов превышает критически допустимый (30–40 лет), что не позволяет отечественным предприятиям осуществлять производство конкурентоспособной и наукоемкой продукции (доля России на мировом рынке «hi-tech» не превышает 0,3%). Разрушены станкостроение, электронное приборостроение. В результате импортозамещение натывается на отсутствие российских производителей современного машиностроительного оборудования» [18].

Заключение

Таким образом, сегодня требуются решительные и «революционные решения» в области определения ключевых, системных приоритетов, концентрация ресурсов на немногих, но самых важных направлениях, последовательное движение к цели.

Исследователи предлагают различные меры адаптации к вызовам новой волны индустриальной революции 4.0. К ним можно отнести формирование корпуса новых кадров, начиная со школы (уроки технического творчества в школах, как в Европе); развитие лучшей в мире математической школы в России, способной обеспечить конкурентные преимущества в мире; обратить особое внимание на развитие инжиниринговой школы в стране. В любом случае речь должна идти о необходимости формирования научно выверенной стратегии осуществления 4-й индустриальной революции в России, в целях разработки которой необходима консолидация всего экспертного сообщества страны³.

Заявленная российским руководством стратегия цифровизации экономики является необходимым, но, на наш взгляд, недостаточным шагом к созданию новой экономики, основанной на парадигме четвертой технологической революции. Состоится ли это движение – покажет время. Однако его катастрофически не хватает! Факторами, которые могут затормозить или, напротив, ускорить такое движение, является сложная геополитическая среда: растущая напряженность, кризисные явления в мировой экономике, угроза глобальной пандемии. Но очевидно одно – современные мегатренды роботизации являются мощным геополитическим оружием, способным перевернуть мировой исторический ландшафт.

С этой точки зрения, успех или неуспех в новой технологической революции является ключевым фактором, влияющим на обеспечение национальной безопасности России. Отставание в сферах роботизации, цифровизации и искусственного интеллекта может быть фатальным для страны. Задача перехода

³ Комиссаров Алексей. Технологический ренессанс: Четвертая промышленная революция // Ведомости № 3938 от 14.10.2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/14/612719-promishlennaya-revoljutsiya>

к новому технологическому укладу сопоставима по масштабам и значению с великой сталинской индустриализацией, обеспечившей победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Библиографический список

- [1] Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? / Есть ли будущее у капитализма?: сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 113–156.
- [2] Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным / Есть ли будущее у капитализма?: сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 23–40.
- [3] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: УРСС: Ленанд, 2018.
- [4] Herman A. America Needs an Industrial Policy. Hudson Institute. November 22, 2019 American Affairs. December 2019. URL: <https://www.hudson.org/research/15493-america-needs-an-industrial-policy>. Accessed: 20.04.2020.
- [5] Росс А. Индустрии будущего. М.: Изд-во АСТ, 2017.
- [6] Варнавский Г.В. Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // Контуры глобальных трансформаций. 2018. Т. 11. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ssha-v-mirovoy-promyshlennosti-i-torgovle-kak-global-naaya-problema/viewer>. Дата обращения: 20.04.2020.
- [7] Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- [8] Трамп Д. Былое величие Америки. М.: Эксмо, 2016.
- [9] Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. М.: Изд-во АСТ, 2016.
- [10] Филиппенко И.И. Иммиграционная политика США: очерки истории. М.: Весь мир, 2018.
- [11] Рифкин Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- [12] Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Изд-во АСТ, 2017.
- [13] Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремневая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- [14] Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э», 2017.
- [15] Бондарева Н.Н. Состояние и перспективы развития роботизации: в мире и России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 3. С. 49–57.
- [16] Толкачев С.А., Кулаков Д.А. Роботизация как направление неоиндустриализации (на примере США) // Промышленная политика. 2016. № 2.
- [17] Runde D., Yayboke E., Bandura R., Carter W., Rubin N., Hammon M. Beyond technology. The Fourth Industrial Revolution in the Developing World. CSIS. May 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-technology-fourth-industrial-revolution-developing-world>. Accessed: 20.11.2016.
- [18] Кузнецова С.Б. Четвертая промышленная революция как результат инновационно-технологического развития производственных систем // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/03/65792>. Дата обращения: 20.11.2016.

References

- [1] Mann M. The End may be nigh, but for whom? *Does Capitalism Have a Future?* I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derluguian, C. Calhoun. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2017: 113–156. (In Russ.).

- [2] Wallerstein I. Structural crisis, or why capitalists may no longer find capitalism rewarding. *Does Capitalism Have a Future?* I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derluguian, C. Calhoun. M.: Gaidar Institute Publishing House; 2017: 23–40 (In Russ.).
- [3] Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. M.: URSS: Lenand, 2018: 298 (In Russ.).
- [4] Herman A. America Needs an Industrial Policy. Hudson Institute. *American Affairs*. December 2019. URL: <https://www.hudson.org/research/15493-america-needs-an-industrial-policy>. Accessed: 20.04.2020.
- [5] Ross A. *The Industries of the Future*. M.: AST Publishing House; 2017. (In Russ.).
- [6] Varnavskiy V.G. The US Role in the World Manufacturing and Trade as a Global Issue. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2018. Vol. 11 (2): 100–112 (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ssha-v-mirovoy-promyshlennosti-i-tor-govle-kak-globalnaya-problema/viewer>. Accessed: 20.04.2020.
- [7] Ford M. *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. M.: Alpina non-fiction; 2016. (In Russ.).
- [8] Trump D. *Time to get tough*. M.: Eksmo; 2016. (In Russ.).
- [9] Buchanan P. *Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025?* M.: AST; 2016. (In Russ.).
- [10] Filippenko I.I. *U.S. Immigration Policy: Historical Essays*. M.: Ves' mir; 2018. (In Russ.).
- [11] Rifkin D. *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World*. M.: Alpina non-fiction; 2017. (In Russ.).
- [12] Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. M.: AST; 2017. (In Russ.).
- [13] Kaj-Fu Li. *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*. M.: Mann, Ivanov and Ferber; 2019. (In Russ.).
- [14] Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. M.: 2017. (In Russ.).
- [15] Bondareva N.N. The Current State and the Perspectives of Robotics Development: in the Globe and Russia. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2016. 7 (3): 49–57. (In Russ.).
- [16] Tolkachev S.A., Kulakov D.A. Robotization as the direction of neo-industrialization (on the example of the USA) *The world of new economy*. 2016. 2: 79–87 (In Russ.).
- [17] Runde D., Yayboke E., Bandura R., Carter W., Rubin N., Hammon M. *Beyond technology. The Fourth Industrial Revolution in the Developing World*. CSIS. May 2019: 7. URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-technology-fourth-industrial-revolution-developing-world>. Accessed: 20.04.2020.
- [18] Kuznetsova S.B. The Fourth Industrial Revolution as a Result of Innovation and Technological Development of Production Systems. *Modern scientific researches and innovations*. 2016. 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/03/65792>. (In Russ.). Accessed: 20.04.2020.

Информация об авторе:

Блохин Константин Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН (ORCID ID 0000-0002-1777-434X) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).

Information about the author:

Konstantin V. Blokhin – PhD in History, Leading Research Fellow of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science (ORCID ID 0000-0002-1777-434X) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-352-366

Research article / Научная статья

Statism and Cosmopolitanism on Global Justice and Universal Fundamental Rights

Fabio Coacci

MGIMO University

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

University of Macerata (Italy)

30/32 Via Giovanni Mario Crescimbeni, 62100, Macerata MC, Italy

f.coacci1@studenti.unimc.it

Abstract. This review paper critically assesses the two main theories of global justice, statism and cosmopolitanism, according to which fundamental rights, and their corresponding duties, ought to be differently upheld, and enforced, at the global level. Its main aim is to go beyond the limitations of these theories defending the equal relevance of both fundamental civil and political rights and socio-economic rights, and their corresponding duties, at the global level and the need for the assessment of their implementation according to the level of their justification. To pursue this objective, the paper argues for the conceptualization of a fair (common) mean among these two categories of rights which can be morally and politically constructed on the very basic right to reciprocal and general justification. Accordingly, the focus is posed on the interconnection as well as conflicts between these two categories of rights, and their corresponding duties, establishing a ‘measure’ according to which their justification can be assessed, and their implementation and enforcement be ensured. This paper seeks also to prove that this conceptualization of fundamental rights and duties, which takes together Aristotle’s conception of justice and Forst’s critical theory of political and social justice, can provide a sketch on how a fair implementation and enforcement of peoples’ and persons’ rights and duties ought to be conceived at the global level.

Keywords: statism, cosmopolitanism, global justice, fundamental universal rights, distribution of rights and duties, civil and political rights, socio-economic rights, fair mean, Aristotle’s conception of justice

Article history: Submitted on 30.03.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Fabio Coacci. Statism and Cosmopolitanism on Global Justice and Universal Fundamental Rights. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 352–366. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-352-366

© Coacci F., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Глобальная справедливость и универсальные основные права человека с точки зрения этатизма и космополитизма

Фабио Коаччи

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российская Федерация, 111395, Москва, Проспект Вернадского, 76

Университет Мачерата (Италия)
Италия, 62100, Мачерата, Виа Джованни Марио Крешимбени, 30/32
f.coacci1@studenti.unimc.it

Аннотация. В данной обзорной статье критически оцениваются две основные теории глобальной справедливости, этатизм и космополитизм, согласно которым основные права человека и соответствующие им обязанности должны по-разному обеспечиваться и применяться на глобальном уровне. Основная цель – выйти за рамки ограничений этих теорий, отставив равное значение как основных гражданских и политических прав, так и социально-экономических прав и соответствующих им обязанностей на глобальном уровне, а также необходимость оценки их реализации в соответствии с уровнем их оправдания. Для достижения этой цели в статье предлагается концептуализация справедливого (общего) среднего значения для этих двух категорий прав, которое с моральной и политической точек зрения может быть основано на самом базовом праве на взаимную и общую справедливость. Соответственно, основное внимание уделяется взаимосвязи, а также противоречиям между этими двумя категориями прав и их соответствующими обязанностями, устанавливая «меру», в соответствии с которой может быть оправдано их право на существование, а также обеспечена их реализация и применение. Автор также стремится показать, что предлагаемая им концептуализация основных прав и обязанностей, объединяющая в себе концепцию справедливости Аристотеля и критическую теорию политической и социальной справедливости Форста, может дать представление о том, как справедливое осуществление и защита прав человека и соответствующие обязанности должны рассматриваться применительно к глобальному уровню.

Ключевые слова: этатизм, космополитизм, глобальная справедливость, основные универсальные права, распределение прав и обязанностей, гражданские и политические права, социально-экономические права, справедливое среднее, аристотелевская концепция справедливости

История статьи: Поступила в редакцию 30.03.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: *Coacci F. Statism and Cosmopolitanism on Global Justice and Universal Fundamental Rights // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 352–366. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-352-366*

Introduction

The paper seeks to answer the following question: What are the fundamental rights and duties to be implemented and enforced at the global level according to the main theories of global justice and how the conceptualization of a fair mean of fundamental rights can solve their limitations?

The paper further develops the debate on global justice going beyond the mainstream theories on this topic, i.e. statism and cosmopolitanism (or globalism). Indeed, statism argues that concerns of justice apply only within the national borders failing to take into account the systemic nature of global politics while cosmopolitanism states that there are principles of justice applying at the global level lacking to take into account the (weak) feasibility of their cosmopolitan reforms.

The main goal of the paper is to overcome their limitations envisioning a conceptualization of social and political justice and fundamental rights, and corresponding duties, which is able to adapt to the thickening of the relations among peoples and persons while being sensible to the different contexts in which the claims of justice are framed.

To pursue this aim, this paper builds on the main findings of Forst's critical theory of social and political justice to sketch out a fair mean according to which the validity of claims of justice and the justifiability of the enforcement of the corresponding duties can be assessed including both theoretical studies – at the levels of public ethics and political theory – and empirical researches.

Its originality lies in the attempt to assess the fairness of the coercive norms establishing the global distribution of rights and duties, and thus of power, according to the level of arbitrariness in inequalities, the relevance of the object of the rights in question for a worthwhile life and the extent of the ground of justice. Taking all these elements into account, the further, and maybe the most relevant, challenge of the paper is to prove that rights, and above all categories of rights, ought always to be implemented in relation to one another and, thus, according to a common fair mean.

1. Global justice and universal fundamental rights

The object of this paper involves terms, among the others, (global) justice and rights, which are debated in several fields of study and whose conceptualization has been at the core of long-standing disputes which are widening more and more. That is the reason why it is essential to frame the discussion explaining how these notions are meant in this paper and how the analysis is developed. Thus, before delving into the main theories of global justice it is worth to make both terminological and methodological clarifications about the object of this paper. Even though it would be practically impossible to sketch out a universal shared conception of global justice and universal fundamental rights and duties, a wide agreement has been reached in the way they are outlined below.

In a first attempt to explain what justice is, it is possible to say that «Justice, at its core, concerns itself with who deserves what and why» [1] and it can be seen as the commitment to fighting against morally arbitrary inequalities [2]. Being slightly more precise, however losing neutrality getting a bit closer firstly to cosmopolitan conception and secondly to Rawlsian and statist conception of justice, justice can be defined as the fair distribution of fundamental benefits (e.g. claims, liberties, powers, and immunities) and burdens (e.g. duties and liabilities) to all [3] and can

be retained «the first virtue of social institutions» [4]. It goes without saying that global justice regards the fairness of the above-mentioned distribution at the global level. To provide a first sketch on the standing of statism and cosmopolitanism on this topic, statism argues for the fact that the current global distribution is fair, or at least is not related to justice, and relieving the burdens of the worse off is a matter of humanitarian aid while cosmopolitanism states that principles of justice apply also at the global level considering the current global distribution unjust.

As already mentioned above, rights can be defined as fundamental benefits while duties as fundamental burdens. Looking at the core meaning of rights, to have a right means to have a valid claim [5] which entails (justifiable) duties to others. As also the author of one of the most sophisticated analysis of rights, Hohfeld, admits, «“in the strictest sense” all rights are claims» [6]. In a nutshell, duty is «that which one ought or ought not to do» [7]. Duties are obligations, or justified burdens, which persons or peoples ought to bear. Obviously, there are different categories of rights and duties, such as moral and legal ones, which we will touch upon further on. For the main purpose of this paper, however, the focal point to bear in mind is that each right has one or multiple corresponding duties, and each duty can be seen as a justifiable restriction of another right. Indeed, quoting again Hohfeld, «‘Duty’ and ‘right’ are correlative terms. When a right is invaded, a duty is violated» [7] and, for this, they can be seen as two sides of the same coin, i.e. justice.

The paper makes use of a critical methodology comparing the main points of the two leading theories on the above-mentioned topics and trying to go beyond them proposing another (balanced) approach to solve their drawbacks. Some fundamental remarks must be outlined on what the paper focuses and what has been left out in order to avoid losing the main aim of the work. Thus, the paper restricts the analysis of statism and cosmopolitanism concentrating on their conception of the scope of justice, i.e. the assessment of the extent to which the global context can be considered a context of justice and the rights and duties which persons and peoples ought to enjoy and ought to bear at the global level according to their paradigms. The paper does not deal with the universal foundation of both civil and political rights and, social and economic rights, so on defined as socio-economic rights, focusing on their dialectic relations and global justification, as well as on the justification of the corresponding duties they entail.

2. Statism and the ‘absolutization’ of associative duties

Before delving into the main points of statism it is necessary to underline that almost all the statist scholars do not deny the gruesome facts of inequality in world economy related to lack of democracy and unequal enjoyment of fundamental socio-economic opportunities and basic liberties. This is a situation which is a «disaster from a more broadly humanitarian point of view» and, for this, «there is some minimal concern we owe to fellow human beings» [8]. Quoting the cosmopolitan scholar Thomas Pogge, the statist scholar Nagel underlines that «roughly 20 per cent of the world’s population live on less than a dollar a day, and more than 45 per cent

live on less than two dollars a day, whereas the 15 per cent who live in the high-income economies have an average per capita income of seventy-five dollars a day» [8] and even though the situation seems to be improving in absolute terms, global relative deprivation, strictly linked to the absolute deprivation, remains a serious global burden which can put in doubt the improvements in the fight against global inequalities defended by many Statists [8–10].

However, the main question we should focus on is if those global burdensome inequalities in socio-economic opportunities and fundamental liberties make rise any justifiable demand for justice. In other words, what is necessary to understand is the potential and practical applicability of standards of justice at the global level. According to statism – and this paper refers mainly to the most relevant exponents of this theory, i.e. Thomas Nagel and David Miller – egalitarian distributive norms can apply only among citizens of a common state according to the «associative duties» that citizens owe one another in virtue of their membership to the same national community. Accordingly, concerns of justice apply only within national borders since, for statists, the primary context of justice is the national one and the political communities (peoples) organized into states are the primary focus of global justice [11]. Global justice can be understood only in terms of principles of justice which regulate the relations among states but not the relations among persons belonging to different states since «the moral units of the order are peoples, not individuals, and the values have to do with the relations among these collective units rather than relations of individuals across the world» [8].

As one of the preeminent representatives of the realist school and the Hobbesian (political) understanding of justice, Nagel argues for the fact that no standards of social justice can hold at the global level and that only states are relevant agents of justice in the global arena. According to Nagel, «even if justice is taken to include not only collective self-interest but also the elimination of morally arbitrary inequalities, or protection of rights to liberty, the existence of a just order still depends on consistent patterns of conduct and persisting institutions that have a pervasive effect on the shape of people’s lives» [8]. Even though Nagel recognizes the fundamental commitment of justice to fighting against morally arbitrary inequalities, he does not accept the possibility to understand the global context as a context of justice: the reason is that for how morally motivated can be the individual demands for global justice they cannot have practical expression. Besides, he compares two conceptions of justice, the cosmopolitan, or moral conception, which we take apart for a while delving into it further on, and a second conception which Nagel defines ‘political conception’ of justice according to which «justice should be understood as a specifically political value, rather than being derived from a comprehensive moral system, so that it is essentially a virtue – the first virtue – of social institutions» [8]. Not only does this conception empty justice of its inner moral dimension, but Nagel states that he opts for the political conception of justice, rather than the cosmopolitan one, because «the political conception is accepted by most people in the privileged nations of the world, so that, true or false, it will have

a significant role in determining what happens» without, however, justifying the reasons for this choice. This weakens his defence of the political conception of justice insofar as he justifies this decision by the fact that it is preferred by the majority of people taking as given that the most shared option is the fairest one. In any case, even if Nagel categorically excludes that global morally arbitrary inequalities can entail demands of justice, he states that they are a matter of humanitarian assistance since «the most basic rights and duties are universal, and not contingent on specific institutional relations between people» [8]. Moreover, he makes a distinction between negative rights, such as bodily inviolability, freedom of expression and freedom of religion, and positive rights, such as right to democracy, equal citizenship, non-discrimination, equality of opportunity and the amelioration through public policy of unfairness in the distribution of social and economic goods [8] arguing for a priority of the first category over the latter one, insofar as negative rights «set universal and prepolitical limits to the legitimate use of power, independent of special forms of association». Indeed, «it is wrong for any individual or group to deny such rights to any other individual or group» while socio-economic justice is fully associative since «it depends on positive rights that we do not have against all other persons or groups, right that arise only because we are joined together with certain others in a political society under strong centralized control» [8]. Therefore, according to Nagel and more broadly to many statist, the scope of negative rights, in which the category of civil and political rights, is wider than the scope of positive rights can be included, in which the category of socio-economic rights can be included. This can be explained by the common supposition that negative rights imply less burdensome duties, i.e. duty not to do, than positive rights which implies more demanding duties, i.e. duty to do. Even though one of the aims of the paper is to overcome this supposition, this task will be addressed in the final part of the work. For now, it is just relevant to understand this focal difference and the statist position on this matter.

As another leading scholar of statism, Miller frames the discussion on the justification of the distribution of rights and duties debating the difference between ethical particularism and ethical universalism [12] defending the first insofar as the special relationships citizens have one another motivate them to pursue justice. Without going excessively deep into his argumentation, and maintaining the focus on the main topic of the paper, the most interesting point of Miller's theory of global justice is his defence of the ethics of nationality and the global minimum of human right to be set at the global level. Miller maintains that we have special obligations to compatriots which we do not owe to other human beings and global justice ought to be understood not in terms of equality, but in terms of basic human rights that belong to human beings everywhere and which can entail remedial responsibility on outsiders [13]. Thus, Millers admits that we owe some responsibilities toward the world's poor but of a kind that protection of universal socio-economic rights can only be a matter of sufficiency and not equality, and, more important, a matter of humanitarianism rather than justice, strictly speaking.

Besides lacking to recognize the proper relevance of the moral dimension of the concept of justice, statist theory seems to be excessively stuck in the status quo without being able to adapt to the fast changes in persons' and peoples' global relations. Indeed, its ideas fail to take into account the global level as an increasingly relevant context of justice, that is according to the thickening of global interconnection and interdependence. Moreover, statist, on the one hand, gives much relevance to the rights to liberty among collective agents, as states, without however properly taking into consideration the rights of individuals at the global level and, on the other hand, absolutizes the 'associative duties' as the only category of duty which can rise demands of justice and which, thus, justifies their restricted scope at the global level.

3. Cosmopolitanism and the chimera of a full-fledged global justice

Cosmopolitans (or globalists) position themselves in a standing diametrically opposite to statist. As statist, cosmopolitans denounce the grave burdensome of global inequalities in socio-economic opportunities and fundamental liberties arguing for the fact that a plan to end severe poverty for over 2.5 billion human beings – whose aggregate shortfall amounts to barely \$300 billion annually which are well under the 1 per cent of the aggregate annual gross national incomes of the high-income economies – could be carried out through reforms which would entail a negligible reduction in the standard of living for the 1 billion people living in the high-income countries [3]. However, not only do cosmopolitans argue for the negligible sacrifice that the relief of the worse-off would entail but, more importantly, they underline that this fact is a matter of justice insofar as global unfair inequalities are replicated by the global order which ought, for this, to be retained unjust.

Cosmopolitanism is founded on the idea that all human beings, regardless of their political affiliation, are (or can and should be) citizens in a single community basing on universal moral norms [14]. According to cosmopolitanism, principles of justice regulating the fair distribution of rights and duties hold also at the global level and global justice should be conceived in terms of an institutional cosmopolitanism based on universal human rights [3] which leads to assess the global order as unjust insofar as it is unable to globally ensure the overall protection of fundamental rights. Cosmopolitanism develops in the framework of the broad philosophical argument of moral universalism¹ which maintains that some ideas have universal power, i.e. there are universal principles which apply to the whole humanity.

¹ According to Pogge, «a moral conception, such as a conception of social justice, can be said to be universalistic if and only if A) it subjects all persons to the same system of fundamental moral principles; B) these principles assign the same fundamental moral benefits (e.g. claims, liberties, powers, and immunities) and burdens (e.g. duties and liabilities) to all; and C) these fundamental moral benefits and burdens are formulated in general terms as not to privilege or disadvantage certain persons or groups arbitrarily» [3, p. 98].

According to one of the leading exponents of cosmopolitanism, Thomas Pogge, there are three specific features which are shared by almost all the diverging strands of cosmopolitanism: *Individualism*: the ultimate units of concern are individual human beings or persons rather than other categories of agents, like collective ones which can be units of concern only indirectly, in virtue of the participation of their members; *universality*: the status of ultimate unit of concern attaches to every living human being equally; and *generality*: this special status has global force, which is to say that persons are ultimate units of concern for everyone [3]. Therefore, cosmopolitanism maintains that persons are the primary focus of justice and the global context ought to be considered as the primary context of justice since persons are, first and foremost, members of a single universal community. States can only be secondary or indirect units of concern since they are subordinated to the most relevant units of concern, i.e. persons.

Since there are many different categories of cosmopolitanism, such as moral, political, legal, institutional, economic, the debate will be restricted on the work of an author, Thomas Pogge, which seeks to bridge these different conceptions of cosmopolitanism remaining however closer to the moral one, which can be considered the most characteristic of this theory of global justice. As a matter of fact, he argues for the combination of two compatible conceptions of moral cosmopolitanism: interactional moral cosmopolitanism and institutional moral cosmopolitanism. According to this distinction, the first one formulates fundamental principles of ethics that assign responsibilities for the implementation of universal basic rights directly to persons and groups, whereas the second one postulates fundamental principles of social justice that assign these responsibilities to the institutional scheme [3]. However, developing a variant of institutional cosmopolitanism – precisely one which makes persons and peoples bearing responsibility for the support to a global unjust order which authorizes and enforces unfair inequalities in violation of a general negative duty – Pogge maintains that only the institutional conception of cosmopolitanism can be retained a matter of social justice while the interactional conception, still not irrelevant to reduce global unfair inequalities, remains a question of individual ethics.

Placing the question of how universal rights ought to be conceived, Pogge argues for a validity of moral human rights which is independent of any social order – which however plays a crucial role for their realization – an idea which has been widely and progressively acknowledged since the aftermath of the World War II [3]. Moreover, Pogge considers moral and legal rights not in contrast to each other but rather claims that the first category pre-exists the second (whose instrumental role for the realization and adjudication of moral rights is, in any case, a matter of fact). Indeed, the relation between moral and legal rights is conceived in such a way that avoids any conceptual connection between these two terms. Moral rights are moral claims which are valid² regardless of their actual legal

² In Pogge, the validity of these moral claims is explained in the light of the consensus which their enunciation in the UDHR as human rights has obtained. Accordingly, Pogge seems to leave pending

recognition and judicial adjudication and, thus, their juridification ought not to be understood as demanding. Pogge does not underestimate the relevance of legal rights for the implementation of (moral) human rights but he argues that such legal rights need not to have the same content of moral human rights and highlights that secure access to the object of moral rights – that is what really matters – may be maintained also in other ways [3]. It follows that legal rights are effective, and probably the strongest, means to realize moral rights however other tools, as non-legal practices and commitment by the citizenry, can be considered in their own way important to pursue this aim. Pogge argues for the inclusion of the corresponding legal right of a moral right in the law or constitution when its juridification is required to ensure the secure access to its object – as it is, for example, for the right to vote [3]. In his work, he also poses the main focus on a specific category of rights, i.e. socio-economic rights, underlying how they are «currently, and by far, the most frequently unfulfilled human rights» [3] arguing for the fact that this underfulfillment also plays a major role in explaining global deficits in the protection of civil and political human rights. However, his major focus on socio-economic rights, and issues as world poverty, unequal distribution of wealth, inequalities in the standard of living seems to underestimate the relevance of civil and political rights.

One of the main criticisms to cosmopolitan ideas is that cosmopolitanism almost completely discharges justice from its not irrelevant political weight. In the wake of this observation, other limitations of this theory are the deficiency of cosmopolitanism to not take into account the relevance of special duties linked to particular relations among persons, such as those related to the shared national identity, as well the weak practical feasibility of the reforms cosmopolitans propose in order to realize the utopian world they conceive.

4. Universal fundamental rights as a fair mean

Before proceeding with the explanation of the ‘middle road’ which can cope with the main limitations of statism and cosmopolitanism it is worth to spend a few more words on one of the core concepts which is debated in this paper, i.e. the concept of justice, and which, when first appeared in the Ancient Greek, it immediately triggered wide theoretical controversies.

In Plato’s work *The Republic*, in which an early theory of justice was set out, Thrasymachus challenges Socrates arguing that justice is «simply the interest of the stronger» [15], i.e. merely whatever the more powerful say it is [16]. Yet, without admitting that a reasonable conceptualization of justice is possible outside the mere will of the stronger, it would make no sense to speak about different perspectives on social justice since the intersubjective relations, above all at the global level, would be left to the state of *homo homini lupus* (which is not so distant from the current

the foundational question of universal rights and the concept of rights itself. Differently, Forst seeks to explain the validity of moral rights according to their moral and political construction on the very basic moral right (and duty) to reciprocal and universal justification.

scenario of the global agents' relations). Indeed, the question of power is the first question of justice because justice should not only focus on «the distribution of goods, but on the justice of the 'basic structure' of relations of political and economic power, that is, relations of government, of production, and of distribution» [16]. In this sense, justice is related to power but is specifically conceived to contrast the arbitrary asymmetries of power inequalities, that is, opposing Thrasymachus, precisely avoiding justice to be what the stronger wants it to be.

In the same vein of Plato's reasoning, and at odds with Thrasymachus, Forst opts for a constructivist answer to the question of the 'firm ground' of justice, which, in this sense, is posed anew. Not only does Forst argue that «there is a reasonable justification for a conception of justice, but also that it goes back to a *single* root – that is, that the various aspects of justice in social and political contexts, and even beyond national borders, ultimately refer to a normative core: the one basic human right to justification» [16]. This basic right to reciprocal and general justification is conceived in such a way that it is reasonably shareable by the whole humanity and Forst explains its main criteria as follows:

Reciprocity means that no one may refuse the particular demands of others that one raises for oneself (reciprocity of content), and that no one may simply assume that others have the same values and interests as oneself or make recourse to “higher truths” that are not shared (reciprocity of reasons). *Generality* means that reasons for generally valid basic norms must be sharable by all those affected. Principles and norms can claim to be valid only if they can be agreed to reciprocally (without demanding more from others than one is also willing to concede, and without projecting one's own interests and convictions on others) and generally (without excluding anyone concerned and their needs and interests), that is, those principles and norms that... no one can “reasonably” reject [16].

Therefore, only those norms and actions which are reciprocally and generally justifiable can be retained just and valid so long as they avoid the reasons of some persons to prevail to those of others and include the reasons of all those affected. Moreover, what is important to understand is that reasons of persons are equally worth to be heard and equally count in shaping social institutions insofar as they respect the reciprocity and generality criteria which, so, serve as a filter for claims and reasons that can be “reasonably rejected”. That is, reciprocity and generality are appropriate principles to apply to intersubjective interactions, and for the justification of the rules governing them, because not only do they help to provide everyone with the possibility to participate in shaping the rules of justice, and thus the distribution of duties (burdens) and rights (benefits), in an equal position, but they also make it possible to distinguish between more or less justifiable arguments and to evaluate the 'reasonableness' of positions and claims when there is dissent [16]. Thus, the right (and the corresponding duty) to justification – in this sense, the core essence of social and political justice – is shaped by these two criteria insofar as one cannot make him/her reasons and claims prevail on those of the others through the means of arbitrariness and domination and argue for exclusion of persons affected, along with their needs and concerns, as well as avoid to abide themselves by norms reasonably widely shared or shareable and which they would raise for themselves.

In the attempt to bridge Forst's right to justification and the Aristotelian fair mean, which will be recalled further on, the Aristotelian conceptualization of justice, mainly related to the distribution of honours and benefits according to the merits³, must be explained. The Aristotelian account of justice will provide the basis to investigate how different categories of rights, precisely socio-economic and civil and political ones, and the corresponding duties, are related. Hence, the purpose here is not to provide a comprehensive understanding of Aristotelian conception of justice, but rather to give a first and, of course, not exhaustive, sketch on what distributive justice refers to in order to strive for a justification of a 'fair mean' which consists of fundamental civil and political and socio-economic rights and which can help to conceive a measure according to which these rights ought to be implemented:

Justice is a kind of mean, but not in the same way as the other virtues, but because it relates to an intermediate amount, while injustice relates to the extremes. And justice is that in virtue of which the just man is said to be a doer, by choice, of that which is just, and one who will distribute either between himself and another or between two others not so as to give more of what is desirable to himself and less to his neighbour (and conversely with what is harmful), but so as to give what is equal in accordance with proportion; and similarly in distributing between two other persons. Injustice on the other hand is similarly related to the unjust, which is excess and defect, contrary to proportion, of the useful or hurtful. For which reason injustice is excess and defect, viz. because it is productive of excess and defect-in one's own case excess of what is in its own nature useful and defect of what is hurtful, while in the case of others it is as a whole like what it is in one's own case, but proportion may be violated in either direction. In the unjust act to have too little is to be unjustly treated; to have too much is to act unjustly [17].

Basically, Aristotle defines justice as consisting of what is lawful and fair. Keeping aside the understanding of justice as law-abiding, its second aspect, here taken into consideration, implies two main elements: equitable distribution and correction of the excess. These principles may be conceived as valid both for individuals and things, that is in the fairness of relations among individuals and distributed things. Therefore, according to Aristotle, justice is not merely a matter of everyone getting the same fixed amount of something but rather obtaining or giving what one respectively does or does not deserve. In order to evaluate the right proportion, a metric is required, which, in turn, needs a scale of values. Taking as example the distribution of freedoms and socio-economic opportunities as the things to be fairly distributed *ceteris paribus*, the full equality of freedom for everyone to enjoy her own private property without any taxation admissible would be an injustice insofar as it would let wealthy people have many more, to some

³ «And the same equality will exist between the persons and between the things concerned; for as the latter the things concerned-are related, so are the former; if they are not equal, they will not have what is equal, but this is the origin of quarrels and complaints-when either equals have and are awarded unequal shares, or unequals equal shares. Further, this is plain from the fact that awards should be 'according to merit'; for all men agree that what is just in distribution must be according to merit in some sense, though they do not all specify the same sort of merit, but democrats identify it with the status of freeman, supporters of oligarchy with wealth (or with noble birth), and supporters of aristocracy with excellence». [17, p. 79].

extent undeserved, socio-economic benefits than poor people. But, also, the opposite case ought to be considered unjust, that is strict equality of socio-economic opportunities depriving everyone of everything making it available to all would not be just insofar as it would strongly disregard equal distribution of freedoms. Rather progressive taxation which entails higher tax for the better off and low tax for the worse off to properly compensate the difference in socio-economic opportunities may be conceived as just since it is a substantial kind of a (fair) mean. Still, the determination of the proportionally equal distribution and the correction of excesses and defects are related to the relevance of the things distributed and the metrics according to which to evaluate the just mean. Thus, what is the *fair mean* universally justifiable and reasonably shareable by all is an open question, on which the following reasoning seeks to shed light.

The above-mentioned example refers to the potential conflict between the fulfillment of the right to private property, through the recognition and protection of the freedom to enjoy their own private property, vis-à-vis the fulfillment of socio-economic rights, through equal distribution of socio-economic opportunities which require some sort of taxation. The above-mentioned progressive taxation may be a policy pursuing that *kind of mean* to which Aristotle refers and according to which the balance between the fulfillment of different (sometimes contrasting) rights can be established. Investigating deeply and in detail this intermediate amount is something which would go beyond the aim of this paper, but some reflexions on it can be outlined taking into consideration other relevant elements of Forst's conception of justice.

Combining the Aristotelian understanding of justice with the critical theory of political and social justice and the moral constructivist conception of human rights of Rainer Forst it is possible to sketch out a formal and substantial account of the fair mean which is morally and politically constructed on the really basic rights to justification. Not only does this really basic right help to justify concrete rights⁴ but it is also useful – and this is what is of interest for this paper – to justify the implementation of interrelated different rights and the corresponding duties they bear by establishing which right has priority to be better fulfilled in case of conflict among different rights. Recognizing the main commitment of justice to fighting against arbitrariness and the need of a context of justice, i.e. a context of political and/or social relations of cooperation as well as conflict, in order to make the concept of social of justice meaningfully applicable [18], it is relevant to note how the conception of justice we are trying to sketch out in this paper is able to take together its moral and political aspects. Understanding the fair mean as consisting in all those reciprocally and generally justifiable fundamental rights and, accordingly, all those reciprocally and generally justifiable fundamental duties

⁴ «It is appropriate to call the right to justification (a) a moral right and (b) the (most) basic right; for by itself it is not a specific, intersubjectively established and recognized human rights, but rather the basis of the justification of concrete rights». [16, p. 210].

which these rights entail, the measure of the justifiability of these fundamental rights and duties can be assessed in relation to the level of arbitrariness and domination the claimant suffers, that is, the moral aspect of justice, along with the extent of the context in which the demand ought to be framed, that is, the political aspect of justice. In an attempt to concretely define what precisely this fair mean consists of, we may say that it corresponds to basic freedoms and fundamental socio-economic opportunities which everyone would consider essential for a worthwhile life and which represent the basic fundamental common objects of civil and political rights and socio-economic rights.

Therefore, the main originality of the paper lies on the reconsideration of civil and political and socio-economic rights, thus, of fundamental rights in general, according to the level of arbitrariness suffered by the claimant and the extent of the context of justice in which to frame the claim along with the relevance of the enjoyment of the object of the right for a worthwhile life and the reasonable justification of the duties the counterpart ought to bear. As a consequence, it is necessary to admit the relativity of the overall enjoyment of different universal fundamental rights. Indeed, one of the innovative points this paper seeks to unfold corresponds to a new approach, which can be defined as a *balanced approach*, toward rights which understands universal fundamental rights relative in scope. Accepting the universality of different categories of fundamental rights, it is impossible to deny that an absolute fulfillment of all of them is a chimera⁵. The main issue at stake here is that no system of rights can avoid potential conflicts rising in the attempt to fulfill different fundamental rights due to the inner interrelation among them⁶. Denying the inner interrelation among different rights would be equal to embracing a fundamentalism of rights which may turn into a disproportionate fulfillment of some rights at the expense of the lack of secure access to the basic object of some others. Accordingly, the proposal outlined in this paper is a balanced and proportionate fulfillment of rights in accordance with their core object, which may potentially represent the Aristotelian fair mean. That is to say that the best overall enjoyment of rights can be ensured by admitting that rights can only be fulfilled to some extent since intrinsically related one to another. Thus, this weighted fulfillment of rights ought to be conceived related to the basic object

⁵ Even the absolute fulfillment of one right may be retained a chimera [3, p. 180].

⁶ If the potential conflict rising among rights must not be denied, there is necessary to not incur into the opposite mistake, i.e. the potential mutual reinforcing of different rights: Landman T. *The Scope of Human Rights: From Background Concepts to Indicators*. Essex: Human Rights Center; 2005; p. 6. For a conception of rights as indivisible and mutually reinforcing see World Conference on Human Rights, *Vienna Declaration and Programme of Action*, Vienna: OHCHR; 1993; Boyle K. Stock-taking on Human Rights: The World Conference on Human Rights, Vienna 1993. *Political Studies*. 1995; 43 (1): 79–95; Donnelly J. *The Social Construction of International Human Rights*. In: Dunne T., Wheeler N.J. *Human Rights in Global Politics*, Cambridge: Cambridge University Press; 1999. For a theory of relative universality of human rights see: Donnelly J. The Relative Universality of Human Rights. *Human Rights Quarterly*. The Johns Hopkins University Press; 2007; 29 (2): 281–306.

of a right and the justification of the corresponding duties, avoiding that an (over)fulfillment of a right would permit other rights to be left excessively behind.

Conclusion

The question of global justice, and more specifically the problem of the fair global distribution of rights and duties among peoples and persons, is catching more and more attention not only in the academia but also in politics and economics, even though with different connotations. Already more than two centuries ago, Immanuel Kant underlined that «the intercourse, more or less close, which has been everywhere steadily increasing between the nations of the earth, has now extended so enormously that a violation of right in one part of the world is felt all over it» [19; 20]. At that time as even much more as now, the rising global interconnection and interdependence created a kind of universal common feeling that a violation of a right in a part of the world was perceived by all the inhabitants of the world. However, as we have seen in this paper, there are many issues regarding how to globally ensure peoples and persons secure access to the basic object of fundamental rights.

The innovative approach, that we called *balanced approach*, toward global justice and fundamental universal rights and duties, only broadly sketched out in this paper, can be of help for a better understanding of the relations among different categories of rights at the global level and to clarify the extent to which the global context is becoming a relevant context of justice. This account of global justice is founded on a justifiable fair mean consisting in fundamental universal rights and duties and which takes into consideration the existence of concrete political and social relations of cooperation as well as conflict for assessing the meaningful applicability of demands of justice. This account of global justice may represent a potential solution for the tension between political and moral conceptions of justice framing the justifiable request for justice at the proper and reasonable level and being able to adapt itself to the transformation of the different contexts of justice.

References

- [1] Waters R., Scheinpflug C. *International Relations theory*. Social Science Libre Texts, E-International Relations; 2017.
- [2] Giovanola B., editor. *Public ethics, social justice, inequalities*. Roma: Carocci; 2016. (In Ital.).
- [3] Pogge T. *World Poverty and Human Rights, Cosmopolitan Responsibilities and Reforms*. 2nd ed. Cambridge: Polity press; 2008.
- [4] Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press; 1971.
- [5] Feinberg J. The Nature and Value of Rights. *Journal of Value Inquiry*. 1970. 4: 243–257.
- [6] Hohfeld W.N. *Fundamental Legal Conceptions*. W. Cook, editor. New Haven: Yale University Press; 1919.
- [7] Hohfeld W.N. Some fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning. *Yale Law Journal*. 1913; 23 (1), 16–59.
- [8] Nagel T. The problem of Global Justice. *Philosophy & Public Affairs*. 2005; 33 (2): 113–147.
- [9] Oxfam international. *Reward work, not wealth*. London: Oxfam GB; 2018.
- [10] Ypi L. *Global Justice and Avant-Garde Political Agency*. Oxford: Oxford University Press; 2012.

- [11] Kleingeld P., Brown E. Cosmopolitanism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Zalta E.N., editor. Stanford University: Metaphysics Research Lab; 2019.
- [12] Miller D. *On Nationality*. Oxford: Clarendon Press; 1992.
- [13] Miller D. *National Responsibility and Global Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- [14] Mikalsen K.K. No cosmopolitan morality without state sovereignty. *Philosophy and Social Criticism*. 2017; 43 (10): 1072–1094.
- [15] *Plato. Republic*. 380 B.C. Davies J.L., Vaughan D.J., translators. Ware: Wordsworth Editions Limited; 1997.
- [16] Forst R. *The Right to Justification: Elements of a Constructivist Theory of Justice*. Jeffrey F., translator. New York: Columbia University Press; 2012.
- [17] Aristotle. *Nicomachean Ethics*. 350 B.C. Ross WD, translator. Kitchener: Batoche Books; 1999.
- [18] Forst R. *Context of Justice: Political Philosophy Beyond Liberalism and Communitarians*. Farrell J.M.M., translator, Berkeley: University of California Press; 2002.
- [19] Landman T. *The Scope of Human Rights: From Background Concepts to Indicators*. Essex: Human Rights Center; 2005. p. 6.
- [20] Boyle K., Stock-taking on Human Rights: The World Conference on Human Rights, Vienna 1993. *Political Studies*. 1995; 43 (1): 79–95.
- [21] Donnelly J. *The Social Construction of International Human Rights* in Dunne T., Wheeler N.J. *Human Rights in Global Politics*, Cambridge: Cambridge University Press; 1999.
- [22] Donnelly J. The Relative Universality of Human Rights. *Human Rights Quarterly*. The Johns Hopkins University Press. 2007; 29 (2): 281–306.
- [23] Kant I. *Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf*. Königsberg: Nicolovius F., 1795, en. tr.: *Perpetual peace: A philosophical Sketch*. Ritchie L, editor. London: Unwin Brothers; 1903. (in En.).
- [24] Kleingeld P. Kant's Cosmopolitan Law: World Citizenship for a Global Order. *Kantian Review*. Cambridge University Press. 1998; 2: 72–90.

Information about the author:

Fabio Coacci – postgraduate Diploma of Giacomo Leopardi School of Advanced Studies of the University of Macerata, Lecturer and PhD Student of MGIMO University, Assistant Lecturer and PhD Student of University of Macerata (Italy) (ORCID ID: 0000-0002-4504-6067) (f.coacci1@studenti.unimc.it).

Информация об авторе:

Коаччи Ф. – аспирант и дипломант Высшей школы им. Джакомо Леопарди Университета Мачераты, аспирант Московского государственного института международных отношений (университета) (МГИМО) МИД РФ (ORCID ID: 0000-0002-4504-6067) (f.coacci1@studenti.unimc.it).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-367-386

Научная статья / Research article

Образовательная миграция в смысловом пространстве политической науки: обзор теоретических подходов

В.В. Таишева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
taisheva-vv@rudn.ru

Аннотация. Среди современных исследований, посвященных миграционным явлениям, особый интерес представляют работы, направленные на изучение и анализ образовательной миграции как одного из наиболее популярных и перспективных направлений миграционного процесса. Однако несмотря на многочисленные труды, посвященные вопросам образовательной миграции, она остается наименее изученной категорией миграции. С целью выявить современные тенденции и закономерности международной образовательной миграции и проследить развитие теоретических конструкций, объясняющих миграционный процесс, автором было проанализировано более 60 научных публикаций (как теоретических, так и эмпирических исследований) зарубежных авторов по изучаемой проблематике. Анализ публикаций проводился в контексте критического обзора научных теорий и концепций исследования образовательной миграции. В качестве основных теорий были рассмотрены неоклассические теории миграции макро (концепция Push-Pull факторов) и микро (теория человеческого капитала) уровня, транснациональная теория и теория глобального знания. В результате проделанной работы можно отметить, что исследования образовательной миграции направлены на изучение экономических аспектов миграции, детерминант и причин миграции, вопросов высококвалифицированной миграции, процессов интеграции и адаптации иностранных студентов, новых направлений миграции студентов, транснациональных пространств и социальных мигрантских сетей и пр. При этом работы, посвященные ценностным аспектам образовательной миграции, встречаются значительно реже. В целом по итогам работы было выявлено, что векторы исследований образовательной миграции обусловлены происходящими в мире и в глобальной образовательной среде трансформациями, непосредственно влияющими на характер студенческих миграционных потоков.

Ключевые слова: образовательная миграция, студенческая миграция, иностранный студент, Push-Pull факторы, человеческий капитал, транснационализм, интеграция, транснациональное пространство

История статьи: Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Таишева В.В. Образовательная миграция в смысловом пространстве политической науки: обзор теоретических подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 367–386. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-367-386

© Таишева В.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00825 «Ценностно-политические контексты образовательной миграции».

Educational Migration in the Semantic Space of Political Science: a Review of Theoretical Approaches

Vasilya V. Taisheva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
taisheva-vv@rudn.ru

Abstract. Among modern studies on the phenomenon of migration, of particular interest is the work studying and analyzing educational migration as one of the most popular and promising areas of migration. Despite numerous work devoted to the issue of educational migration, latter still remains the least studied migration category. In order to identify current trends and patterns of international educational migration and to trace development of theoretical constructions explaining migration process, author has conducted an analysis of more than 60 scientific publications (both theoretical and empirical studies) of foreign authors on the issues of consideration. Analysis of publications was carried out in context of a critical review of scientific theories and research concepts on educational migration. As the main theories, neoclassical theories of migration of macro (the concept of Push-Pull factors) and micro (the theory of human capital) level, transnational theory and theory of global knowledge were considered. As a result, author notes that educational migration studies are mostly aimed at studying economic aspects of migration, determinants and causes of migration, issue of highly qualified migration, processes of integration and adaptation of foreign students, new directions of student migration, transnational spaces and social migrant networks etc. Publications on the values and axiological aspects of educational migration are much less common. To sum up, based on results of the study, article reveals that vectors of educational migration studies are shaped by transformation occurring in the world and in the global educational environment that directly affects the nature of student migration flows.

Keywords: educational migration, student migration, foreign student, Push-Pull factors, human capital, transnationalism, integration, transnational space

Article history: Submitted on 01.05.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Vasilya V. Taisheva. Educational Migration in the Semantic Space of Political Science: a Review of Theoretical Approaches. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 367–386. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-367-386

Acknowledgements: The research was supported by the RFBR grant No. 19-011-00825 “Value-political contexts of educational migration”.

Введение

В последнее время высшее образование претерпело немало трансформаций, в том числе интернационализацию и виртуализацию, которые индуцируют изменения и в процессе международной миграции студентов [1], в связи с чем исследователи отмечают необходимость уделять больше внимания

междисциплинарным взаимодействиям, которые учитывали бы трансформацию образовательной миграции [2], объемы которой возросли повсеместно в мире в последние десятилетия¹.

Научные исследования в области международной образовательной миграции получили широкое распространение относительно недавно и на сегодняшний день стали предметом интереса многих ученых и исследователей. А.Г. Пейдж и С. Чабоун связывают рост академических исследований в области миграции студентов с диверсификацией образовательного пространства в результате увеличения масштабов международной мобильности людей, объектов и идей [3]. А. Рой и др. говорят о повышении интереса к изучению образовательной миграции в течение последних двух десятилетий, после подписания Болонской декларации [4]. По итогам исследования более двух тысяч статей авторы работы «*A Review of Research on International Student Mobility: Science Mapping the Existing Knowledge Base*» приходят к выводу о значительном росте исследовательского интереса к образовательной миграции после 2005 г., а также о расширении географии исследований [5].

Прежде исследования миграции в большинстве своем концентрировались в странах «Глобального Севера» [6; 7]. Н. Коушал и М. Ланати в своей работе «*International Student Mobility: Growth and Dispersion*» упоминают, что предыдущие исследования в области международной образовательной миграции и ее ключевых детерминант фокусировались в основном на изучении студенческих потоков, направленных в страны с высоким уровнем социально-экономического развития [8, с. 2]. Я. Кондаки и др. в статье «*Social Network Analysis of International Student Mobility: Uncovering the Rise of Regional Hubs*» отмечают, что подавляющий объем литературы, посвященной вопросам студенческой миграции, по-прежнему освещает «традиционное направление» миграции на Запад, упуская при этом современные тренды и тенденции развития миграционного и образовательного процесса в странах «периферии» [9, с. 518].

Несмотря на преобладающее число публикаций, посвященных анализу образовательной миграции в западных странах, в последнее время актуализируются исследования, ориентированные на изучение азиатского опыта студенческой миграции, как с позиции страны приема, так и с позиции страны-отправителя. Значительное число современных исследований в области образовательной миграции направлено на изучение Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно Китая, что объясняется как лидирующим положением КНР как страны-происхождения иностранных студентов², так и

¹ Согласно данным UNESCO в мире в настоящее время насчитывается около 5,3 млн иностранных студентов. Источник: *Global Flow of Tertiary-Level Students* // UNESCO. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu> (accessed: 25.04.2020). В 2017 г. данный показатель составлял 4,3 млн человек. Источник: *Number of International Students in Tertiary Education* // Migration Data Portal. URL: https://migrationdataportal.org/?i=stud_out_&t=2017&m=4 (accessed: 25.04.2020).

² International Students // Migration Data Portal. 20 марта, 2020. URL: <https://migrationdataportal.org/>

растущей популярностью китайских вузов, особенно среди азиатских студентов³. К.С. Ли в своем исследовании, посвященном изучению студенческой миграции в КНР, говорит о возрастающей популярности Китая как страны-приема, объясняя такой рост эффективной государственной политической страны, направленной на привлечение иностранных студентов [10].

В целом, несмотря на увеличение объемов эмпирических исследований, образовательная миграция остается наименее изученной среди остальных видов миграции [11, с. 138], а попыток теоретизировать процессы образовательной миграции не так много [12, с. 2]. Более того, в исследованиях международной образовательной миграции не хватает общности теоретико-методологического инструментария [13]: при изучении данного явления, как правило, анализируется какая-либо отдельная сфера в рамках конкретного эмпирического исследования, но не процесс образовательной миграции в целом. Различные теории и концепции, позволяющие объяснить миграционный процесс, рассматривают разные аспекты образовательной миграции, среди которых причины и направления образовательной миграции, адаптация и интеграция иностранных студентов, экономические и социальные последствия образовательной миграции для страны приема и страны исхода, роль и место иностранных студентов в процессе интернационализации образования и пр. В то время как одни теории фокусируются на образовательной миграции как на инвестиции (в логике теории человеческого капитала), другие подходы акцентируют внимание на причинах и факторах студенческой миграции (неоклассические теории миграции, теория Push-Pull), третья группа теорий исследует образовательную миграцию как часть общего процесса интернационализации и глобализации общества (транснационализм).

В данной статье автором осуществлен обзор научной литературы зарубежных авторов на основе ряда концепций и теорий, позволяющих проанализировать международную образовательную миграцию и некоторые ее аспекты.

Исследование причин образовательной миграции: концепция Push-Pull

В процессе исследования современных миграционных процессов в целом и образовательной миграции в частности ученые часто обращаются к неоклассической экономической теории миграции, которая объясняет

themes/international-students (accessed: 10.05.2020).

На настоящий момент за рубежом обучаются более 928 тысяч студентов из Китая, что составляет 17,5% от общего числа международных студентов. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu>. В 2017 г. в мире насчитывалось 847,3 тыс. иностранных китайских студентов из общего числа 4,3 млн иностранных студентов (19,7%). Источник: Number of International Students in Tertiary Education // Migration Data Portal. URL: https://migrationdata-portal.org/?i=stud_out_&t=2017&m=4 (accessed: 25.04.2020).

³ По данным статистики, в китайских вузах обучаются более 178 тыс. иностранных студентов (3,4% от общего числа): Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu> (accessed: 25.04.2020).

миграцию как выбор потребителя [14, с. 9]: студенты (мигранты) принимают решение о переезде по экономическим и/или моральным причинам в поисках лучших условий для жизни, учебы, работы.

Основоположником теории миграции считается британский ученый Эрнст Георг Равенштайн, который в конце XIX в. разработал 11 законов (или принципов) миграции в своей статье [15]. В основе теории Э. Равенштайна лежит идея о миграции как результате пространственного неравновесия. В ней уделяется внимание различным экономическим, экологическим и демографическим факторам, выталкивающим мигрантов из регионов происхождения в регионы назначения. В дальнейшем данное теоретическое направление получило развитие в работах С. Стоффера [16], Д.К. Зипфа [17], М. Тодаро [18] и Дж. Харрис [19] и пр.

В 1966 г., опираясь на теорию Э. Равенштайна, свою концепцию миграции представил Эверетт С. Ли. Миграция, в представлении Э.С. Ли, является реакцией на факторы, которыми характеризуются область выхода и потенциальные области входа мигранта: факторы выталкивания и факторы притяжения мигрантов (*Push-Pull Factors*) [20].

Исследования образовательной миграции с позиции концепции Push-Pull факторов позволяют выявить и изучить принципы студенческих потоков и факторы, которые эти потоки направляют. Как правило факторы выталкивания заставляют студентов покинуть свои родные страны, в то время как факторы притяжения связаны со стремлением студентов переехать в страну [21, с. 69], где они, по их мнению, смогут получить лучшее образование и как следствие лучшие перспективы на будущее (более высокую должность на родине или за рубежом, более высокую заработную плату). Говоря о факторе выталкивания, помимо низкого уровня образования, следует упомянуть и такие факторы, как неблагоприятная социально-экономическая и/или политическая обстановка в стране исхода, высокий уровень безработицы, угроза безопасности индивида.

Исследования, анализирующие причины и факторы образовательной миграции, направлены скорее на изучение факторов притяжения, нежели факторов выталкивания [22]. Так, согласно результатам исследования К.Р. Гонсалеса и др., направленного на изучение миграции студентов в рамках программы Erasmus, большое значение при выборе страны обучения играют такие показатели страны приема, как ее площадь и удаленность от страны исхода, климат, уровень жизни, язык общения и уровень образования [23]. Э. Эбботт и М. Силлес к наиболее значимым факторам притяжения иностранных студентов в процессе миграции относят расстояние между страной назначения и страной отправления и общность языка общения [24, с. 621]. В работе «*Analysing International Student Mobility Flows in Higher Education: A Comparative Study on European Countries*» показано, что в процессе миграции студентов ключевыми элементами привлекательности страны для обучения являются экономическая выгода и инвестиции в образование [25]. В ходе изучения

европейской студенческой миграции А. Перес-Энчинас и пр. проводят исследование факторов притяжения и выталкивания, влияющих на процесс принятия решения о миграции, основываясь на предоставляемых и доступных студентам услугах на время их пребывания за рубежом. В процессе исследования были выявлены различия между разными группами студентов в зависимости от программы и длительности обучения, определены наиболее важные группы факторов притяжения: городская среда (услуги, инфраструктура), общественная жизнь и академическая среда [26]. Е.М. Вогтль и М. Виндцио в статье «*Looking for Freedom? Networks of International Student Mobility and Countries' Levels of Democracy*» изучают влияние демократического развития на выбор страны-назначения для обучения. Авторы предполагают, что, переезжая за рубеж с целью получения образования, студенты, помимо прочего, стремятся получить (большую) личную и академическую свободу [27]. Миграция студентов, таким образом, рассматривается как инструмент распространения демократических ценностей между странами, особенно в случае, когда иностранный студент по окончании обучения в демократическом обществе возвращается в менее демократическую страну [27]. Важность гуманности и прав человека в контексте миграции студентов рассматривается и в статье «*Beyond Competition: A Comparative Review of Conceptual Approaches to International Student Mobility*». Международная образовательная миграция, по мнению авторов статьи, выступает в качестве инструмента поощрения свободы личности [28].

В рамках концепции Push-Pull факторов в попытке объяснения возвратной миграции используются понятия «обратного притяжения и выталкивания» (*reverse push and pull factors*) [29; 30]. С одной стороны, страны происхождения студентов-мигрантов могут иметь сильные факторы притяжения, удерживающие студентов или способствующие их возвращению (например, социальные и семейные связи, культура и этническая составляющая, более низкий уровень прожиточного). С другой стороны, как отмечают М. Ли и М. Брей, студенты, учащиеся за рубежом, могут испытывать влияние факторов выталкивания: высокий прожиточный минимум, нетолерантная этническая и культурная обстановка [29], которые способствуют возвращению иностранных студентов на родину после окончания обучения.

Исследование К. Икбола и др. показало, что в то время как одни иностранные выпускники китайских вузов стремятся остаться и работать в стране обучения, предпочитая китайский образ жизни и условия труда, другие – из-за ограниченных возможностей трудоустройства для иностранцев в КНР – вынуждены уехать после завершения обучения [31]. Исследуя миграцию китайских студентов в США и их возвратную миграцию, профессор В. Ли и др., отмечают, что желание китайских студентов вернуться из США в КНР в значительной степени зависит от таких факторов притяжения и выталкивания, как их половая принадлежность, средний балл в процессе обучения, семейные финансовые возможности, а также от их суждений о текущем и будущем

развитии Китая [32]. В работе «*How Studying abroad in Malaysia Leads to Transnational Migration: Interview Results from Former International Students*» С. Канеко показано, что часть выпускников-иностранцев планируют вернуться в страну-происхождения или переехать в третью страну по причине трудностей с получением вида на жительство и работы, недостаточно высокого размера заработной платы. Вместе с тем желающие остаться после обучения в Малайзии надеются на построение успешной карьеры и возможность обеспечивать финансовое благополучие семьи [33, с. 122].

Среди факторов «обратного притяжения», препятствующих мобильности, Э. Рабену и О. Школер выделяют языковые барьеры, финансовые аспекты и бюрократическую волокиту в стране приема [21]. При этом, заявляя о недостатках модели Push-Pull, авторы работы при исследовании образовательной миграции предлагают подход, основанный на теории граней (facet theory) [21, с. 77].

Объясняя причины миграции, концепция Push-Pull факторов, тем не менее, уделяет недостаточное внимание индивидуальным мотивациям студентов, акцентируясь на внешних факторах, оказывающих давление на студентов в процессе принятия решения о переезде [34, с. 22]. М. Хадлер в своей работе «*Intentions to Migrate within the European Union: A Challenge for Simple Economic Macro-level Explanations*» делает попытку преодолеть это ограничение и предлагает подход к исследованию образовательной миграции, ориентированный в большей степени на внутренние установки акторов миграции. При этом индивидуальные характеристики и представления студентов позиционируются как наиболее сильные мотиваторы принятия решений по сравнению с внешними обстоятельствами [35]. Профессор социологии Амстердамского университета Х. де Хаас рассуждает в своей работе о том, что факторы притяжения и выталкивания могут определять студенческие миграционные потоки, но не инициировать их [36].

Основываясь изначально на различиях в экономическом развитии между странами, концепция Push-Pull для понимания образовательной миграции предполагала исследование преимущественно экономических факторов как причин миграции. Однако в настоящее время все большую значимость стали приобретать социальные, культурные, политические факторы миграции, которые также нашли свое отражение в работах, посвященных миграции студентов.

Образовательная миграция в рамках теории человеческого капитала: связь с высококвалифицированной миграцией

Одной из важнейших концепций, позволяющих изучать миграционные процессы и их аспекты [37; 8, с. 3], является концепция человеческого капитала.

Теория «человеческого капитала» сформировалась во второй половине XX века в США в рамках неоклассического направления экономической науки. Родоначальниками концепции «человеческого капитала» являются представители Чикагской школы экономики Теодор У. Шульц и Гэри С. Беккер, рассматривавшие человеческий капитал как совокупность знаний,

навыков и мотиваций индивида, как врожденные, так и приобретенные, целесообразное использование которых обеспечивает своему обладателю получение дохода [38]. Образование выступает одной из форм капитала, оказывая влияние на экономическую и производственную сферы и обеспечивая получение материальной выгоды [39].

Теория человеческого капитала как инструмент изучения поведения и мотивов мигрантов и экономических последствий миграционного процесса начала рассматриваться в статье Ларри Сьястада «*The Costs and Returns of Human Migration*» [40], которая вышла в 1962 г. в журнале «*Political Economy*». Согласно Л. Сьястаду, миграция является инвестицией, предполагающей как затраты, так и получение дохода и способствующей увеличению производительности человеческих ресурсов [40].

Как и миграция в целом, образовательная миграция с позиции концепции человеческого капитала выступает в качестве инвестиции. С точки зрения студента, миграция с целью обучения предоставляет возможность получить лучшее образование и более широкие возможности трудоустройства и, как следствие, – больший доход в будущем. Согласно теории человеческого капитала, если выгода от обучения за рубежом (в будущем) превышает затраты на миграцию, студент примет решение о переезде [27].

Основной целью студенческой миграции является получение образования, что, однако, не исключает других аспектов такого вида миграции. Как замечает в своей статье С. Канеко, в последние годы наблюдается значительный рост числа бывших иностранных студентов, предпочитающих остаться и осуществлять трудовую деятельность в стране обучения [33, с. 108–109]. В этом случае иностранные студенты рассматриваются как высококвалифицированные мигранты и носители человеческого капитала в принимающих странах, о чем упоминает А. Уэллс в своей работе «*International Student Mobility: Approaches, Challenges and Suggestions for Further Research*» [34, с. 22]. Ряд стран признают ценность образовательных мигрантов, которые благодаря знанию языка [42] и пониманию социальных и культурных традиций принимающей страны [43] в достаточной степени интегрированы в общество приема, становясь выгодным (с финансовой точки зрения) ресурсом новых знаний [11; 44–46]. Иностранные студенты обладают конкурентным преимуществом благодаря навыкам и компетенциям, необходимым в глобальной экономике знаний, и востребованы на рынке труда [27; 47–49]. Как правило, государства проводят политику содействия дальнейшему трудоустройству выпускников-иностранцев [48]. Вместе с тем, учитывая, что многие иностранные студенты после окончания обучения по ряду причин возвращаются на родину, можно сделать вывод о том, что образовательная миграция в немалой степени способствует развитию человеческих ресурсов и в стране происхождения студента [33, с. 107].

Как квалифицированных мигрантов студентов рассматривает С. Махроум, который выделяет пять типов квалифицированных мигрантов: менеджеры и руководители; инженеры; ученые; предприниматели; студенты. При этом

студенты являются основным ресурсом для первых четырех категорий мигрантов [49, с. 25]. Образовательная миграция зачастую рассматривается как важный канал распространения высококвалифицированных мигрантов [51] и, следовательно, причина «утечки мозгов» [52]. Другие исследователи также говорят о иностранных студентах как о будущих высококвалифицированных мигрантах [53; 54, с. 293] или «полуфабрикатах человеческого капитала» [55, с. 45, 52].

О неоднозначном восприятии категорий «иностранный студент» и «квалифицированный мигрант» говорит М. Баас в своей работе по изучению миграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе [56]. Исследуя образовательную миграцию из Вьетнама и Китая в Японию, профессор социологии Г. Лиу-Фаррер в своей работе отмечает нежелание Японии «открывать двери для трудовой миграции», что приводит к нехватке рабочей силы на рынке труда, которую восполняет студенческая миграция [57]. В. Ли и др. в статье «*Intellectual Migration: Considering China*», анализируя образовательную миграцию и миграцию высококвалифицированных специалистов, обращаются к концепции «интеллектуальной миграции» [58], под которой понимается процесс миграции как студентов и соискателей, так и ученых и высококвалифицированных специалистов [59, с. 270–271].

В условиях глобализации и современной экономики, основанной на знаниях [60], международное образование становится ключевым источником накопления и распространения человеческого капитала как для стран приема, так и для стран исхода. Таким образом, концепция человеческого капитала представляет ценность для изучения миграционных процессов не только в стране приема, но и для анализа последствий студенческой миграции для страны происхождения студента, в том числе возвратной миграции [61–63].

Вместе с тем теория человеческого капитала, хотя и рассматривает социально-политические и культурные аспекты, зачастую игнорирует неэкономические факторы образовательной миграции, концентрируясь на идее получения прибыли как основной причине миграции. Кроме того, как и концепция Push-Pull, теория человеческого капитала не объясняет роль государства и институтов в процессе образовательной миграции, интеграции и адаптации мигрантов.

Транснационализм и теория глобального знания

Для понимания процессов миграции, а также ассимиляции и интеграции мигрантов в стране приема зачастую применяют транснациональный подход, который лег в основу ряда исследований последних лет [64, с. 203]. Транснационализм – методологический подход, позволяющий исследовать не только непосредственно феномен перемещения – миграцию, но и динамику взаимодействия и взаимоотношений в социуме, которая проходит непрерывный процесс трансформации. В результате процессов транснационализации и сопутствующей детерриториализации (выход за пределы конкретной территории

социальных отношений, политических и культурных практик [65]) высшее образование все в большей степени способствует пересечению языковых, культурных и национальных границ [66].

В работе «*Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration*» авторы говорят о мигрантах, чья деятельность и образ жизни, пересекая национальные границы, охватывают как принимающее общество, так и общество исхода, объединяя их в единое социальное пространство [67, с. 1]. Таких мигрантов авторы статьи называют «трансмигрантами», а подход с помощью которого исследуется процесс миграции, поведение и деятельность мигрантов, – *транснационализм* [67, с. 1]. Сам термин «транснационализм» определяется как процесс формирования мигрантами социальных пространств, которые объединяют страну исхода и приема [67, с. 1]. В статье С. Канеко под «транснациональными мигрантами» понимаются индивиды, которые постоянно перемещаются в двух и более направлениях, создавая и поддерживая при этом социальные взаимоотношения между их обществом и обществом страны приема [33, с. 108].

О миграции студентов как о транснациональном процессе говорит Ф.Л. Коллинз в работе «*Bridges to Learning: International Student Mobilities, Education Agencies and Inter-personal Networks*» [68]. Транснациональные пространства, согласно Ф.Л. Коллинзу, располагаются между странами происхождения студентов и странами обучения. «Мост», соединяющий транснациональные пространства, – это «экономическая деятельность агентов образования и... межличностные сети, которые способствуют процессу переезда и расселения иностранных студентов в стране приема, а также бывшие иностранные студенты и роль, которую они играют в продвижении образования за рубежом» [68, с. 399].

Развитие получила и *теория глобального знания (global knowledge theory)*, которая рассматривает иностранных студентов не просто как индивидов, перемещающихся между двумя и более странами/регионами, но и как ключевых агентов формирования и модернизации глобальных академических пространств [12] и новой академической культуры [60]. Сторонники данного подхода Р. Кинг и П. Рагурам говорят о необходимости более глубокого теоретического понимания образовательной миграции, проведении этнографических исследований при изучении вопросов миграции, уделяя при этом больше внимания половому и расовому аспекту, а также вопросу воспроизводства научного знания в контексте миграции студентов [69].

Вопрос воспроизводства и распространения академического знания иностранными студентами освещается в работе «*Conceptualizing International Education: From International Student to International Study*», авторы которой пишут о смещении акцента исследования с иностранного студента как мигранта на международное обучение, размышляя о необходимости проблематизировать категорию «иностраннный студент» как отдельную группу мигрантов [70, с. 682–683]. Отмечая сложности понимания термина «иностраннный студент»,

К. Мэйдж и др. ссылаются на большое разнообразие студентов, вовлеченных в международное образование, способы их вовлечения и векторы миграции [70, с. 682–683]. О неоднозначности термина «иностранный студент» в эпоху интернационализации и виртуализации высшего образования, обнаруживая зависимость определения термина от времени и места [1], говорят в своей статье и израильские исследователи О. Школер и Э. Рабену. Э. Мерфи-Лежен в своей работе «*Student Mobility and Narrative in Europe: The New Strangers*» подчеркивает, что студенты-путешественники, готовые к частым изменениям в окружающем пространстве (смена языка общения, личного окружения, образа жизни и работы), являются частью меньшинства и отличаются от большинства своих сверстников. Опираясь на теорию «незнакомца»⁴, она рассматривает иностранных студентов как новую миграционную элиту как по количественным, так и по качественным показателям [71].

Исследование образовательной миграции через призму транснационализма способствовало смещению акцента с причин миграции на ее последствия – трансформации, происходящие в социально-политической и культурной плоскостях в результате миграции. Как отмечают С. Де Джонг и П. Даннекер в своей работе «*Connecting and Confronting Transnationalism: Bridging Concepts and Moving Critique*», объектом изучения транснационализма являются не только мигранты, но и социальные, политические экономические и политические процессы в целом [72]. Транснационализм демонстрирует наличие между странами приема и странами исхода мигрантов социально-экономических, политических и культурных связей, которые составляют транснациональные пространства [72].

Профессор Университета Калифорнии (UCLA) Р. Уолдингер в статье «*A Cross-border Perspective on Migration: Beyond the Assimilation/Transnationalism Debate*» говорит о неспособности транснационального подхода объяснить конфликты и столкновения, возникающие в обществе приема в результате пересечения мигрантами национальных границ государства [73].

Заключение

Среди причин, объясняющих многообразие концепций и подходов к исследованию международной образовательной миграции, можно отметить следующие: во-первых, наличие многочисленных аспектов и факторов данного явления. Образовательная миграция сопровождается такими процессами, как интернационализация образования, адаптация и интеграция студентов, формирование транснациональных пространств и пр. Для объяснения явления образовательной миграции необходимо совокупное изучение и

⁴ Понятие «незнакомец» как уникальная социологическая категория подразумевает члена общества, в котором он живет и осуществляет свою деятельность, но все же дистанцирован от прочих – «родных» – членов этого общества. В отличие от прочих форм социальной дистанции (класс, половая и/или этническая принадлежность) незнакомец дистанцирован по признаку своего происхождения [74–76].

анализ причин и последствий миграции, как для страны приема, так и страны отправителя; во-вторых, происходящие в глобальном образовательном пространстве процессы, оказывающие непосредственное влияние на студенческие миграционные потоки. Появление крупных региональных центров миграции в АТР способствует смещению исследовательского поля в страны Азии, которые теперь рассматриваются не только как экспортеры иностранных студентов, но и как страны-приема.

Процессы интернационализации и глобализации, формирование глобальных социальных сетей и академических пространств актуализировали исследования с применением транснационального подхода. Вместе с тем не потеряли свою значимость и такие подходы, как Push-Pull и концепция человеческого капитала, сторонники которых исследуют образовательную миграцию с учетом современных тенденций развития общества.

И если, с одной стороны, такое разнообразие проводимых повсеместно в мире исследований позволяет взглянуть на образовательную миграцию с разных позиций, то с другой – это препятствует всеобъемлющему пониманию такого явления, как студенческая миграция, и ведет к принципиальной несводимости теорий образовательной миграции к общим методологическим и концептуальным основаниям.

Библиографический список

- [1] *Shkoler O., Rabenu E.* Defining International Student Mobility and Higher Education. In: *International Student Mobility and Access to Higher Education // Marketing and Communication in Higher Education.* Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 1–27. DOI: 10.1007/978-3-030-44139-5_1
- [2] *Lipura S.J., Collins F.L.* Towards an integrative understanding of contemporary educational mobilities: a critical agenda for international student mobilities research // *Globalisation, Societies and Education.* 2020. № 18 (3). P. 343–359. DOI: 10.1080/14767724.2020.1711710
- [3] *Page A.G., Chahboun S.* Emerging empowerment of international students: how international student literature has shifted to include the students' voices // *Higher Education.* 2019. № 78. P. 871–885. DOI: 10.1007/s10734-019-00375-7
- [4] *Roy A., Newman A., Ellenberger T., Pyman A.* Outcomes of international student mobility programs: a systematic review and agenda for future research // *Studies in Higher Education.* 2019. № 44 (9). P. 1630–1644. DOI: 10.1080/03075079.2018.1458222
- [5] *Gümüş S., Gök E., Esen M.* A Review of Research on International Student Mobility: Science Mapping the Existing Knowledge Base // *Journal of Studies in International Education.* 2019. DOI: 10.1177/1028315319893651
- [6] *Pisarevskaya A., Levy N., Scholten P., Jansen J.* Mapping migration studies: An empirical analysis of the coming of age of a research field // *Migration Studies.* 2019. DOI: 10.1093/migration/mnz031
- [7] *Bommes M., Morawska E.* *International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity.* Routledge, 2005. 304 p.
- [8] *Kaushal N., Lanati M.* *International Student Mobility: Growth and Dispersion.* NBER Working Paper No. 25921 // National Bureau of Economic Research Working Paper Series. 2019. 28 p.
- [9] *Kondakci Y., Bedenlier S., Zawacki-Richter O.* Social network analysis of international student mobility: Uncovering the rise of regional hubs // *Higher Education.* 2018. № 75 (3). P. 517–535. DOI: 10.1007/s10734-017-0154-9

- [10] Lee C.S. Global linguistic capital, global cultural capital: International student migrants in China's two-track international education market // *International Journal of Educational Development*. 2019. № 67. P. 94–102. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2019.03.001
- [11] Raghuram P. Theorising the Spaces of Student Migration // *Population, Space and Place*. 2013. № 19 (2). P. 138–154. DOI: 10.1002/psp.1747
- [12] Riaño Y., Pigué E. *International Student Migration*. Oxford University Press (Ed.), Oxford Bibliographies in Geography: NY, 2016. 24 p. DOI: 10.1093/OBO/9780199874002--0141
- [13] Raby R.L., Zhang Y.L. *Changing Theoretical Perspectives on Transnational Mobility: A Review of the Literature // Rethinking Education Across Borders: Emerging Issues and Critical Insights on Globally Mobile Students*. Springer Nature, 2020. P. 19–47.
- [14] Sanchez Barrioluengo M., Flisi S. *Student mobility in tertiary education: institutional factors and regional attractiveness // Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2017. 92 p. DOI: 10.2760/675338.JRC108895*
- [15] Ravenstein E. G. The Laws of Migration // *Journal of Statistical Society*. 1885. № 48 (2). P. 167–235.
- [16] Stouffer S. Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance // *American Sociological Review*. 1940. № 5 (6). P. 845–867. DOI: 10.2307/2084520
- [17] Zipf G. The Hypothesis: on the intercity movement of persons // *American Sociological Review*. 1946. № 11 (6). P. 677–686. DOI: 10.2307/2087063
- [18] Todaro M. P. A Model of Labour Migration and Rural Unemployment in Less developed Countries // *American Economic Review*. 1969. № 59 (1). P. 138–148.
- [19] Harris J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // *American Economic Review*. 1970. № 60 (1). P. 126–142.
- [20] Lee E.S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. № 3 (1). P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
- [21] Rabenu E., Shkoler O. The Reasons for International Student Mobility. In: *International Student Mobility and Access to Higher Education // Marketing and Communication in Higher Education*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 61–125. DOI: 10.1007/978-3-030-44139-5_3
- [22] Chellaraj G. *The Economics of International Student and Scholar Mobility: Directions for Research*. Policy Research Working Papers. World Bank Group, 2019. 40 p. DOI: 10.1596/1813-9450-8848
- [23] Gonzalez C.R., Mesanza R.B., Mariel P. The Determinants of International Student Mobility Flows: An Empirical Study on the Erasmus Program // *Higher Education*. 2011. № 62. P. 413–430.
- [24] Abbott A., Silles M. Determinants of international student migration // *World Economy*. 2016. № 39 (5). P. 621–635. DOI: 10.1111/twec.12319
- [25] Restaino M., Vitale M.P., Primerano I. Analysing International Student Mobility Flows in Higher Education: A Comparative Study on European Countries // *Social Indicators Research*. 2020. DOI: 10.1007/s11205-020-02282-2
- [26] Perez-Encinas A., Rodriguez-Pomeda J., Wit H.D. Factors influencing student mobility: a comparative European study // *Studies in Higher Education*. 2020. DOI: 10.1080/03075079.2020.1725873
- [27] Vögtle E.M., Windzio M. Looking for freedom? Networks of international student mobility and countries' levels of democracy // *The Geographical Journal*. 2020. № 186 (1). P. 103–115. DOI: 10.1111/geoj.12329
- [28] Lo W.Y.W. Beyond competition: a comparative review of conceptual approaches to international student mobility // *Globalisation, Societies and Education*. 2019. № 17 (3). P. 261–273. DOI: 10.1080/14767724.2018.1525283
- [29] Li M., Bray M. Cross-border flow of students for higher education: Push-Pull factors and motivations of mainland Chinese students in Hong Kong and Macau // *Higher Education*. 2007. № 53. P. 791–818. DOI: 10.1007/s10734-005-5423-3

- [30] *Gesing P., Glass C.* STEM student mobility intentions post-graduation and the role of reverse Push-Pull factors // *International Journal of Educational Development*. 2019. № 65. P. 227–236. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2018.08.008
- [31] *Iqbal K., Peng H., Hafeez M., Khan, N.H., Ahmad K., Iqbal Z.* Should I Stay or Should I Go? Foreign-student Intent in China // *Human Systems Management*. 2019. № 38 (3). P. 197–208. DOI: 10.3233/HSM-180472
- [32] *Li W., Zhao S., Lu Z., Yu W., Li X.* Student Migration: Evidence from Chinese Students in the US and China // *International Migration*. 2019. № 57 (3). P. 334–353. DOI: 10.1111/imig.12466
- [33] *Kaneko S.* How studying abroad in Malaysia leads to transnational migration: interview results from former international students // *Osaka Human Sciences*. 2020. № 6. P. 107–129. DOI: 10.18910/73803
- [34] *Wells A.* International Student Mobility: Approaches, Challenges and Suggestions for Further Research // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017. № 143. P. 19–24. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.350
- [35] *Hadler M.* Intentions to migrate within the European Union: a challenge for simple economic macro-level explanations // *European Societies*. 2006. № 8 (1). P. 111–140. DOI: 10.1080/14616690500491324
- [36] *De Haas H.* Mobility and Human Development // *UNDP Human Development Reports. Research Paper 2009/1*. 2009. 70 p.
- [37] *Lulle A., Janta H., Emilsson H.* Introduction to the Special Issue: European youth migration: human capital outcomes, skills and competences // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679407
- [38] Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ / под ред. *Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой*. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 342 с.
- [39] *Комаров А.В.* Роль образования в формировании человеческого капитала в современной России // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. № 3. С. 83–88.
- [40] *Sjaastad L.A.* The Costs and Returns of Human Migration // *Journal of Political Economy*. 1962. № 70 (5). P. 80–93.
- [41] *Моисеенко В. М., Чудиновских О. С.* Теория человеческого капитала и исследования миграционных процессов в России // *Проблемы прогнозирования*. 2000. № 4. С. 124–137.
- [42] *Scott C., Safdar S., Trilokekar R. D., Masri A. E.* International students as ‘ideal immigrants’ in Canada: A disconnect between policy makers’ assumptions and the lived experiences of international students // *Éducation Comparée Et Internationale*. 2015. № 43 (3). P. 1–16.
- [43] *Chang C.-W., Chan S.-J.* Transit point of global talent: social/cultural dimensions of short-term student circulation // *Globalisation, Societies and Education*. 2020. № 18 (1). P. 30–42. DOI: 10.1080/14767724.2019.1690731
- [44] *Ziguras C., Law S.* Recruiting international students as skilled migrants: the global ‘skills race’ as viewed from Australia and Malaysia // *Globalisation, Societies and Education*. 2006. № 4 (1). P. 59–76. DOI: 10.1080/14767720600555087
- [45] *Khadria B.* Adversary analysis and the quest for global development: optimizing the dynamic conflict of interest in transnational migration // *Social Analysis*. 2009. № 53 (3). P. 106–122. DOI: 10.3167/sa.2009.530306
- [46] *Hawthorne L.* Demography, migration and demand for international students // *Globalization and Tertiary Education in the Asia-Pacific*. 2010. P. 93–119. DOI: 10.1142/9789814299046_0005
- [47] *Perkins R., Neumayer E.* Geographies of educational mobilities: Exploring the uneven flows of international students // *The Geographical Journal*. 2014. № 180 (3). P. 246–259. DOI: 10.2139/ssrn.1857523

- [48] *Riaño Y., Lombard A., Pigué E.* How to explain migration policy openness in times of closure? The case of international students in Switzerland // *Globalisation, Societies and Education*. 2018. № 16 (3). P. 295–307. DOI: 10.1080/14767724.2017.1412823
- [49] *Riaño Y., Van Mol C., Raghuram P.* New directions in studying policies of international student mobility and migration // *Globalisation, Societies and Education*. 2018. № 16 (3). P. 283–294. DOI: 10.1080/14767724.2018.1478721
- [50] *Mahroum S.* Highly Skilled Globetrotters: Mapping the International Migration of Human Capital. R&D // *Management*. 2000. № 30 (1). P. 23–32. DOI: 10.1111/1467-9310.00154
- [51] *Suter B., Jandl M.* Comparative Study on Policies towards Foreign Graduates – Study on Admission and Retention Policies towards Foreign Students in Industrialised Countries // *International Centre for Migration Policy Development (ICMPD)*. Vienna, 2006. 97 p.
- [52] *Yin M., Yeakey C.C.* The policy implications of the global flow of tertiary students: a social network analysis // *Oxford Review of Education*. 2019. № 45 (1). P. 50–69. DOI: 10.1080/03054985.2018.1489788
- [53] *Baláz V., Williams A.M., Kollár, D.* Temporary versus Permanent Youth Brain Drain: Economic Implications // *International Migration*. 2004. № 42 (4). P. 3–34. DOI: 10.1111/j.0020-7985.2004.00293.x
- [54] *Findlay A.M., King R., Stam A., Ruiz-Gelices E.* Ever Reluctant Europeans: The Changing Geographies of UK Students Studying and Working Abroad // *European Urban and Regional Studies*. 2006. № 13 (4). P. 291–318. DOI: 10.1177/0969776406065429
- [55] *Khadria B.* Shifting Paradigms of Globalization: The Twenty-First Century Transition Towards Generics in Skilled Migration from India // *International Migration*. 2008. № 39 (5). P. 45–71. DOI: 10.1111/1468-2435.00171
- [56] *Baas M.* The Education-Migration Industry: International Students, Migration Policy and the Question of Skills // *International Migration*. 2019. № 57 (3). P. 222–234. DOI: 10.1111/imig.12540
- [57] *Liu-Farrer G., Tran A.H.* Bridging the Institutional Gaps: International Education as a Migration Industry // *International Migration*. 2019. № 57 (3). P. 235–249. DOI: 10.1111/imig.12543
- [58] *Li W., Lo L., Lu Y., Tan Y., Lu Y.* Intellectual migration: considering China // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1739393
- [59] *Li W., Yu W.* Chinese Intellectual Migration to the US // *Spotlight on China*. *Spotlight on China / eds. Guo S., Guo Y.* Sense Publishers, Rotterdam, 2016. P. 269–284. DOI: 10.1007/978-94-6300-669-9_16
- [60] *Li J.* Trends and Implications of International Student Mobility // *Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Perspectives on Rethinking and Reforming Education*. 2018. P. 189–213. DOI: 10.1007/978-981-13-0641-9
- [61] *Staniscia B., Deravignone L., González-Martin B., Pumares P.* Youth Mobility and the Development of Human Capital: Is there a Southern European Model? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679417
- [62] *McGarry O., Krisjane Z., Sechi G., MacÉinrí P., Berzins M., Apsite-Berina E.* Human Capital and Life Satisfaction Among Circular Migrants: An Analysis of Extended Mobility in Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679421
- [63] *Baláz V., Williams A.M., Moravčíková K., Chrančoková M.* What Competences, Which Migrants? Tacit and Explicit Knowledge Acquired via Migration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679409
- [64] *Schiller N.G.* Theorising Transnational Migration in Our Times: A multiscale temporal perspective // *Nordic Journal of Migration Research*. 2018. № 8 (4). P. 201–212. DOI: 10.2478/njmr-2018-0032
- [65] *Martí G.-M.H.* The Deterritorialization of Cultural Heritage in a Globalized Modernity Transfer // *Journal of Contemporary Culture*. 2006. № 1. P. 92–107.

- [66] Kahn P.E., Misiaszek L.I. Educational mobilities and internationalised higher education: critical perspectives // *Teaching in Higher Education*. 2019. № 24 (5). P. 587–598. DOI: 10.1080/13562517.2019.1625120
- [67] Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992. № 645 (1). P. 1–24. DOI: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x
- [68] Collins F.L. Bridges to learning: international student mobilities, education agencies and inter-personal networks. *Global Networks*. 2008. № 8 (4). P. 398–417. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2008.00231.x
- [69] King R., Raghuram P. International Student Migration: Mapping the Field and New Research Agendas // *Population, Space and Place*. 2013. № 19 (2). P. 127–137. DOI: 10.1002/psp.1746
- [70] Madge C., Raghuram P., Noxolo P. Conceptualizing international education: From international student to international study // *Progress in Human Geography*. 2015. № 39 (6). P. 681–701. DOI: 10.1177/0309132514526442
- [71] Murphy-Lejeune E. *Student Mobility and Narrative in Europe: The New Strangers*. London and New York: Routledge, 2002. 288 p.
- [72] De Jong S., Dannecker P. Connecting and confronting transnationalism: bridging concepts and moving critique // *Identities*. 2018. № 25 (5). P. 493–506. DOI: 10.1080/1070289X.2018.1507962
- [73] Waldinger R. A cross-border perspective on migration: beyond the assimilation/transnationalism debate // *Journal of ethnic and migration studies*. 2017. № 43 (1). P. 3–17. DOI: 10.1080/1369183X.2016.1238863
- [74] Simmel G. *The Stranger* // *Georg Simmel: On Individuality and Social Forms* (ed. by Donald Levine), Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 143–150.
- [75] Karakayali N. Social Distance and Affective Orientations // *Sociological Forum*. 2009. № 24 (3). P. 538–562. DOI: 10.1111/j.1573-7861.2009.01119.x
- [76] Best S. *The Stranger*. London: Routledge, 2019. 172 p.

References

- [1] Shkoler O., Rabenu E. Defining International Student Mobility and Higher Education. In: *International Student Mobility and Access to Higher Education. Marketing and Communication in Higher Education*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020: 1–27. DOI: 10.1007/978-3-030-44139-5_1
- [2] Lipura S.J., Collins F.L. Towards an integrative understanding of contemporary educational mobilities: a critical agenda for international student mobilities research. *Globalisation, Societies and Education*. 2020; 18 (3): 343–359. DOI: 10.1080/14767724.2020.1711710
- [3] Page A.G., Chahboun S. Emerging empowerment of international students: how international student literature has shifted to include the students' voices. *Higher Education*. 2019; 78: 871–885. DOI: 10.1007/s10734-019-00375-7
- [4] Roy A., Newman A., Ellenberger T., Pyman A. Outcomes of international student mobility programs: a systematic review and agenda for future research. *Studies in Higher Education*. 2019; 44 (9): 1630–1644. DOI: 10.1080/03075079.2018.1458222
- [5] Gümüş S., Gök E., Esen M. A Review of Research on International Student Mobility: Science Mapping the Existing Knowledge Base. *Journal of Studies in International Education*. 2019. DOI: 10.1177/1028315319893651
- [6] Pisarevskaya A., Levy N., Scholten P., Jansen J. Mapping migration studies: An empirical analysis of the coming of age of a research field. *Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1093/migration/mnz031
- [7] Bommers M., Morawska E. *International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity*. Routledge; 2005. 304 p.

- [8] Kaushal N., Lanati M. International Student Mobility: Growth and Dispersion. NBER Working Paper No. 25921. *National Bureau of Economic Research Working Paper Series*. 2019. 28 p.
- [9] Kondakci Y., Bedenlier S., Zawacki-Richter O. Social network analysis of international student mobility: Uncovering the rise of regional hubs. *Higher Education*. 2018; 75 (3): 517–535. DOI: 10.1007/s10734-017-0154-9
- [10] Lee C.S. Global linguistic capital, global cultural capital: International student migrants in China's two-track international education market. *International Journal of Educational Development*. 2019; 67: 94–102. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2019.03.001
- [11] Raghuram P. Theorising the Spaces of Student Migration. *Population, Space and Place*. 2013; 19 (2): 138–154. DOI: 10.1002/psp.1747
- [12] Riaño Y., Piguet E. International Student Migration. Oxford University Press (Ed.), *Oxford Bibliographies in Geography*: NY, 2016. 24 p. DOI: 10.1093/OBO/9780199874002--0141
- [13] Raby R.L., Zhang Y.L. Changing Theoretical Perspectives on Transnational Mobility: A Review of the Literature. In: *Rethinking Education Across Borders: Emerging Issues and Critical Insights on Globally Mobile Students*. Springer Nature; 2020: 19–47.
- [14] Sanchez Barrioluengo M., Flisi S. Student mobility in tertiary education: institutional factors and regional attractiveness. *Publications Office of the European Union*, Luxembourg, 2017. 92 p. DOI: 10.2760/675338.JRC108895
- [15] Ravenstein E. G. The Laws of Migration. *Journal of Statistical Society*. 1885; 48 (2): 167–235.
- [16] Stouffer S. Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*. 1940; 5 (6): 845–867. DOI: 10.2307/2084520
- [17] Zipf G. The Hypothesis: on the intercity movement of persons. *American Sociological Review*. 1946; 11 (6): 677–686. DOI: 10.2307/2087063
- [18] Todaro M. P. A Model of Labour Migration and Rural Unemployment in Less developed Countries. *American Economic Review*. 1969; 59 (1): 138–148.
- [19] Harris J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis. *American Economic Review*. 1970; 60 (1): 126–142.
- [20] Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966; 3 (1): 47–57. DOI: 10.2307/2060063
- [21] Rabenu E., Shkoler O. The Reasons for International Student Mobility. In: *International Student Mobility and Access to Higher Education. Marketing and Communication in Higher Education*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020: 61-125. DOI: 10.1007/978-3-030-44139-5_3
- [22] Chellaraj G. *The Economics of International Student and Scholar Mobility: Directions for Research*. Policy Research Working Papers. World Bank Group, 2019. 40 p. DOI: 10.1596/1813-9450-8848
- [23] Gonzalez C.R., Mesanza R.B., Mariel P. The Determinants of International Student Mobility Flows: An Empirical Study on the Erasmus Program. *Higher Education*. 2011; 62: 413–430.
- [24] Abbott A., Silles M. Determinants of international student migration. *World Economy*. 2016; 39 (5): 621–635. DOI: 10.1111/twec.12319
- [25] Restaino M., Vitale M.P., Primerano I. Analysing International Student Mobility Flows in Higher Education: A Comparative Study on European Countries. *Social Indicators Research*. 2020. DOI: 10.1007/s11205-020-02282-2
- [26] Perez-Encinas A., Rodriguez-Pomeda J., Wit H.D. Factors influencing student mobility: a comparative European study. *Studies in Higher Education*. 2020. DOI: 10.1080/03075079.2020.1725873
- [27] Vögtle E.M., Windzio M. Looking for freedom? Networks of international student mobility and countries' levels of democracy. *The Geographical Journal*. 2020; 186 (1): 103–115. DOI: 10.1111/geoj.12329
- [28] Lo W.Y.W. Beyond competition: a comparative review of conceptual approaches to international student mobility. *Globalisation, Societies and Education*. 2019; 17 (3): 261–273. DOI: 10.1080/14767724.2018.1525283

- [29] Li M., Bray M. Cross-border flow of students for higher education: Push-Pull factors and motivations of mainland Chinese students in Hong Kong and Macau. *Higher Education*. 2007; 53: 791–818. DOI: 10.1007/s10734-005-5423-3
- [30] Gesing P., Glass C. STEM student mobility intentions post-graduation and the role of reverse Push-Pull factors. *International Journal of Educational Development*. 2019; 65: 227–236. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2018.08.008
- [31] Iqbal K., Peng H., Hafeez M., Khan, N.H., Ahmad K., Iqbal Z. Should I Stay or Should I Go? Foreign-student Intent in China. *Human Systems Management*. 2019; 38 (3): 197–208. DOI: 10.3233/HSM-180472
- [32] Li W., Zhao S., Lu Z., Yu W., Li X. Student Migration: Evidence from Chinese Students in the US and China. *International Migration*. 2019; 57 (3): 334–353. DOI: 10.1111/imig.12466
- [33] Kaneko S. How studying abroad in Malaysia leads to transnational migration: interview results from former international students. *Osaka Human Sciences*. 2020; 6: 107–129. DOI: 10.18910/73803
- [34] Wells A. International Student Mobility: Approaches, Challenges and Suggestions for Further Research. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017; 143: 19–24. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.350
- [35] Hadler M. Intentions to migrate within the European Union: a challenge for simple economic macro-level explanations. *European Societies*. 2006; 8 (1): 111–140. DOI: 10.1080/14616690500491324
- [36] De Haas H. Mobility and Human Development. *UNDP Human Development Reports. Research Paper 2009/1*. 2009. 70 p.
- [37] Lulle A., Janta H., Emilsson H. Introduction to the Special Issue: European youth migration: human capital outcomes, skills and competences. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679407
- [38] *The human capital of Russian political elites. Political and psychological analysis*. Ed. E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. M.: Russian Association of Political Science (RAPN); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. 342 p. (In Russ.).
- [39] Komarov A.V. The role of education in human capital development in contemporary Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017; 7 (3): 83–88. (In Russ.).
- [40] Sjaastad L.A. The Costs and Returns of Human Migration. *Journal of Political Economy*. 1962; 70 (5): 80–93.
- [41] Moiseenko V.M., Chudinovskikh O.S. Theory of human capital and the study of migration processes in Russia. *Problems of forecasting*. 2000; 4: 124–137. (In Russ.).
- [42] Scott C., Safdar S., Trilokekar R.D., Masri A.E. International students as “ideal immigrants” in Canada: A disconnect between policy makers’ assumptions and the lived experiences of international students. *Éducation Comparée Et Internationale*. 2015; 43 (3): 1–16.
- [43] Chang C.-W., Chan S.-J. Transit point of global talent: social/cultural dimensions of short-term student circulation. *Globalisation, Societies and Education*. 2020; 18 (1): 30–42. DOI: 10.1080/14767724.2019.1690731
- [44] Ziguras C., Law S. Recruiting international students as skilled migrants: the global ‘skills race’ as viewed from Australia and Malaysia. *Globalisation, Societies and Education*. 2006; 4 (1): 59–76. DOI: 10.1080/14767720600555087
- [45] Khadria B. Adversary analysis and the quest for global development: optimizing the dynamic conflict of interest in transnational migration. *Social Analysis*. 2009; 53 (3): 106–122. DOI: 10.3167/sa.2009.530306
- [46] Hawthorne L. Demography, migration and demand for international students. *Globalization and Tertiary Education in the Asia-Pacific*. 2010: 93–119. DOI: 10.1142/9789814299046_0005
- [47] Perkins R., Neumayer E. Geographies of educational mobilities: Exploring the uneven flows of international students. *The Geographical Journal*. 2014; 180 (3): 246–259. DOI: 10.2139/ssrn.1857523

- [48] Riaño Y., Lombard A., Piguet E. How to explain migration policy openness in times of closure? The case of international students in Switzerland. *Globalisation, Societies and Education*. 2018; 16 (3): 295–307. DOI: 10.1080/14767724.2017.1412823
- [49] Riaño Y., Van Mol C., Raghuram P. New directions in studying policies of international student mobility and migration. *Globalisation, Societies and Education*. 2018; 16 (3): 283–294. DOI: 10.1080/14767724.2018.1478721
- [50] Mahroum S. Highly Skilled Globetrotters: Mapping the International Migration of Human Capital. *R&D Management*. 2000; 30 (1): 23–32. DOI: 10.1111/1467-9310.00154
- [51] Suter B., Jandl M. Comparative Study on Policies towards Foreign Graduates – Study on Admission and Retention Policies towards Foreign Students in Industrialised Countries. *International Centre for Migration Policy Development (ICMPD)*, Vienna; 2006. 97 p.
- [52] Yin M., Yeakey C.C. The policy implications of the global flow of tertiary students: a social network analysis. *Oxford Review of Education*. 2019; 45 (1): 50–69. DOI: 10.1080/03054985.2018.1489788
- [53] Baláz V., Williams A.M., Kollár D. Temporary versus Permanent Youth Brain Drain: Economic Implications. *International Migration*. 2004; 42 (4): 3–34. DOI: 10.1111/j.0020-7985.2004.00293.x
- [54] Findlay A.M., King R., Stam A., Ruiz-Gelices E. Ever Reluctant Europeans: The Changing Geographies of UK Students Studying and Working Abroad. *European Urban and Regional Studies*. 2006; 13 (4): 291–318. DOI: 10.1177/0969776406065429
- [55] Khadria B. Shifting Paradigms of Globalization: The Twenty-First Century Transition Towards Generics in Skilled Migration from India. *International Migration*. 2008; 39 (5): 45–71. DOI: 10.1111/1468-2435.00171
- [56] Baas M. The Education-Migration Industry: International Students, Migration Policy and the Question of Skills. *International Migration*. 2019; 57 (3): 222–234. DOI: 10.1111/imig.12540
- [57] Liu-Farrer G., Tran A.H. Bridging the Institutional Gaps: International Education as a Migration Industry. *International Migration*. 2019; 57 (3): 235–249. DOI: 10.1111/imig.12543
- [58] Li W., Lo L., Lu Y., Tan Y. & Lu Y. Intellectual migration: considering China. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1739393
- [59] Li W., Yu W. Chinese Intellectual Migration to the US. In: Guo S., Guo Y. (eds) *Spotlight on China*. *Spotlight on China*. Sense Publishers, Rotterdam, 2016: 269–284. DOI: 10.1007/978-94-6300-669-9_16
- [60] Li J. Trends and Implications of International Student Mobility. In: *Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Perspectives on Rethinking and Reforming Education*. 2018: 189–213. DOI: 10.1007/978-981-13-0641-9
- [61] Staniscia B., Deravignone L., González-Martin B., Pumares P. Youth Mobility and the Development of Human Capital: Is there a Southern European Model? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679417
- [62] McGarry O., Krisjane Z., Sechi G., MacÉinrí P., Berzins M., Apsite-Berina E. Human Capital and Life Satisfaction Among Circular Migrants: An Analysis of Extended Mobility in Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679421
- [63] Baláz V., Williams A.M., Moravčíková K., Chrančoková M. What Competences, Which Migrants? Tacit and Explicit Knowledge Acquired via Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1679409
- [64] Schiller N.G. Theorising Transnational Migration in Our Times: A multiscalar temporal perspective. *Nordic Journal of Migration Research*. 2018; 8 (4): 201–212. DOI: 10.2478/njmr-2018-0032
- [65] Martí G.-M.H. The Deterritorialization of Cultural Heritage in a Globalized Modernity Transfer. *Journal of Contemporary Culture*. 2006; 1: 92–107.
- [66] Kahn P.E., Misiaszek L.I. Educational mobilities and internationalised higher education: critical perspectives. *Teaching in Higher Education*. 2019; 24 (5): 587–598. DOI: 10.1080/13562517.2019.1625120

- [67] Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992; 645 (1): 1–24. DOI: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x
- [68] Collins F.L. Bridges to learning: international student mobilities, education agencies and inter-personal networks. *Global Networks*. 2008; 8 (4): 398–417. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2008.00231.x
- [69] King R., Raghuram P. International Student Migration: Mapping the Field and New Research Agendas. *Population, Space and Place*. 2013; 19 (2): 127–137. DOI: 10.1002/psp.1746
- [70] Madge C., Raghuram P., Noxolo P. Conceptualizing international education: From international student to international study. *Progress in Human Geography*. 2015; 39 (6): 681–701. DOI: 10.1177/0309132514526442
- [71] Murphy-Lejeune E. *Student Mobility and Narrative in Europe: The New Strangers*. London and New York: Routledge; 2002. 288 p.
- [72] De Jong S., Dannecker P. Connecting and confronting transnationalism: bridging concepts and moving critique. *Identities*. 2018; 25 (5), 493–506, DOI: 10.1080/1070289X.2018.1507962
- [73] Waldinger R. A cross-border perspective on migration: beyond the assimilation/transnationalism debate. *Journal of ethnic and migration studies*. 2017; 43 (1): 3–17. DOI: 10.1080/1369183X.2016.1238863
- [74] Simmel G. The Stranger. In: *Georg Simmel: On Individuality and Social Forms* (ed. by Donald Levine), Chicago: University of Chicago Press; 1971. P. 143–150.
- [75] Karakayali N. Social Distance and Affective Orientations. *Sociological Forum*. 2009; 24 (3): 538–562. DOI: 10.1111/j.1573-7861.2009.01119.x
- [76] Best S. *The Stranger*. London: Routledge; 2019. 172 p.

Информация об авторе:

Таишева Василия Варисовна – ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-0459-7380) (e-mail: taisheva-vv@rudn.ru).

Information about the author:

Vasilya V. Taisheva – assistant of the Department of Comparative Politics RUDN University (ORCID ID: 0000-0002-0459-7380) (e-mail: taisheva-vv@rudn.ru).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ

MIGRATION PROCESSES AND INTEGRATION OF MIGRANTS IN RUSSIA

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-387-400

Научная статья / Research article

Институты и образовательно-культурные механизмы миграционной политики современной России

А.В. Должикова, М.Н. Мосейкина

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
dolzhikova-av@rudn.ru; moseykina-mn@rudn.ru

Аннотация. Проблемы миграции и связанных с ней механизмов адаптации и интеграции иностранных граждан находятся в центре внимания общественной и научной мысли. В рамках современных дискуссий обсуждается необходимость дальнейшей институционализации и инновационной модернизации российской миграционной политики в контексте национальной безопасности России и сохраняющихся внешних и внутренних угроз. В фокусе общественного внимания последние несколько лет находятся вопросы адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, что обусловлено стремительным ростом количества иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно либо временно проживающих на территории РФ. В Концепции государственной миграционной политики до 2025 г. делается акцент на национальной безопасности, снижении социокультурных, экономических и политических рисков, связанных с притоком мигрантов. С этой целью осуществляется поиск инструментов миграционной политики, адекватных сложившейся на рынке труда ситуации. В статье анализируются уже апробированные образовательно-культурологические инструментариумы, определяется роль ресурсного обеспечения участия этнических сообществ, национально-культурных автономий, образовательных и религиозных организаций, учреждений культуры и спорта в работе по социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан.

Ключевые слова: миграционная политика, национальная безопасность, образовательно-культурологические инструментариумы, адаптация и интеграция, носитель русского языка

История статьи: Поступила в редакцию 15.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Должикова А.В., Мосейкина М.Н. Институты и образовательно-культурные механизмы миграционной политики современной России // Вестник Российского

© Должикова А.В., Мосейкина М.Н., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 387–400. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-387-400

Institutions and Educational and Cultural Tools of Migration Policy in Modern Russia

Angela V. Dolzhikova, Marina N. Moseykina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
dolzhikova-av@rudn.ru; moseykina-mn@rudn.ru

Abstract. Problem of migration and mechanisms of foreign citizens' adaptation and integration associated with it, are in focus of public and scientific thought. Need for further institutionalization and innovative modernization of Russian migration policy is widely discussed in the framework of modern debates. Over the past few years, adaptation and integration of foreign citizens in Russian Federation has drawn public attention, as a result of rapid increase in number of foreign citizens and stateless persons permanently or temporarily residing in Russian Federation. The Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for the Period until 2025, focuses on national security and reduction of the sociocultural, economic and political risks associated with influx of migrants. To this end, there is a quest for migration policy instruments adequate to the situation in labor market. Article analyzes already tested educational and cultural tools, defines role of resource support for participation of ethnic communities, national and cultural autonomy, educational and religious organizations, cultural and sports institutions, working on social and cultural adaptation and integration of foreign citizens.

Keywords: migration policy, national security, educational and cultural tools, adaptation and integration, native speaker of the Russian language

Article history: Submitted on 15.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Angela V. Dolzhikova, Marina N. Moseykina. Institutions and Educational and Cultural Tools of Migration Policy in Modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 387–400. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-387-400

Введение

Современная эпоха тесным образом связана с глобальными процессами миграции. Российская Федерация остается в начале XXI в. миграционно привлекательной страной, сохраняя четвертое место в мире по численности прибывающих сюда иностранных граждан, хотя в абсолютных показателях число приезжих не превышает 8% от всего населения России.

При этом, если в начале 1990-х гг. основной проблемой государства в миграционной сфере являлось обеспечение прав вынужденных мигрантов, то в последующие десятилетия акцент в миграционной политике РФ объективно сместился в сторону противодействия нелегальной миграции с территории постсоветского пространства, и прежде всего из государств Центральной Азии с нестабильной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой. Неконтролируемая (нелегальная)

миграция и нерегулируемые миграционные процессы отрицательно влияют на национальный рынок труда, межнациональные отношения и безопасность страны и порождают такие угрозы, как терроризм, религиозно-политический экстремизм, этническая преступность, диаспоральная анклавизация и пр.

Очевидна оказалась связь незаконной миграции и международного терроризма. На практике происходит вербовка международными террористическими группировками с помощью финансовых механизмов, социальных сетей Интернета мигранта, который «в обстоятельствах поиска, определения своего статуса в условиях нового для него общества, оказывается весьма “доступным” социальным элементом для вербовки и политического манипулирования» [1]. Случаи вербовочной деятельности имели место на территории России, в том числе среди выходцев из государств Центральной Азии, воевавших на стороне ИГИЛ в Ираке и Сирии. В условиях сохранения подобных рисков для национальной безопасности Россия совместно со своими партнерами на евразийском геополитическом пространстве в рамках региональных организаций – СНГ, ШОС, ОДКБ – координирует международную деятельность, направленную на противодействие вызовам и угрозам террористического характера, борьбу с организованной преступностью. Благодаря подобным совместным усилиям за более чем четверть века сложилась достаточно развитая евразийская правовая миграционная система, основанная на принципах и нормах международного права.

Еще одну угрозу для безопасности России представляет анклавизация некоторых этнических общин, которая ведет к изменению этнического состава территорий, когда «этнические общности неизбежно начинают конкурировать между собой в областях занятости, проживания и общения», что вызывает рост мигрантофобии, порождает конфликтную ситуацию на межнациональной почве [2].

Это дало повод говорить, в частности, известному политологу П. Дуткевичу о давлении объединяющихся групп идентичности (культурных, религиозных, классовых, языковых, этнических, расовых, поколенческих, поселенческих и др.) на государство, которому крайне сложно реагировать на их запросы, и чтобы быть услышанными государством в этом многоголосом хоре, некоторые из этих групп начинают радикализироваться. На этом фоне в контексте латентного миграционного кризиса и подрыва общеевропейских интеграционных ценностей растет число людей, которые видят в мигрантах угрозу уже не только порядку и безопасности, но и национальной культуре и идентичности.

Таким образом, интенсивная миграция в глобальном масштабе налагает на государства дополнительные обязательства, связанные как с защитой прав иностранцев и лиц без гражданства, так и с необходимостью принятия мер по обеспечению национальной безопасности и поддержанию межнационального согласия, что предполагает разработку государственных программ адаптации и интеграции мигрантов.

Актуальность проблемы социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан для России связана прежде всего с тем, что в последние годы в странах исхода в трудовую миграцию вовлекаются преимущественно молодые люди, большинство из которых не имеют опыта жизни в инокультурной среде, не владеют русским языком даже на элементарном разговорном уровне, а их низкий уровень культуры провоцирует негативное отношение со стороны принимающего общества, что приводит к росту социальной и межнациональной напряженности.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г., отмечается, что «разработаны и проходят проверку на практике подходы к социальной и культурной адаптации различных категорий иностранных граждан, в том числе в рамках соответствующих программ и в формате государственно-общественного партнерства, с участием общественных и образовательных организаций, учреждений культуры и спорта»¹.

В контексте обозначенных в Концепции задач миграционной политики в п. 21 отмечается необходимость «создания условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами». В этой связи важная роль отводится процессу «формирования институтов и механизмов социальной и культурной адаптации иностранных граждан с учетом их возрастных, профессиональных, национальных, культурных и иных особенностей, а также региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации»², направленных на предотвращение сегрегации и анклавизации иностранных граждан в нашей стране.

Осознавая сложность обозначенного комплекса задач и их стратегическую значимость для национальной безопасности страны, Президентом Российской Федерации было сформулировано поручение в адрес Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) о разработке закона «О социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации». Соответствующий законопроект был разработан, однако до сих пор не принят, в том числе по причине продолжающихся дискуссий вокруг содержательной части понятийного аппарата («социальная и культурная адаптация», «социальная и культурная интеграция» иностранных граждан, «государственная политика в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан» и др.). В настоящее время на законодательном уровне также еще не установлены

¹ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», от 31 октября 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 02.02.2020).

² Там же.

механизмы, позволяющие ФАДН регулировать сферу адаптации и интеграции мигрантов, не разграничены предметы ведения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан, не решен и ряд других насущных вопросов.

Актуальность данной проблемы объясняется таким образом необходимостью комплексного анализа имеющихся институтов и образовательно-культурологических инструментариев миграционной политики современной России, выявления их роли в процессе социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан как особой системы обеспечения устойчивого развития субъектов Российской Федерации и укрепления межнационального благополучия.

Адаптационные практики институтов социального партнерства и гражданского общества

В условиях неблагоприятной демографической ситуации двух последних десятилетий по-прежнему сохраняется потребность в привлечении в экономику страны дополнительных трудовых ресурсов. Основным источником пополнения выступают граждане из стран ближнего зарубежья, которые прибывают в нашу страну с целью трудоустройства. К 2025 г. в соответствии с Концепцией демографической политики страны предполагается обеспечить миграционный прирост в Российской Федерации на уровне более 300 тыс. человек ежегодно.

За период 2012–2019 гг. были усовершенствованы инструменты правового регулирования в сфере миграции, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации и меры противодействия незаконной миграции. По данным руководителя Главного управления по вопросам миграции МВД В.Л. Казаковой, ежегодно в Россию пребывают около 16,5–17 млн иностранных граждан; ежедневно на территории страны находятся примерно 10 млн иностранцев³. 70% из них это – граждане СНГ, которые обладают собственной национальной и религиозной культурой. В 2000-е гг. данный контингент начал пополняться за счет молодого поколения, рожденного и получившего воспитание в условиях уже новых, независимых государств, и, к сожалению, отличающегося низким уровнем образования (в том числе незнанием русского языка).

В мировой практике миграционного движения уже сложились методы и стратегии адаптации, существуют международные, государственные и общественные институты, которые реализуют их с учетом национальных интересов своих государств [3]. В России также, в соответствии с Концепцией государственной миграционной политики РФ, одним из ее принципов является развитие институтов социального партнерства и гражданского общества. В этой связи важную роль в формировании и реализации миграционной

³ ИНТЕРФАКС. URL: <https://www.interfax.ru/russia/692936> (дата обращения: 02.02.2020).

политики России играют общественные, религиозные, неправительственные, в том числе международные организации. Здесь успешно работают Международная организация по миграции (МОМ), Российское общество Красного Креста (РОКК), Форум переселенческих организаций, Комитет помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», Международная правозащитная ассамблея и др., которые оказывают помощь (в том числе финансовую, юридическую, медицинскую, консультативную) беженцам, вынужденным переселенцам, трудовым и другим категориям мигрантов.

В РФ в работе с мигрантами, прежде всего по оказанию им помощи в адаптации, принимают участие также представители различных религиозных конфессий, которые непосредственно через свои институты заключают соглашения о сотрудничестве в сфере интеграции с МВД России и региональными миграционными службами. Около 100 таких соглашений было заключено епархиями Русской православной церкви и более 40 – мусульманскими, буддистскими, иудейскими организациями, организациями Армянской Апостольской Церкви.

С 2014 г. правом деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, были наделены также национально-культурные автономии (НКА), которые занимаются сохранением самобытности, развитием национальных языков, образования, культуры и при этом остаются эффективным инструментом в реализации прав и свобод граждан в их национально-культурном развитии. В стране создано около 2000 НКА, включая федеральные и региональные отделения (как, например, Всероссийский Конгресс узбеков, узбекистанцев; Межрегиональное общественное движение трудовых мигрантов Кыргызстана; Национально-культурная автономия узбеков Республики Татарстан; Таджикская Свердловская областная общественная организация «Дидор», «Таджикская диаспора “Нур”» (г. Москва) и многие другие). Но при этом, оставаясь общественной организацией, НКА не всегда располагает достаточным количеством «реальных ресурсов, человеческих и финансовых, для осуществления тех задач, которые на них возлагаются властными структурами, рассматривая НКА, в первую очередь, «как инструмент стабилизации» [4].

Лингвоцивилизационный аспект в регулировании миграции в России

С учетом приоритета сохранения социальной стабильности и обеспечения устойчивого развития многонационального народа России необходимыми условиями для корректной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество являются: владение русским языком как иностранным, усвоение базовых ценностей, норм и моделей социокультурного поведения при одновременном приспособлении социальных институтов российского общества к потребностям и запросам этих новых входящих в него этнических групп.

При этом в современных глобализационных процессах миграции интенсифицируются, в связи с чем классическим субъектам международных отношений – нациям-государствам – приходится прибегать к развитию все более комплексного инструментария для адекватного ответа на миграционные вызовы. Помимо классических правовых методов, касающихся рынка труда, таможенных процедур, правил регистрации и учета мигрантов, в XXI в. активно развивается образовательно-культурологический инструментарий миграционной политики, в основе которого лежит национальный язык.

При этом, как показала практика, лингвоцивилизационный аспект играет важную роль в регулировании миграции. Он позволяет учитывать языковую, культурную, религиозную, бытовую специфику миграционных процессов с целью обеспечения наиболее эффективной адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

Многие государства, длительное время принимающие мигрантов, законодательно закрепляют нормы, направленные на культурную и языковую адаптацию мигрантов на своей территории. Накоплен определенный международный опыт организации проверки различных аспектов знаний иностранных граждан (тестирование, собеседование, интеграционный экзамен и т.д.), позволяющий проверить готовность иммигрантов интегрироваться в общество.

В России в соответствии с Концепцией миграционной политики и в рамках исполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»⁴ также был разработан инструментарий по обеспечению социокультурной адаптации иностранных граждан в России, который включает в себя:

- комплексный экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации в случае ведения трудовой деятельности, временного либо постоянного проживания;
- государственное тестирование по русскому языку как иностранному при получении гражданства РФ, поступлении в образовательные организации РФ;
- принятие присяги при вступлении в гражданство Российской Федерации;
- собеседование по признанию носителем русского языка при получении вида на жительство и гражданства РФ в упрощенном порядке.

Важной мерой в сфере адаптации и интеграции этнических мигрантов стало введение с 1 января 2015 г. на территории РФ *Комплексного экзамена для иностранных граждан, которые обращаются за разрешением на трудовую деятельность или получение патента, а также разрешения на временное проживание и вида на жительство* [5]. Экзамен включает в себя три модуля: русский язык как иностранный, историю России и основы законодательства РФ. Введением комплексного экзамена ставилась задача минимизировать проблему «культурного шока» трудового мигранта в

⁴ Об обеспечении межнационального согласия. Указ президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 г. // Российская газета, 9 мая 2012 г.

иноязычной среде и одновременно содействовать уважительному отношению с его стороны к законам страны пребывания и установленным в ней принципам общежития, формированию представлений о национально-культурной специфике России и ее историческом прошлом [6]. Последнее особенно важно в связи с тем, что после распада СССР в новых независимых государствах очень быстро были созданы учебники по национальной истории – Украины, Грузии, Латвии и пр., в которых на фоне антироссийских настроений формировались часто мифологизированные представления об исторических процессах на получивших новую государственность территориях. В некоторых бывших странах СССР пошли по пути формирования у учащихся крайне негативной «исторической памяти».

Сама Концепция экзамена предполагает в этой связи развитие у иностранных граждан навыков межкультурного общения и межнационального согласия, приобретения правовых знаний и компетенций, что помогает осуществлять коммуникации как на уровне бытовой, так и официальной и профессиональной сфер общения. Одновременно для иностранных граждан, желающих получить патент, были введены две процедуры проведения комплексного экзамена – федеральная и дополняющая ее региональная модель там, где наблюдается интенсивный приток трудовых мигрантов.

Подобный экзамен для трудовых мигрантов – это первый в истории России опыт. Более того, следует отметить, что введение интеграционного экзамена для категории «трудоустроенные мигранты» не практикуется нигде в мире. В странах, привлекательных в миграционном отношении, такая процедура применяется только для лиц, получающих гражданство или разрешение на временное проживание (РВП) или вид на жительство [7]. Таким образом, в России сформирован абсолютно новый образовательный инструмент, который позволяет создать предпосылки для успешной адаптации трудовых мигрантов в российском обществе.

Для введения экзаменационных испытаний была разработана Концепция комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для различных категорий иностранных граждан, на базе которой сформулированы научно-методические подходы и организационные принципы проведения экзамена, разработаны учебно-методические материалы для преподавателей и иностранных граждан [8]. В процессе совершенствования комплексного экзамена была завершена работа по диверсификации требований к знаниям русского языка, истории и законов РФ к разным категориям иностранных граждан с учетом различных целей их пребывания в стране; были разработаны модели типовых тестов, структура и спецификация тестовых заданий, а также регламент проведения комплексного экзамена для различных категорий иностранных граждан (включая лиц с ограниченными возможностями здоровья – по слуху и зрению).

В целях облегчения процесса адаптации мигрантов по поручению Минобрнауки России была разработана стратегия подготовки их к сдаче экзамена по

дисциплинам трех модулей, в свою очередь, актуализировавшая задачу выработки комплекса образовательных услуг, которые обязаны предоставлять в различных регионах страны органы государственной и региональной власти (включая органы местного самоуправления). Ведущие в области тестирования и преподавания РКИ вузы страны инициировали создание локальных центров тестирования в регионах, которые были обеспечены справочными материалами и учебно-методическими комплексами (включая аудио-видео и онлайн-курсы, в том числе с использованием мобильных приложений), помогающие обучающимся освоить учебный материал и одновременно осуществить самопроверку полученных знаний [9]. Для лучшего освоения специальной терминологии при подготовке к экзамену прежде всего по истории и основам законодательства РФ изданы «Словари исторических, юридических, культурологических терминов и понятий» на восьми языках (таджикском, узбекском, вьетнамском, турецком, китайском и др.).

Из более чем 4 млн человек, прошедших комплексный экзамен за эти годы, более половины были иностранные граждане, которые получили разрешение на ведение трудовой деятельности или патент. Статистика успешности сдачи экзамена оставляет порядка 86%. Если говорить о национальном составе иностранных граждан, сдающих комплексный экзамен в форме тестирования, то за последние пять лет его сдали представители более 170 зарубежных государств.

30 декабря 2015 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации, в соответствии с которым граждане Белоруссии освобождены от сдачи комплексного экзамена⁵. Также в рамках межправительственных соглашений Евразийского экономического союза для граждан стран -участниц (Киргизии, Казахстана, Армении) документальное подтверждение знания русского языка не является обязательным условием для получения документов на работу в России.

Особо следует сказать о действующем механизме при получении гражданства РФ. Эта категория иностранных граждан сдает лингводидактическое тестирование по русскому языку как иностранному в рамках уже много лет существующей в России системы лингводидактического тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ), которая входит в европейскую Ассоциацию ALTE⁶. В этом случае применяются тестовые материалы на уровень B2 по общеевропейской классификации уровней лингводидактического тестирования. Ежегодно его проходят около 85 тыс. иностранных граждан,

⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 465-ФЗ «О внесении изменения в статью 15.1 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196032/#review> (дата обращения: 02.02.2020).

⁶ Language tests for access, integration and citizenship: An outline for policy makers. Council of Europe. 2016: ALTE, LAMI.

свыше 70% из которых сдают тестирование для приобретения гражданства Российской Федерации.

С 1 сентября 2017 г. вступил в силу новый законопроект, подписанный президентом РФ В.В. Путиным 30 июля 2017 г., в соответствии с которым в качестве обязательной введена процедура принятия *присяги на гражданство РФ* с обязательством «соблюдать конституцию и законодательство РФ, права и свободы ее граждан, исполнять обязанности гражданина РФ на благо государства и общества, защищать свободу и независимость РФ, быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции». Для России – это новая практика лингвоцивилизационной интеграции иностранного гражданина в РФ. При введении ее Россией был учтен положительный опыт других государств, в которых также требуется приносить присягу при получении гражданства, в частности в США, Бельгии, Канаде, Австралии, Испании и др.

Одновременно были созданы механизмы по упрощенному порядку получения гражданства РФ иностранцами, признанными «носителями русского языка» по результатам собеседования, проведенного специальной комиссией. Это наиболее мягкий формат языкового тестирования, который проводится для той категории иностранных граждан, которые больше идентифицируют себя с российским государством и обществом и наиболее хорошо владеют русским языком (подобное собеседование успешно прошли около 20 тыс. человек). В целом, по данным главы МВД РФ, в 2019 г. российское гражданство получили почти полмиллиона человек, что в два с половиной раза больше среднегодового показателя за последние десять лет⁷.

В марте 2020 г. Президент РФ В.В. Путин дал поручения по реформе миграционного законодательства и института гражданства в России с целью упрощения и унификации существующих миграционных правил. Реформа предусматривает введение трех видов вступления в российское гражданство: общий, упрощенный и особый. Общий вид применяется ко всем не имеющим оснований быть принятыми в российское гражданство в упрощенном или особом порядке. Для его получения предполагаются знание русского языка, определенный срок постоянного проживания на территории России, а также обязательство соблюдать российское законодательство. Упрощенный порядок будут применять к иностранцам, которые приехали из стран, близких России в социальном и культурном отношении. Особый – будет применяться только в исключительных случаях. Кроме того, постоянное проживание (*вид на жительство*) станет основным миграционным статусом, позволяющим иностранному гражданину в перспективе претендовать на получение гражданства России в общем и упрощенном порядке. Соответственно *разрешение на временное проживание (РВП)* как отдельный миграционный статус, являющийся ступенью перед получением вида на жительство и предоставляемый в рамках выделяемых квот, исключается⁸.

⁷ ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7841301> (дата обращения: 01.03.2020).

⁸ Новое поручение Путина. ИНТЕРФАКС. URL: <https://www.interfax.ru/russia/698175> (дата обращения: 02.03.2020).

Кроме того, в ближайшем будущем предполагается разработка и принятие российским парламентом законопроекта об изменениях в правилах получения российского гражданства *соотечественниками*, что позволит им получить российский паспорт, не отказываясь от гражданства той страны, где они проживают на текущий момент. Также предполагаются поправки в закон о гражданстве, позволяющие гражданам стран, где живет много русских, получать российское гражданство по упрощенной схеме – не подтверждая уровень материального положения и не проживая пять лет в стране.

Выводы

Для российского общества, приоритетом которого является сохранение своей государственности, выработка эффективной миграционной политики относится к числу наиболее важных условий достижения экономической и политической интеграции, национальной безопасности и предотвращения угроз, вызываемых распространением идей терроризма и религиозно-политического экстремизма. Как показал опыт, в условиях глобальных миграционных процессов особые проблемы для национальной безопасности стран создают неконтролируемый приток мигрантов, который осложняет социальную обстановку, дестабилизирует рынки труда, ухудшает санитарно-эпидемиологическую ситуацию в местах их пребывания. В этих условиях расширяется спектр политических рисков для отдающих, транзитных и принимающих государств.

С учетом продолжающегося миграционного кризиса в Европе приоритетной задачей для руководителей и научного сообщества наших стран остается осмысление проблем прежде всего трудовой миграции, стратегий и практик ее адаптации. В контексте решения этих задач в России сложились соответствующие институты и образовательно-культурологические инструментариумы современной миграционной политики, призванные обеспечивать эффективность процессов адаптации и интеграции иностранных граждан, уважение ими жизненных ценностей, принятых в российском обществе, и тем самым способствовать сохранению стабильности и межнационального согласия в нашей стране.

Российский опыт свидетельствует, что замена лингводидактического тестирования комплексным/интеграционным экзаменом является современным трендом миграционной политики большинства европейских стран (и прежде всего Германии), демонстрирующих успешный опыт в области социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, и с данной точки зрения иммиграционное законодательство РФ развивается в едином русле с этими странами.

В свою очередь, практика применения разработанных в РФ образовательно-культурологических инструментариев показала их существенное влияние на распространение русского языка в странах миграционного исхода, особенно в последние годы, о чем свидетельствует, в частности, политика правительств Таджикистана (направленная на восстановление позиций русского языка, увеличение объема его преподавания) и Узбекистана (где

проводится организованное обучение русскому языку в рамках межправительственного соглашения о наборе и привлечении граждан республики для осуществления трудовой деятельности на территории РФ).

Лингво- и социокультурная подготовка иностранных граждан является значимым фактором и для принимающего сообщества: в процессе общения с его членами иностранный гражданин открывает для себя ценности новой культуры, учится толерантно воспринимать новые для него нормы и правила социального взаимодействия, что в целом создает предпосылки для формирования основ межнационального согласия в полиэтническом и мультикультурном пространстве страны приема.

Вместе с тем, как можно видеть из представленного материала, сложившаяся в РФ модель адаптации и интеграции продолжает совершенствоваться и модифицироваться. Правоприменительная практика законодательных актов, регулирующих проведение разработанных в этой области процедур, выявила ряд положений, требующих дальнейшего законодательного совершенствования (в частности, речь идет о механизмах проведения комплексного экзамена при получении иностранными гражданами разрешительных документов в РФ, о дифференциации уровней сложности экзамена, о широком распространении бесплатных курсов обучения русскому языку, обеспечении методического единства при проведении собеседования на признание носителем русского языка, усложнении требований к уровню владения русским языком соискателями гражданства РФ и др.).

Таким образом, Россия, исходя из международного опыта создания универсальных механизмов регулирования миграционных перемещений, апробировала собственную модель миграционной политики, которая базируется на применении разнообразных практик обменов человеческими ресурсами в границах трансконтинентальных миграционных систем. Предложенные государством и гражданским обществом программы адаптации и интеграции иностранных граждан призваны обеспечивать соблюдение баланса экономических и политических интересов принимающего населения и мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и профессиональных различий и особенностей.

Библиографический список

- [1] *Чапанов А.К., Кулешова Н.С.* Нелегальная миграция и риски терроризма в Ингушетии // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2017. Vol. 19. № 2. С. 111.
- [2] *Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 47.
- [3] *Владимирова С.С., Пищенко К.А., Шарри Т.Г.* Проблемы социокультурной, языковой и правовой адаптации трудовых мигрантов в РФ // *Человек и образование*. 2010. № 4. С. 49.
- [4] *Нам И.В.* Роль национально-культурных автономий в адаптации/интеграции мигрантов: право и реалии (на примере Томска) // *Государство, Общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие : материалы науч.-практ. конф. с международным участием, г. Новосибирск, 29–30 мая 2018 г. : в 2 ч. Ч. 2*. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2018. С. 106.

- [5] Интеграционный экзамен для иностранных граждан: зарубежный опыт, проблемы и перспективы проведения в России = Integration Examination for Foreign Citizens: Foreign Experience, Problems and Examination Prospects in Russia / А.В. Должикова, В.М. Козьменко, М.Н. Мосейкина и др.; пер. на англ. Е. А. Паймаковой. М.: РУДН, 2017. 147 с.
- [6] Козьменко В.М. Комплексный экзамен для иностранных граждан по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ как важный фактор их социокультурной адаптации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 138–146.
- [7] Dolzhikova A.V., Kiseleva E.V. Integration Examination for Migrants in Russia: Legal Regulation and Methodical Provision // *Annales – Anali za istrske in mediteranske studije-Series historia et sociologia*. Slovenia, 2015, I (25). P. 369–376.
- [8] Концепция экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для трудящихся мигрантов – различных категорий граждан стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья // Русский тест: теория и практика. 2014. № 1. С. 48–64.
- [9] Тряпельников Анатолий В., Поморцева Наталья В., Синячкин Владимир П. Концепция организации языковой подготовки иностранных граждан к комплексному экзамену по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации с использованием дистанционных технологий // Высшее образование сегодня. 2015. № 12. С. 75–80.

References

- [1] Chapanov A.K., Kuleshova N.S. Illegal migration and the risks of terrorism in the republic of Ingushetia. *RUDN Journal of Political Science*. 2017; 2: 109–117. (In Russ.).
- [2] Dmitriev A.V. Conflict migration: a global aspect. *Sociological Studies*. 2004; 10: 43–65. (In Russ.).
- [3] Vladimirova S.S., Pshenko K.A., Sharri T.G. Problems of socio-cultural, linguistic and legal adaptation of labor migrants in the Russian Federation. *Man and Education*. 2010; 4: 49–54 (In Russ.).
- [4] Nam I.V. The role of national-cultural autonomies in the adaptation / integration of migrants: law and realities (on the example of Tomsk). *State, Society and Church: migration and intercultural diversity: materials of a scientific and practical conference with international participation*, Novosibirsk, May 29–30, 2018: in 2 parts. Part 2. Novosibirsk: SibAGS; 2018: 104–110 (In Russ.).
- [5] Integration Examination for Foreign Citizens: Foreign Experience, Problems and Examination Prospects in Russia / Dolzhikova A.V., Kozmenko V.M., Moseykina M.N. Moscow: RUDN; 2017.
- [6] Kozmenko V.M. Complex examination for foreign citizens in Russian language and history and fundamentals of RF legislation as an important factor of their social and cultural adaptation. *RUDN Journal of Russian History*. 2014; 3: 138–146 (In Russ.).
- [7] Dolzhikova A.V., Kiseleva E.V. Integration Examination for Migrants in Russia: Legal Regulation and Methodical Provision. *Annales. Series historia et sociologia*. Slovenia. 2015; 1 (25): 369–376.
- [8] The concept of the exam in the Russian language, the history of Russia and the basics of the legislation of the Russian Federation for migrant workers – various categories of citizens of the CIS, Baltic countries and abroad. *Russian Test: Theory and Practice*. 2014; 1: 48–64 (In Russ.).
- [9] Tryapelnikov Anatoly V., Pomortseva Natalia V., Sinyachkin Vladimir P. The concept of organizing the language training of foreign citizens for the comprehensive exam on the Russian language, the history of Russia and the basics of the legislation of the Russian Federation using remote technologies. *Higher Education Today*. 2015; 12: 75–80. (In Russ.).

Информация об авторах:

Должикова Анжела Викторовна – кандидат химических наук, проректор Российского университета дружбы народов (e-mail: dolzhikova-av@rudn.ru).

Мосейкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0001-9279-4079; e-mail: moseykina-mn@rudn.ru).

Information about the authors:

Angela V. Dolzhikova – PhD in Chemical Sciences, Vice-Rector of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). (e-mail: dolzhikova-av@rudn.ru).

Marina N. Moseykina – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). (ORCID ID: 0000-0001-9279-4079; e-mail: moseykina-mn@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-401-414

Научная статья / Research article

Политическое будущее мигрантов в России: гипотезы и модели

Л.В. Савинов

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
savinov@siu.ranepa.ru

Аннотация. Политические перспективы мигрантов в России представляют собой не только актуальную проблему, но и требуют всестороннего научного анализа на основе достижений современной политической науки. В силу этого в работе предпринята попытка научно-методологического обоснования и исследования участия мигрантов в будущих политических процессах. На основе миграционной динамики и особенностей миграционного поведения разработана модель-гипотеза – варианты и сценарии политического участия мигрантов в России. В модель включены следующие элементы: личные и групповые стратегии миграционного будущего; траектории и характер политического участия мигрантов; идеологические предпочтения и политические установки; содержание политической культуры миграционного сообщества; целевые ожидания мигрантов в политической сфере; уровень включенности мигрантов в институты гражданского общества; уровень политической активности мигрантов и лидеров миграционного сообщества; готовность коренных жителей к допуску мигрантов к политическим процессам; позиция государства и институтов власти к политическим претензиям со стороны мигрантов. Таким образом, на основе методологии контекстного инструментализма представлен методологический базис политического прогноза будущего мигрантов в России с учетом базовых миграционных факторов и трендов, также определены основные направления научного поиска путей верификации сформулированной гипотезы.

Ключевые слова: миграция, мигранты, политическое прогнозирование, будущее мигрантов, миграционная политика, этнополитика, Россия

История статьи: Поступила в редакцию 02.05.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Савинов Л.В. Политическое будущее мигрантов в России: гипотезы и модели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 401–414. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-401-414

© Савинов Л.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Political Future of Migrants in Russia: Hypotheses and Models

Leonid V. Savinov

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
6 Nizhegorodskaya, Novosibirsk, 630102, Russian Federation
savinov@siu.ranepa.ru

Abstract. The political prospects of migrants in Russia are not only an urgent problem, but also require a comprehensive scientific analysis based on the achievements of modern political science. For this reason, the paper attempts to provide scientific and methodological justification and research on the participation of migrants in future political processes. Based on migration dynamics and features of migration behavior, a model-hypothesis – variants and scenarios of political participation of migrants in Russia has been developed. The model includes the following elements: personal and group strategies for the migration future; the trajectory and nature of political participation of migrants; ideological preferences and political attitudes; the content of the political culture of the migration community; the target expectations of migrants in the political sphere; the level of involvement of migrants in civil society institutions; the level of political activity of migrants and leaders of the migration community; the readiness of indigenous people to allow migrants to political processes; the position of the state and government institutions to political claims from migrants. Thus, based on the methodology of contextual instrumentalism, the methodological basis of the political forecast of the future of migrants in Russia is presented, taking into account the basic migration factors and trends, and the main directions of scientific search for ways to verify the formulated hypothesis are also identified.

Keywords: migration, migrants, political forecasting, future of migrants, migration policy, Ethnopolitics, Russia.

Article history: Submitted on 02.05.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Leonid V. Savinov. Political Future of Migrants in Russia: Hypotheses and Models. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 401–414. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-401-414

Введение

Современный мир становится все более динамичным, люди, преодолевая не только географические и культурные преграды, оказываются в новых для себя социальных реалиях. И не всегда на начальном этапе мигранты включены в политические процессы. Вместе с тем контакты с глобальными политическими институтами неизбежны: они так или иначе приходят в политику. Многие страны уже прошли через этап политической инкорпорации внешних мигрантов. Опыт каждой из них является уникальным, но все же присутствуют общие тенденции и стратегии политической активности мигрантов в принимающих сообществах. Россия в силу исторических условий находится на начальном этапе полноценного включения мигрантов в политические процессы.

Каким будет политическое будущее мигрантов в России и российские политические реалии с мигрантами?

Цель и методы исследования

Миграция будущего и политическое будущее мигрантов в современной российской науке представлены слабо и противоречиво. Именно поэтому целью нашего исследования является определение не только *базовых прогнозных сценариев политического будущего мигрантов*, но и *определение возможностей и ограничений актуальных (во многом классических) методологических подходов и методов исследования* в этом направлении. В связи с этим мы будем опираться не только на фундаментальные достижения политологии в области прогностики (теоретический аспект) и политического прогнозирования (эмпирические исследования), но и авторскую концепцию контекстного этноинструментализма [1]. При этом теория и методология исследования политического будущего представлены достаточно полно и охватывают широкий спектр социального бытия [2; 3].

Под прогнозом мы понимаем «специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления» [4], которое включает три взаимосвязанные составляющие:

- а) теорию прогнозирования (концептуальная и теоретико-методологическая база; категориальный аппарат);
- б) аналитику прогнозируемых явлений и процессов (определение оснований анализа и причинно-следственных связей; исследовательский процесс);
- в) прогнозные модели и сценарии (результаты прогностики; научно обоснованное суждение).

Необходимо обратить внимание на разделение прогнозирования на поисковые (эксплораторные) и нормативные (телеологические), а также понимание прогноза как значимого элемента системы (триады): «диагноз – прогноз – управление». В этом ракурсе прогнозирование становится важным звеном между оценкой состояния объекта прогноза и способов его изменения.

В свою очередь, под политическим прогнозом в работе понимается научно обоснованное суждение о вероятном состоянии политики (в широком смысле), политической системы и/или ее компонентов, политических процессов и явлений в перспективе и о возможностях и ограничениях достижения определенных политических целей. Вообще, политическое прогнозирование имеет фундаментальный корпус общепризнанных знаний и не требует дополнительных презентаций [5; 6].

Миграция и миграционные процессы в научном анализе представлены широким спектром методологических подходов и объяснительных теорий. В данном исследовании мы ориентируемся на междисциплинарный подход и социальный конструктивизм. Определение миграции и ее характеристик дается на основе международных документов ООН.

В исследовании также используются идеи и концепции теории миграции [7–10], миграционного транзита [11–13], культурной и социальной адаптации и интеграции мигрантов [14–16], миграционной политики [17–19], политического поведения мигрантов [20; 21].

Результаты исследования

Согласно данным Международной организации труда ООН, сегодня в мире насчитывается около 277 млн мигрантов, большая часть из которых (примерно 164 млн) принадлежит к категории трудовых мигрантов¹.

В свою очередь, Всемирная организация по миграции (ИОМ – The International Organization for Migration) в ежегодном отчете «Word Migration Report 2020» утверждает, что долгосрочная и растущая совокупность данных о мобильности в мире показывает, что миграция в значительной степени связана с более широкими глобальными экономическими, социальными, политическими и технологическими преобразованиями, которые затрагивают широкий круг высокоприоритетных вопросов политики.

В целом, по оценкам ИОМ, за последние пятьдесят лет число международных мигрантов значительно увеличилось. На сегодняшний день более 272 млн человек живут не в странах своего рождения. В 2019 г. таких мигрантов было на 119 млн больше, чем в 1990 г. (153 млн), и это более чем в три раза превышает данные 1970 г. (84 млн).

В 2019 г. Европа и Азия приняли около 82 и 84 млн международных мигрантов соответственно, что в совокупности составляет 61% от общего числа международных мигрантов в мире. Далее идет Северная Америка, где в 2019 г. насчитывалось почти 59 млн международных мигрантов, или 22% от общего числа мигрантов в мире. Африка составляет 10%, Латинская Америка и Карибский бассейн – 4%. Океания находится на уровне 3%. Если сравнивать с численностью населения в каждом регионе, то доля международных мигрантов в 2019 г. была самой высокой в Океании, Северной Америке и Европе, где они были представлены соответственно в пропорции 21, 16 и 11% от общей численности населения. Для сравнения удельный вес международных мигрантов относительно малочислен в Азии и Африке (1,8 и 2% соответственно), а также в Латинской Америке и Карибском бассейне (1,8%). Однако самый заметный рост в период с 2000 по 2019 г. наблюдался в Азии².

Россия также является наиболее крупным импортером миграционных ресурсов [22]. Официальная статистика свидетельствует, что в последние годы в стране международная миграция все еще высока с тенденциями на снижение численности приезжающих. Речь в данном случае идет только о тех, кто получает вид на жительство или разрешение на временное пребывание: в 2014 г. прибыло 590 824 официальных мигрантов, а в 2019-м – 565 585. В этот же период показатели выбытия составили соответственно 310 496 и 440 831 человек.

¹ См.: ILO. Global Estimates on International Migrant Workers Results and Methodology Second edition (reference year 2017). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/publ/documents/publication/wcms_652001.pdf (accessed: 25.04.2020). ISBN: 978-92-2-132671-7 (print); 978-92-2-132672-4 (web pdf)

² См.: Word Migration Report 2020. International Organization for Migration. P. 1 // URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed: 25.04.2020). e-ISBN 978-92-9068-789-4

При этом в последние годы Российская Федерация перестала интересовать некоторую часть иностранных трудовых мигрантов. К примеру, значительно упала доля китайских трудовых мигрантов. Причиной тому является повышение уровня жизни и средних зарплат в самом Китае. Мы как страна для мигрантов больше интересны для жителей Центральной Азии: в 2018 г. в Россию прибыло из Таджикистана – 67 929, Казахстана – 72 141 и Узбекистана – 55 378 человек. Однако миграционный потенциал этих стран-доноров не безграничен. По сравнению с 2017-м в 2019 г. миграционный прирост в России снизился на 41,1%. Так, за последние годы наблюдается существенное сокращение миграции из Узбекистана, из которого только в 2014 г. прибыло 131 725 человек. Произошло двукратное сокращение миграции из этой центральноазиатской страны.

Отметим, что в 2018 г. наиболее значимые показатели по выбытию показала Украина – 122 954 человека. Затем с большим отрывом идут такие страны ближнего зарубежья, как Казахстан – 45 625 человек и Таджикистан – 36 901. Среди стран дальнего зарубежья лидирующие позиции по выезду из Российской Федерации удерживали Китай (7544), Северная Корея (6038), Индия (5217) и Германия (5209)³.

Все приведенные данные представлены без учета нелегальной миграции, которую также необходимо учитывать, определяя будущие горизонты политической активности мигрантов [23].

Вместе с тем одна из определяющих тенденций последнего времени – это удержание численности населения Российской Федерации лишь за счет миграционного обмена с другими странами, главным образом центральноазиатскими. Миграционный прирост к 2030 г. предполагается выше среднего и составит 516 тыс. человек ежегодно, полностью компенсировав естественную убыль населения.

Однако для нашего исследования сами миграционные тренды в общем представлении не являются достаточными, хотя они убедительны и формируют фоновые основания анализа. Более значимы сущностные характеристики как самой миграции, так и самих мигрантов: миграционные волны, миграционные поколения, настроения и ожидания мигрантов, их качественные социальные характеристики и др. Также важно понимание того, как перемещение мигрантов, которое происходит по разным причинам, влияет не только на политику, но и экономическую, социальную и культурную сферы, демографическую ситуацию и т. д.

В России и ее регионах в исторической ретроспективе миграция протекала по-разному: менялись масштабы, структура, направление и содержание [24]. Необходимо учитывать и имперский, и советский периоды, когда внутренняя и внешняя миграции также формировали сегодняшний миграционный ландшафт. При этом миграция как социальный процесс обладает как

³ См.: Статистика миграции по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/migratsia/#i-11> (дата обращения: 26.04.2020).

положительными, так и отрицательными эффектами, оказывающими существенное влияние в том числе и на политику.

К положительным особенностям миграции необходимо отнести следующие:

– мигранты вносят существенный вклад в экономическое развитие как принимающих стран, так и стран-доноров на национальном, региональном и местном уровнях. Некоторые страны, к примеру Таджикистан, большую часть ВВП формируют за счет экспорта трудовых мигрантов и возвратных денежных потоков. В России многие отрасли экономики, как и многие региональные экономики, уже не могут существовать без трудовых мигрантов;

– международные миграционные потоки сглаживают региональные мировые демографические диспропорции, поддерживая численность населения в странах прибытия. Как правило, экономически благополучные принимающие страны только за счет мигрантов удерживают или наращивают численность населения. Россия в последние годы именно за счет миграционного прироста удерживает небольшой прирост населения, и этот тренд в будущем будет увеличиваться;

– перемещение людей всегда связано с экспортом и импортом этнокультурных и религиозных обычаев и традиций, что традиционно украшает этнокультурную мозаику принимающего сообщества, формируя мультикультурные ценности. Сегодня наиболее успешные города Европы и Северной Америки – это мультикультурные агломерации. Встреча культур, религий, языков и традиций необязательно продуцирует конфликты и противоречия. И в этом смысле идея С. Хантингтона о конфликте цивилизаций не является универсальной [25].

И все же миграционные потоки формируют и негативные эффекты:

– отток населения из стран-доноров неблагоприятно отражается на их экономическом и социальном развитии;

– усиливаются негативные социальные настроения по отношению к мигрантам, что оказывает существенное влияние на характер межэтнических и межконфессиональных отношений, особенно на уровне локальных сообществ;

– рост нелегальной миграции и связанных в том числе с этим криминальных проявлений.

Однако для определения политического будущего мигрантов в России необходимо учитывать не только миграционную динамику и эффекты миграционных процессов, но и изменение миграционного поведения. Наши исследования показывают, что за последние десять лет произошло существенное изменение в целевых установках и ожиданиях мигрантов. Во-первых, трудовая миграция в России сегодня не единственная форма международной мобильности. Увеличивается академическая миграция и число мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства и стремящихся к получению российского гражданства. Если в 90-е гг. прошлого века и нулевые годы XX в. мигранты в подавляющем большинстве были трудовыми и ставили перед собой в основном экономические цели, то сегодня наряду с получением доходов

и обеспечением базовых потребностей социальные мотивации становятся все более приоритетными. Речь идет о социальном обеспечении, образовании для детей, здравоохранении, уровне безопасности по сравнению со странами прибытия. Возрастают и ожидания мигрантов в получении гражданства. Россия уже находимся на этапе, когда мигранты полукоренного и второго поколения становятся значимой группой, как внутри миграционного сообщества, так и в составе населения России. А это уже мигранты с достаточно высоким уровнем социальной и культурной адаптации и интеграции, для которых политические ожидания и требования становятся не только актуальными, но и необходимыми.

Таким образом, мы в ближайшем будущем с высокой долей вероятности увидим мигрантов с уже иным набором интересов и ценностей. В связи с этим появится необходимость особого внимания к их политической активности. При этом желаемые сценарии их гармоничной интеграции в российское политическое пространство, адаптация к политической культуре и ценностям видятся не столь очевидными. Конфликты интересов и ценностей между мигрантами и принимающим сообществом могут перейти в политическое поле и оказать влияние на содержание и характер их политического участия. Необходимо учитывать и то, что для разных поколений мигрантов, для мигрантов-иностранцев и мигрантов-сограждан необходимо видеть дифференцированные роли в политических процессах. В одном случае это может быть участие в протестных акциях, в которые может быть включена вся когорта мигрантов, в других, в частности в электоральных процессах, только получившие гражданство. При этом существенными будут факторы резидентности, интегрированности и характера политической социализации/ресоциализации. Представляется, что проблема возможностей и ограничений социальной и культурной адаптации нынешних мигрантов окажет существенное влияние на их политическое поведение в будущем.

В связи с этим предлагается следующая типологическая модель вариантов и сценариев политического будущего мигрантов в России, которая должна раскрыть следующие вопросы:

- личные и групповые стратегии миграционного будущего;
- траектории и характер политического участия мигрантов;
- идеологические предпочтения и политические установки;
- содержание политической культуры миграционного сообщества;
- целевые ожидания мигрантов в политической сфере, в том числе в электоральных процессах и представительстве в органах власти и других политических институтах;
- уровень включенности мигрантов в институты гражданского общества;
- уровень политической активности мигрантов и лидеров миграционного сообщества;
- готовность коренных жителей к допуску мигрантов к политическим процессам;

– позиция государства, институтов власти и гражданского общества к политическим претензиям со стороны мигрантов.

По отношению к мигрантам наиболее актуальными представляются следующие виды политического участия: добровольное и принудительное, активное и пассивное, индивидуальное и групповое, легитимное и нелегитимное, традиционное и новаторское. Также необходимо выделить и основные типы политической деятельности: политическое отчуждение, когда мигрант или миграционная группа отказываются от участия в политической жизни; политическая пассивность, когда мигрант или миграционная группа находятся под чужим политическим влиянием; политическая активность, когда мигрант или миграционная группа стремятся воздействовать на политическую власть в своих интересах. При этом непосредственное политическое участие мигрантов может быть индивидуальным, групповым и массовым.

Таким образом, мы предлагаем гипотезу *о будущей политической активности мигрантов в России* с учетом представленных миграционных факторов и трендов. Политическую активность предлагаем рассматривать в спектре «отчуждение (0–3) – пассивность (4–7) – активность (8–10)».

Представляется, что политическая активность мигрантов будет возрастать от поколения к поколению в зависимости от уровня резидентности. При этом необходимо учитывать фактор гражданства, который оказывает существенное влияние на уровень политической социализации и активности мигрантов. Без гражданства они не могут включаться в такие форматы политического участия, как партийное членство и электоральные процессы. Вместе с тем политический абсентеизм первого поколения мигрантов будет рассыпаться с получением даже этой группой гражданства и соответственно больших политических прав. Опыт США и Западной Европы свидетельствует о значительном повышении политической активности при получении гражданства либо при нарастании резидентности, то есть последующие поколения мигрантов более политически активны [26]. Для российских мигрантов будет характерна высокая политическая консолидация при продвижении своих интересов, усиливаемая этническим и религиозным факторами. Возможно, роль идеологии и политических идей будет отходить на второй план при продвижении «своих» миграционно окрашенных ценностей и интересов. В электоральных процессах, скорее всего, будет наблюдаться «дилемма и парадокс голосующего мигранта» – феномен выбора «своего» миграционного кандидата по мажоритарной системе, не принадлежащего «своей» политической партии.

Подтверждение предложенной гипотезы политической активности мигрантов возможно при проведении дополнительных поисковых исследований эмпирического характера с использованием социологического инструментария: глубинных экспертных интервью и опроса мигрантов.

С учетом демографического фактора и увеличением миграционного сообщества, обладающего всеми политическими правами и свободами, будет возрастать конкуренция за этот политический ресурс, главным образом за голоса

избирателей. При этом наиболее остро ситуация проявится на муниципальных выборах, где консолидированные и мобилизованные миграционные сообщества уже в ближайшем будущем смогут стать реальной политической силой вне зависимости от индивидуальных политических предпочтений и лояльностей самих мигрантов. И в этой связи опасения Патрика Бьюкенена по отношению к Западу могут найти неожиданное продолжение в России: меняющая структуру электората нарастающая миграция, демографический рост миграционных сообществ, подкуп мигрантов социальными программами и т. д. [27].

Таблица 1 / Table 1

**Матрица политической активности мигрантов (гипотеза) /
Matrix of political activity of migrants (hypothesis)**

Показатель / Indicator		Формы и методы политического участия / Forms and methods of political participation					
		Реакция на политические события / Reaction to political events	Участие в собраниях, демонстрациях, митингах и пикетах / Participation in meetings, demonstrations, rallies and pickets	Обращения к власти, встречи с политическими деятелями / Appeals to the authorities, meetings with political figures	Участие в политических партиях, организациях и движениях / Participation in political parties, organizations and movements	Участие в выборах и референдумах / Participation in elections and referendums	Деятельность политических лидеров / Activities of political leaders
Миграционная резидентность (и гражданство) / Migration residency (and citizenship)	Первое поколение / First generation	4 – 7	3 – 4	1 – 2	0	0	0
	Полупорное поколение / 1 ½ generation	3 – 6	3 – 4	1 – 3	0 – 2	1 – 3	1 – 2
	Второе поколение / Second generation	2 – 5	3 – 5	3 – 6	3 – 4	3 – 5	2 – 3
	Третье поколение / Third generation	2 – 5	2 – 3	4 – 7	3 – 4	4 – 5	2 – 3

Источник: составлено автором / Source: Made by author.

Другим сценарным сюжетом является проблема территориальной и трудовой локализации и концентрации мигрантов (the gravity model of migration), что будет способствовать политической мобилизации и политизации мигрантов, особенно в условиях больших городов и агломераций. Пример Соединенных Штатов показывает, как политическая лояльность мигрантов выстраивается на их географических локализациях. Американские миграционные модели усиливают пространственное размещение по партийному (политическому) принципу, ограничивая межпартийные локальные социальные контакты через пространственное взаимодействие. Такой вывод основывается на существующих исследованиях, которые подтвердили, что мигранты предпочитают переезжать и жить в местах, населенных представителями «своей» политической партии, и местные общины в последние десятилетия стали более политически поляризованными. При этом крупномасштабные модели поляризованных миграционных потоков служат потенциальным механизмом, способствующим географической поляризации по политическим основаниям [28]. При этом мигранты, как правило, сторонятся однородно политически окрашенных территорий, то есть внутри миграционная политическая лояльность является доминирующей [29–31]. Подобный сценарий развития миграционного поведения необходимо учитывать и нам при определении будущего политического ландшафта.

По мнению некоторых экспертов, России для успешного социально-экономического развития и преодоления нарастающих демографических проблем необходимо увеличить миграционный прием и упростить предоставление вида на жительство и гражданства. При этом возможные резервы оцениваются в объеме 15–20 млн человек – на столько можно увеличить численность населения страны в обозримой перспективе [32]. В силу этого значительно увеличится численность российских граждан с миграционным прошлым. Так называемые «новые россияне» будут включены в политическую систему. И в этих реалиях «количество мигрантов не играет такую роль, как факт получения политической субъектности. Мигранты в большой концентрации не остаются разрозненными, а объединяются в этнокультурные сообщества, которые позволяют участвовать в политическом процессе» [33].

Заключение

В перспективе с увеличением доли натурализованных мигрантов в составе граждан России следует ожидать новую политическую реальность, где одним из значимых акторов на политической арене будут выступать «новые россияне». Их политическая активность будет возрастать, а мобилизационные ресурсы этой социальной общности, как показывает опыт Европейского Союза и США, не вызывает сомнений. Таким образом, в недалеком будущем появится реальность, связанная со следующими факторами:

– электоральными процессами – участием все большего числа избирателей и избираемых из когорты натурализованных мигрантов («новых россиян»);

- продвижением интересов и политической мобилизацией мигрантов с использованием как «собственных» (созданных самими мигрантами), так и традиционных институтов гражданского общества;
- нарастанием конкуренции за мигрантов как политический ресурс;
- появлением миграционных групп интересов и групп давления – формированием миграционного лобби;
- все большей политизацией миграции и мигрантов;
- усилением напряженности миграционного дискурса;
- реакцией принимающей стороны – коренных жителей, которая в значительной степени будет ориентирована на сохранение их прежнего политического статус-кво.

Сама миграционная проблематика и миграционный дискурс могут занять особое место в политическом пространстве, формируя собственные смыслы и реакции. Важно, чтобы это не переросло в гражданское противостояние и противоборство элит по отношению к миграционной политике и мигрантам как таковым.

И только время покажет, каким будет политическое будущее мигрантов в России. Однако представителям отечественной науки необходимо предлагать прогнозные сценарии и варианты развития политики и политических процессов с учетом миграционного фактора. Именно поэтому мы рассматриваем данную работу как приглашение к научной дискуссии и возможность коллективного ответа на миграционные вызовы.

Библиографический список

- [1] *Савинов Л.В.* Этнополитика в региональном измерении: монография / Л.В. Савинов. Новосибирск: СибАГС, 2012. 387 с.
- [2] Long-Range Forecasting. 2nd / Ed. by J. Scott Armstrong, 1985.
- [3] *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1974.
- [4] *Бестужев-Лада И.В.* Рабочая книга по прогнозированию. М., 2002. С. 8.
- [5] *Кокошин А.А.* Прогнозирование и политика. М., 1975.
- [6] Глобальное сообщество: система координат / ред. А.И. Неклесса. СПб., 2000.
- [7] *Аммер М.А.* Социология миграции в американской историографии конца XX – начала XXI века // Российский экономический вестник. 2019. Т. 2. № 3. С. 112–116.
- [8] *Heisler B.* The sociology of immigration: From assimilation to segmented integration, from the American experience to the global arena / C. Brettell, J.F. Hollifield (Eds.). Migration theory: Talking across disciplines. New York: Routledge, 2000. P. 77–96.
- [9] *Portes A.* Immigration theory for a new century: Some problems and opportunities // C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). The handbook of international migration: The American experience. New York: Russell Sage Foundation, 1999. P. 21–33.
- [10] *Brettell C. B., Hollifield J. F.* Migration Theory Talking Across Disciplines. Migration theory. London: Routledge, 2014. P. 13–48.
- [11] Neckerman K., Carter P., Lee J. Segmented assimilation and minority cultures of mobility // Ethnic and Racial Studies. 1999. № 22 (6). P. 945–965.
- [12] *Castles S., De Haas H., Miller M.J.* The age of migration: International population movements in the modern world. New York: The Guilford Press, 2013. 401 p.

- [13] Zhou M. Segmented assimilation: Issues, controversies, and recent research on the new second generation // С. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). The handbook of international migration: The American experience. New York: Russell Sage Foundation, 1999. P. 196–211.
- [14] Bean F., Stevens G., Wierzbicki S. The new immigrants and theories of incorporation. America's newcomers and the dynamics of diversity. New York: Russell Sage Foundation, 2003. P. 94–113.
- [15] Collier P. Exodus: How migration is changing our world. Oxford: Oxford University Press, 2013. 320 p.
- [16] Wachter G.G., Fleischmann F. Settlement intentions and immigrant integration: The case of recently arrived EU-immigrants in the Netherlands // International Migration. 2018. № 4. P. 154–171.
- [17] Erdal M.B., Oeppen C. Migrant balancing acts: understanding the interactions between integration and transnationalism // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. № 6. P. 867–884.
- [18] Зорин В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3 (39). С. 40–50.
- [19] Al-Ali N., Koser K. New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home. London: Routledge, 2003. 263 p.
- [20] Breunig C., Cao X., Luedtke A. Global migration and political regime type: A democratic disadvantage // British Journal of Political Science. 2012. № 42 (4). P. 825–854.
- [21] McDonald I. Migration and sorting in the American electorate: Evidence from the 2006 Cooperative Congressional Election Study // American Politics Research. 2011. № 39 (3). P. 512–533.
- [22] Российские и мировые миграции: историко-политологический анализ (к 300-летию создания подразделений по вопросам миграции системы МВД России): монография / А.Б. Паскачев, В.А. Волох, В.А. Суворова. М.: Литера, 2019. 248 с.
- [23] Чудиновских О.С. Оценки масштабов нелегальной миграции в России: возможные подходы и источники информации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 1. С. 8–28.
- [24] Волох В.А., Герасимова И.В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. 2019. № 1. С. 5–12.
- [25] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- [26] Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.
- [27] Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
- [28] Liu X., Andris C., Desmarais B.A. Migration and political polarization in the U.S.: An analysis of the county-level migration network. PLoS ONE. 2019, № 14 (11): e0225405. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225405>. Accessed: 02.05.2020.
- [29] Hopkins D.J. The increasingly United States: How and why American political behavior nationalized. Chicago: University of Chicago Press, 2018.
- [30] Tam Cho W.K., Gimpel J.G., Hui I.S. Voter migration and the geographic sorting of the American electorate. Annals of the Association of American Geographers. 2013; № 103 (4). P. 856–870.
- [31] Charyyev B., Gunes M.H. Complex network of United States migration. Comput. Soc. Netw. 2019. 6, 1. URL: <https://doi.org/10.1186/s40649-019-0061-6>. Accessed: 02.05.2020.
- [32] Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126.
- [33] Копылов Д. А. Миграция в XXI веке: вызовы сложившемуся миропорядку // Миграция и социально-экономическое развитие. 2019. Т. 4. № 2. С. 57–74. doi: 10.18334/migration.4.2.41317

References

- [1] Savinov L.V. *Ethnopolitics in the regional dimension*: monograph. Novosibirsk: Sibags; 2012. (In Russ.).
- [2] *Long-Range Forecasting*. 2nd. Ed. by J. Scott Armstrong. 1985.

- [3] Yanch E. *Forecasting of scientific and technical progress*. Moscow; 1974. (In Russ.).
- [4] Bestuzhev-Lada I.V. *Working book on forecasting*. Moscow; 2002: 8. (In Russ.).
- [5] Kokoshin A.A. *Forecasting and politics*. Moscow; 1975. (In Russ.).
- [6] *Global community: coordinate system*. Ed. by A.I. Neklessa. SPb.; 2000. (In Russ.).
- [7] Ammer M.A. The sociology of migration in American historiography of the late XX – early XXI century. *Russian Economic Bulletin*. 2019. Vol. 2 (3): 112–116. (In Russ.).
- [8] Heisler B. The sociology of immigration: From assimilation to segmented integration, from the American experience to the global arena. C. Brettell, J.F. Hollifield (Eds.). *Migration theory: Talking across disciplines*. New York: Routledge; 2000: 77–96.
- [9] Portes A. Immigration theory for a new century: Some problems and opportunities. In C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). *The handbook of international migration: The American experience*. New York: Russell Sage Foundation; 1999: 21–33.
- [10] Brettell C.B., Hollifield J.F. *Migration Theory Talking Across Disciplines*. *Migration theory*. London: Routledge; 2014: 13–48.
- [11] Neckerman K., Carter P., Lee J. Segmented assimilation and minority cultures of mobility. *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22 (6): 945–965.
- [12] Castles S., De Haas H., Miller M.J. *The age of migration: International population movements in the modern world*. New York: The Guilford Press; 2013.
- [13] Zhou M. Segmented assimilation: Issues, controversies, and recent research on the new second generation. In C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). *The handbook of international migration: The American experience*. New York: Russell Sage Foundation, 1999: 196–211.
- [14] Bean F., Stevens G., Wierzbicki S. The new immigrants and theories of incorporation. *America's newcomers and the dynamics of diversity*. New York: Russell Sage Foundation; 2003: 94–113.
- [15] Collier P. *Exodus: How migration is changing our world*. Oxford: Oxford University Press; 2013.
- [16] Wachter G.G., Fleischmann F. Settlement intentions and immigrant integration: The case of recently arrived EU-immigrants in the Netherlands. *International Migration*. 2018. Vol. 4: 154–171.
- [17] Erdal M.B., Oeppen C. Migrant balancing acts: understanding the interactions between integration and transnationalism. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. Vol. 6: 867–884.
- [18] Zorin Y. The Migration Situation in the Russian Federation: Problems and Solutions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019; 9 (3): 40–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>
- [19] Al-Ali N., Koser K. *New approaches to migration? Transnational communities and the transformation of home*. London: Routledge; 2003.
- [20] Breunig C, Cao X, Luedtke A. Global migration and political regime type: A democratic disadvantage. *British Journal of Political Science*. 2012. Vol. 42 (4): 825–854.
- [21] McDonald I. Migration and sorting in the American electorate: Evidence from the 2006 Cooperative Congressional Election Study. *American Politics Research*. 2011. 39 (3): 512–533.
- [22] *Russian and world migrations: historical and political analysis (to the 300th anniversary of the creation of migration units of the Ministry of internal Affairs of Russia)*: Monograph / A.B. Paskachev, V.A. Volokh, V.A. Suvorova. M.: Litera; 2019. (In Russ.).
- [23] Chudinovskikh O.S. Assessing the Scale of Illegal Migration in Russia: Possible Approaches and Sources of Information. *Voprosy statistiki*. 2020; 27 (1): 8–28. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-8-28>
- [24] Volokh V., Gerasimova I. Management of migration processes in the Russian Federation: analysis and prospects. *Upravlenie*. 2019; 7 (1): 5–12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12>
- [25] Huntington S. *Clash of civilizations*. Moscow: AST; 2003. (In Russ.).

- [26] Sarrazin T. *Germany is breaking away: how we are putting our country at risk*. Deutsche Verlags-Anstalt; 2010. (In German).
- [27] Buchanan P.J. *Death of the West*. М.: AST; СПб.: Terra Fantastica; 2003. (In Russ.).
- [28] Liu X., Andris C., Desmarais B.A. Migration and political polarization in the U.S.: An analysis of the county-level migration network. *PLoS ONE*. 2019. 14 (11): e0225405. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225405>
- [29] Hopkins DJ. *The increasingly United States: How and why American political behavior nationalized*. Chicago: University of Chicago Press; 2018.
- [30] Tam Cho W.K., Gimpel J.G., Hui I.S. Voter migration and the geographic sorting of the American electorate. *Annals of the Association of American Geographers*. 2013. 103 (4): 856–870.
- [31] Charyyev B., Gunes M.H. Complex network of United States migration. *Comput. Soc. Netw.* 2019. 6, 1. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40649-019-0061-6>
- [32] Riazantsev S.V. Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement. *Sociological research*. 2019. Vol. 9: 117–126. (In Russ.).
- [33] Kopylov D.A. Migration in the XXI century: challenges to the established world order. *Migration and socio-economic development*. 2019. Vol. 4 (2): 57–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/migration.4.2.41317>

Информация об авторе:

Савинов Леонид Вячеславович – доктор политических наук, доцент, декан факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0003-2827-0339) (e-mail: savinov@siu.ranepa.ru).

Information about the author:

Leonid V. Savinov – Doctor of Political Science, Professor, Dean of the Faculty of State and Municipal Management, Professor of the Department of State and Municipal Management of the Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) ORCID ID: 0000-0003-2827-0339) (e-mail: savinov@siu.ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427

Научная статья / Research article

Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия

А.В. Шустов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14
a.v.shustov@yandex.ru

Аннотация. На основе статистики Главного управления МВД РФ по вопросам миграции рассматриваются масштабы и динамика циркулярных миграций между Россией и странами СНГ на протяжении 2016–2019 гг., предшествовавших началу вызванного пандемией коронавируса социально-экономического кризиса. Предпринята попытка оценить адекватность показателей, используемых для анализа миграционной ситуации. Исследовано развитие миграционного обмена, включая процессы скрытой и явной трудовой миграции, в региональном разрезе (Средняя Азия, Закавказье, западные страны СНГ). Выявлены причины разнонаправленной динамики миграционных потоков между Россией и отдельными регионами СНГ, связанные с размерами их демографического потенциала, наличием избыточного трудоспособного населения и возможностью доступа на российский и европейский рынки труда. В качестве индикатора масштабов иммиграции из южных, преимущественно мусульманских, стран СНГ и связанных с ней проблем использованы данные общероссийских социологических опросов. Показано несоответствие распространенного среди значительной части экспертного сообщества и широко тиражируемого СМИ утверждения о сокращении масштабов притока мигрантов в Россию за последние годы реальной миграционной ситуации, которая развивается в прямо противоположном направлении и в условиях социально-экономического кризиса способна стать одной из точек общественно-политической напряженности.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, мигранты, пандемия, кризис, Россия, страны СНГ, Средняя Азия

История статьи: Поступила в редакцию 21.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Шустов А.В. Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 415–427. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427

© Шустов А.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Circular Migration between Russia and CIS Countries in a Crisis: Scope and Consequences

Alexander V. Shustov

P.G. Demidov Yaroslavl State University
14 Sovetskaya St, Yaroslavl, 150003, Russian Federation
a.v.shustov@yandex.ru

Abstract. Based on statistics of the General Administration for Migration Issues of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, article examines dynamics and scale of circular migration between Russia and CIS countries between the years 2016-2019, prior to socioeconomic crisis caused by the coronavirus pandemic. Article attempts to assess adequacy of indicators used by current accounting methodology for analyzing migration situation. Author analyzes development of circular migration exchange, including the processes of explicit and clandestine labor migration, in regional context (Central Asia, Transcaucasia, Western CIS countries). Reasons for multidirectional dynamics of migration flow between Russia and certain CIS regions are identified, having to do with the size of their demographic potential, presence of excess working population, and capacity to access Russian and European labor markets. As an indicator of perception for immigration from Southern, predominantly Muslim CIS countries and related problems, data from all-Russian sociological surveys are used. Study shows the discrepancy between prevalence in expert community which is widely replicated in media statements about declining influx of migrants into Russia in recent years, moreover real development of migration situation, which develops in the opposite direction.

Keywords: migration, immigration, migrants, pandemic, crisis, Russia, CIS countries, Central Asia

Article history: Submitted on 21.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Alexander V. Shustov. Circular Migration between Russia and CIS Countries in a Crisis: Scope and Consequences. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 415–427. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427

Введение

Начало эпидемии коронавируса резко обострило проблему «циркулярных» мигрантов из стран СНГ, оказавшихся к началу кризиса на территории России. Ограничение с 18 марта въезда для иностранцев, а затем и полное закрытие РФ с 30 марта 2020 г. границ со всеми иностранными государствами привело к тому, что в пределах страны оказались запертыми несколько миллионов трудовых мигрантов, точная численность которых до сих пор вызывает вопросы. Не имея социальных льгот, медицинского обслуживания, а зачастую – и официального трудоустройства, трудовые мигранты в условиях кризиса оказались одной из наиболее уязвимых групп наличного населения России¹.

Столкнувшись с установленными властями ограничениями на ведение трудовой деятельности, а также резким падением спроса, многие

¹ Фактическое население, находящееся на данной территории в данный момент времени. См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

работодатели предпочли первыми избавиться от мигрантов, многие из которых к тому же работали нелегально. На этом фоне уже в середине марта со стороны этнических диаспор стали раздаваться алармистские прогнозы по поводу возможного социального взрыва. Так, 15 марта 2020 г. после закрытия Узбекистаном транспортного сообщения с иностранными государствами президент Межрегионального узбекского землячества «Ватандош» Усман Баратов в интервью радиостанции «Говорит Москва» заявил, что через месяц-два эта ситуация может перерасти в социальный взрыв внутри республики².

17 марта в интервью «МК» У. Баратов конкретизировал свои прогнозы, уточнив, что социальный взрыв в Узбекистане и Таджикистане возможен в том случае, если ограничения продлятся более месяца. В России закрытие границ, по словам руководителя Профсоюза трудящихся мигрантов Рената Каримова, может создать проблемы тем мигрантам, которые прибыли с «частным визитом», то есть без оформления документов, и могут находиться в стране 90 суток в течение полугода, а возможности выехать на родину теперь не имеют³. Об угрозе массовых выступлений мигрантов 14 апреля предупреждал и президент Федерации мигрантов Вадим Коженев, считающий вероятность такого варианта развития событий в ближайшее время весьма высокой⁴.

Наращение миграционных проблем в последние годы не осталось незамеченным и российскими властями. 6 марта 2020 г. на официальном сайте президента России был опубликован «Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы», предусматривающий коренную реформу миграционного законодательства⁵. Поручения включают введение биометрического контроля за миграцией из всех стран СНГ (кроме Белоруссии) и конкурсный порядок замещения вакансий. Все работодатели будут обязаны регистрировать вакансии в специальной государственной информационной системе и вначале предлагать их гражданам РФ, отсутствие претендентов из числа которых позволит нанимать иностранцев. Однако техническая сложность подобной системы делает ее внедрение делом довольно отдаленным.

Столкнувшись с резким обострением миграционных проблем, политики и эксперты оказались в ситуации, когда они не располагают информацией о точной численности находящихся в России «циркулярных» мигрантов. Полагаться в этих условиях приходится на различные экспертные оценки, которые

² В узбекской диаспоре предрекли России социальный взрыв из-за закрытия границ Узбекистаном // Говорит Москва. 15.03.2020. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/227989/> (дата обращения: 24.02.2020).

³ Перевозкина М. Коронавирус спровоцировал в Средней Азии революционную ситуацию // МК. 17.03.2020. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/03/17/koronavirus-sprovociroval-v-sredney-azii-revolucionnuyu-situaciyu.html> (дата обращения: 24.02.2020).

⁴ Стешин Д. Президент Федерации мигрантов Вадим Коженев: Если безработные мигранты не уедут, рост криминала будет взрывной! // Комсомольская правда. 14.04.2020. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/27117/4197954/> (дата обращения: 24.02.2020).

⁵ Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы // Президент России. 06.03.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> (дата обращения: 25.04.2020).

оперируют цифрами со значительной долей условности. Нет даже единого мнения о том, растет или снижается иммиграция в РФ на протяжении последних лет. В связи с этим актуальной представляется попытка на основе миграционной статистики МВД проследить динамику и выяснить масштабы циркулярной миграции в Россию из стран СНГ за последние годы, а также оценить ее возможные политические последствия в условиях кризиса.

Источники и методы

Наиболее информативным из имеющихся в открытом доступе источников по текущей миграционной ситуации является статистика Главного управления по вопросам миграции МВД России, которая служит основной для всех прочих публикаций по внутренней и внешней миграции, включая данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Первичными учетными документами, лежащими в основе миграционной статистики МВД, являются листки статистического учета прибытия и выбытия, которые составляются при регистрации или снятии с регистрационного учета населения по месту жительства или по месту пребывания. В процессе заполнения листков фиксируется факт постановки или снятия иностранцев с миграционного учета. Поскольку один и тот же человек за год может сменить местожительство несколько раз, эти данные отражают миграцию с некоторой условностью⁶.

В соответствии с действующей методикой учета иностранные граждане, прибывшие в Россию на срок 9 месяцев и более, попадают в категорию постоянных мигрантов. Те же, кто прибыл в РФ на меньший срок, в статистику постоянной миграции не включаются и фактически попадают в категорию временных мигрантов, данные по которым публикует только МВД. Именно они и составляют основную массу трудовых мигрантов, прибывающих в Россию из стран СНГ с безвизовым режимом. В текущих отчетах МВД приводятся данные по количеству фактов их постановки на миграционный учет, целям прибытия в РФ (туризм, учеба, частная работа, иное) и снятия с учета, выдаче разрешения на временное проживание, видов на жительство и предоставление гражданства.

К наиболее достоверным относится количество фактов постановки на миграционный учет. Определение численности мигрантов методом баланса (число фактов постановки на учет минус число фактов снятия с учета) не дает реальной картины миграции, поскольку снятие с миграционного учета согласно действующим правилам происходит автоматически в процессе электронной обработки данных «по истечении срока пребывания у мигрантов независимо от места прежнего жительства»⁷. То есть снятие мигранта с учета происходит по истечении разрешенного срока пребывания на территории РФ даже в том случае, если территорию страны он фактически не покидал.

⁶ Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. Росстат. М., 2019. С. 198.

⁷ Там же.

Статистика МВД по миграциям между странами СНГ доступна с 2016 г. отражает ситуацию на протяжении четырех полных лет (2016–2019 гг.), предшествовавших началу пандемии коронавируса. Ее данные позволяют проанализировать миграцию в разрезе отдельных стран, регионов РФ, целей прибытия, а также правовых статусов мигрантов (оформляемых документов). Помимо «статистики фактов» ситуацию в сфере миграции отражает и «статистика мнений» – данные всероссийских опросов, публикуемых ведущими социологическими центрами. Учитывая сложное, преимущественно негативное отношение большинства коренного населения РФ к мигрантам из мусульманских регионов, результаты опросов могут выступать в том числе и как индикатор, отражающий общую динамику миграционных потоков.

Особенности миграционного режима между Россией и большинством стран СНГ, граждане которых могут находиться в стране 90 дней без регистрации, и продлевать этот срок путем выезда и повторного въезда в РФ, позволяют рассматривать эти миграции как «циркулярные». В большинстве трактовок циркулярные миграции подразумевают периодические перемещения людей между странами, как правило, связанные с трудовой деятельностью [1]. Близким по смыслу является понятие «текучей» или «переменчивой» миграции, возникновение которого связано с перемещением людей между регионами, внутри которых существуют открытые границы [2, с. 72–73]. Применительно к странам СНГ эти концепты выглядят более адекватными реальной ситуации, чем понятия «временной», «трудовой» или «сезонной» миграции.

В качестве методов исследования имеющихся данных использованы статистический, сравнительный и ситуационный анализ, а также вторичный анализ результатов общероссийских социологических опросов.

Миграционная ситуация в 2016–2019 гг.

В 2016 г., когда вопросы миграции из ведения ликвидированной указом президента Федеральной миграционной службы (ФМС) были переданы МВД, на положение в этой сфере влияли два фактора: экономический кризис 2015–2016 гг., вызванный противостоянием России с США и ЕС из-за украинского кризиса, а также миграционная реформа. К числу нововведений относились: разрешение гражданам «безвизовых» стран СНГ находиться в стране без оформления документов (разрешения на работу или трудового патента) не более 90 суток в течение полугода, въезд в РФ только по заграничным паспортам, ответственность за фиктивную регистрацию мигрантов и введение с 1 января 2015 г. патентов на право ведения трудовой деятельности. Как следствие, за 2015 г. количество иностранцев в России, по данным ФМС, снизилось по сравнению с предыдущим годом на 10% (с 11,1 до 10 млн чел.)⁸.

⁸ Глава ФМС: в 2015 году число мигрантов в России стабилизировалось // РИА «Новости». 02.01.2016. URL: <https://ria.ru/20160102/1353262641.html> (дата обращения: 26.04.2020).

Таблица 1 / Table 1

Статистика миграций между Россией и странами СНГ* / Migration statistics between Russia and CIS countries

Страны / регионы / Countries / regions	2016				2017				2018				2019			
	Поставлено/ Registered	Снято / Removed from register	Сальдо / Balance	Поставлено/ Registered	Снято / Removed from register	Сальдо / Balance	Поставлено/ Registered	Снято / Removed from register	Сальдо / Balance	Поставлено/ Registered	Снято / Removed from register	Сальдо / Balance	Поставлено/ Registered	Снято / Removed from register	Сальдо / Balance	
Закавказье / Transcaucasia																
Абхазия / Abkhazia	7 329	5 143	2 186	8 980	7 165	1 815	8 897	7 422	1 475	10 708	9 414	1 294				
Азербайджан / Azerbaijan	594 902	370 101	224 801	633 765	385 815	247 950	650 080	436 943	213 137	694 551	545 771	148 780				
Армения / Armenia	631 746	349 376	282 370	657 648	342 986	314 662	641 618	397 054	244 564	634 336	469 237	165 099				
Грузия / Georgia	41 603	23 091	18 512	47 687	24 984	22 703	47 341	27 294	20 047	51 926	37 147	14 779				
Южная Осетия / South Ossetia	1 051	623	428	1 401	690	711	1 065	677	388	1 264	888	376				
<i>Всего / Total</i>	<i>1 276 631</i>	<i>748 334</i>	<i>528 297</i>	<i>1 349 481</i>	<i>761 640</i>	<i>587 841</i>	<i>1 349 001</i>	<i>869 390</i>	<i>479 611</i>	<i>1 392 785</i>	<i>1 062 457</i>	<i>330 328</i>				
Западные страны СНГ / The Western CIS countries																
Беларусь / Belarus	345 801	211 233	134 568	394 449	245 251	149 198	452 064	334 615	117 449	538 204	425 670	112 534				
Молдавия / Moldova	585 937	292 910	293 027	542 004	228 994	313 010	495 640	274 487	221 153	459 589	334 325	125 264				
Украина / Ukraine	1 933 825	1 150 150	783 675	1 792 247	1 075 853	716 394	1 761 586	1 180 061	581 525	1 641 730	1 309 198	332 532				
<i>Всего / Total</i>	<i>2 865 563</i>	<i>1 654 293</i>	<i>1 211 270</i>	<i>2 728 700</i>	<i>1 550 098</i>	<i>1 178 602</i>	<i>2 709 290</i>	<i>1 789 163</i>	<i>920 127</i>	<i>2 639 523</i>	<i>2 069 193</i>	<i>570 330</i>				
Средняя Азия / Central Asia																
Казахстан / Kazakhstan	545 676	384 921	160 755	587 728	422 754	164 974	683 989	525 881	158 108	762 028	652 323	109 705				
Киргизия / Kyrgyzstan	826 640	388 895	437 745	879 575	412 309	467 266	876 795	564 216	312 579	1 055 458	849 411	206 047				
Таджикистан / Tajikistan	1 892 404	1 149 324	743 080	2 106 256	1 278 877	827 379	2 330 448	1 534 257	796 191	2 754 915	2 230 664	524 251				
Туркмения / Turkmenia	60 406	40 385	20 021	74 225	48 221	26 004	98 000	67 305	30 695	126 081	93 253	32 828				
Узбекистан / Uzbekistan	3 354 389	2 226 164	1 128 225	4 082 377	2 758 867	1 323 510	4 499 127	3 249 946	1 249 181	4 805 694	3 980 705	824 989				
<i>Всего / Total</i>	<i>6 679 515</i>	<i>4 189 689</i>	<i>2 489 826</i>	<i>7 730 161</i>	<i>4 921 028</i>	<i>2 809 133</i>	<i>8 488 359</i>	<i>5 941 605</i>	<i>2 546 754</i>	<i>9 504 176</i>	<i>7 806 356</i>	<i>1 697 820</i>				
СНГ итого / CIS total	10 821 709	6 592 316	4 229 393	11 808 342	7 232 766	4 575 576	12 546 650	8 600 158	3 946 492	13 536 484	10 938 006	2 598 478				

Источники / Sources: Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам // МВД РФ. 30.01.2017. URL: <https://xn--b1aew.xn--r1ai/Dejatelnost/statistics/migraciotau/item/9359228> (дата обращения: 27.04.2020); Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам // МВД РФ. 29.01.2018. URL: <https://xn--b1aew.xn--r1ai/Dejatelnost/statistics/migraciotau/item/12162171> (дата обращения: 27.04.2020); Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года с распределением по странам и регионам // МВД РФ. 24.01.2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--r1ai/Dejatelnost/statistics/migraciotau/item/15651053> (дата обращения: 27.04.2020); Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года с распределением по странам и регионам // МВД РФ. 22.01.2020. URL: <https://xn--b1aew.xn--r1ai/Dejatelnost/statistics/migraciotau/item/19365693> (дата обращения: 27.04.2020).

* В статистику миграции включена Грузия, которая участником Содружества с 2009 г. не является, а также Абхазия и Южная Осетия, признанные Россией в качестве независимых государств. «Поставлено» – численность поставленных на миграционный учет, «снято» – численность снятых с миграционного учета, «сальдо» – разность между числом поставленных и снятых с миграционного учета.

Тем не менее сокращение оказалось временным, и уже в следующем 2016 г. численность мигрантов вновь стала расти. К этому времени российская экономика начала постепенно выходить из кризиса, а сами мигранты сумели довольно быстро приспособиться к новым правилам и научились успешно обходить их. Количество фактов постановки граждан стран СНГ на миграционный учет постоянно росло. Если в 2016 г. их насчитывалось 10,8 млн чел., то в 2017 г. – 11,8 млн, в 2018 г. – 12,5 млн, а в 2019 г. – 13,5 млн (табл. 1). За четыре года число регистраций возросло на 2,7 млн чел. (25,1%), а среднегодовые темпы прироста их объема составили 6,3%.

Количество снятий граждан стран СНГ с миграционного учета за этот период увеличилось еще более значительно – с 6,6 млн в 2016 г. до 10,9 млн в 2019 г. (65,9%). Но учитывая описанные выше особенности этого процесса, можно сделать вывод, что усиление оттока мигрантов он не отражает. Напротив, теоретически увеличение снятий с учета может свидетельствовать о возрастании числа мигрантов, которые для возобновления срока пребывания пересекают границу и въезжают обратно, что дает им возможность находиться в стране еще 90 дней без оформления документов. В итоге статистика может показывать как прирост регистраций, так и фактов снятия с учета.

Ввиду опережающего нарастания числа снятий иностранцев с миграционного учета его сальдо с количеством регистраций почти постоянно сокращалось. Если в 2016 г. разница между числом постановок и снятий с миграционного учета в России граждан стран СНГ составляла 4,2 млн, то в 2017 г. – 4,6 млн, в 2018 г. – 3,9 млн, а в 2019 г. – всего 2,6 млн (см. табл. 1). На фоне увеличения числа случаев постановки на миграционный учет адекватности этого показателя в отношении числа находящихся в РФ мигрантов вызывает большие сомнения. К тому же данные по сальдо миграции расходятся с большинством экспертных оценок, публикуемых в открытых источниках.

Развитие миграционного обмена между Россией и странами СНГ в региональном разрезе демонстрирует разнонаправленную динамику. Наиболее значительно выросло число регистраций граждан стран Средней Азии. В 2016–2019 гг. их количество увеличилось с 6,7 до 9,5 млн чел. (на 42,3%), что означает увеличение объемов циркулярной миграции в полтора раза. Если не принимать во внимание Туркмению, которая с 1999 г. ввела визовый режим со всеми странами СНГ и поэтому «генерирует» небольшое число мигрантов (126,1 тыс. регистраций за 2019 г.), лидерами по темпам прироста являются Таджикистан и Узбекистан. Количество регистраций граждан Таджикистана в 2016–2019 гг. выросло с 1,9 до 2,8 млн чел. (на 45,6%), а Узбекистана – с 3,4 до 4,8 млн (на 43,3%). В совокупности на две эти республики, по данным за 2019 г., пришлось 80% всех регистраций мигрантов, прибывших в РФ из Средней Азии.

Темпы увеличения иммиграции из Казахстана (39,6%) были почти такими же, а из Киргизии (27,7%) – в полтора раза ниже. Но на фоне «антропотока» из Узбекистана и Таджикистана, обеспечивших в совокупности 7,5 млн регистраций, абсолютное число казахских (762 тыс.) и киргизских (1 млн 55 тыс.) мигрантов выглядит не столь значительным. К тому же в миграционных

связях России с Казахстаном и Киргизией существует ряд «смягчающих» ситуацию факторов: обе республики являются участниками Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого создан общий рынок труда, сохраняют довольно значительное по численности славянское население, а также высокий уровень владения русским языком титульными этносами.

Иммиграция из стран Закавказья, к которым географически относятся признанные Россией после «пятидневной» войны 2008 г. с Грузией в качестве независимых государств Абхазия и Южная Осетия, на фоне Средней Азии увеличилась незначительно. Общее число регистраций граждан стран Закавказья с 2016 по 2019 г. увеличилось с 1,28 до 1,39 млн (на 9,1%). То есть темпы прироста иммиграции из закавказских государств были почти в пять раз ниже, чем из среднеазиатских. Лидирующее положение по нарастанию числа регистраций занимает Грузия (24,8%). Но поскольку с 2000 г. у нее с Россией существует визовый режим, а с августа 2009 г. Тбилиси прекратил свое членство в СНГ, число грузинских мигрантов в РФ невелико (51,9 тыс. за 2019 г.).

Количество регистраций граждан Азербайджана в 2016–2019 гг. выросло на 16,7% (с 594,9 до 694,6 тыс.), тогда как Армении – почти не изменилось (634,4 тыс. за 2019 г.). Иммиграция из Абхазии и Южной Осетии, большая часть населения которых имеет российское гражданство, статистически невелика. Незначительное по сравнению со Средней Азией число мигрантов из Закавказья объясняется несопоставимостью их демографических потенциалов и отсутствием многочисленного избыточного населения, выбрасываемого на российский рынок труда. В Средней Азии на 2019 г. проживало 73,6 млн чел., почти треть которых (29%) моложе 15 лет. В Закавказье же насчитывается всего 17 млн чел., а доля населения до 15 лет составляет от 20 до 22%¹.

Иммиграция из западных стран СНГ в Россию снижается, что связано с подписанием соглашений о евроассоциации и вступлением в силу безвизового режима со странами ЕС для граждан Молдавии (2014 г.) и Украины (2017 г.). Как следствие, общее число регистраций жителей этого региона за четыре года сократилось на 7,9% (с 2,9 до 2,7 млн). По темпам падения лидирует Молдавия (-21,6%), в то время как в абсолютном выражении наиболее значительно снизился миграционный приток с Украины. Если в 2016 г. на учет было поставлено 1,9 млн ее граждан, то в 2019 г. – только 1,6 млн (-15,1%), а сальдо миграции вообще сократилось более чем в два раза (с 783,7 тыс. до 332,5 тыс.). За это же время число мигрантов из Белоруссии выросло в полтора раза (с 345,8 до 538,2 тыс.), что совпадает по времени с ее вхождением в ЕАЭС.

Оценки численности мигрантов

Несмотря на детальную статистику, которую ведет МВД РФ, вопрос о том, сколько же мигрантов находится на территории страны, остается неясным. Фиксация фактов регистраций и снятия иностранцев с учета не

¹ 2019 World Population Data Sheet. International Data // Population Reference Bureau. URL: <https://www.prb.org/international/> (accessed: 27.04.2020).

позволяет выяснить их численность, поскольку отслеживаются события, а не люди. Значительная часть граждан стран СНГ вообще работает в России нелегально, и численность этой группы мигрантов можно оценить лишь приблизительно.

В октябре 2017 г. первый заместитель главы МВД Александр Горовой сообщил, что на территории России находятся 2,6 млн нелегальных мигрантов, количество которых сокращается в связи с принимаемыми МВД мерами². Спустя год оценки МВД действительно изменились в меньшую сторону. Так, в декабре 2018 г. руководитель Главного управления МВД по вопросам миграции Валентина Казакова заявила, что в России нелегально пребывают около 2 млн иностранных граждан, а из 17 млн въехавших в страну за год иностранцев 10 млн до сих пор находятся на ее территории³. Примечательно, что вместе с нелегалами их численность как раз и составляет 12 млн, что соответствует числу въехавших в РФ за 2018 г. граждан стран СНГ (12,5 млн) (см. табл. 1).

Между тем сокращение числа нелегальных мигрантов за этот период противоречит другим данным. Общее число фактов регистраций иностранцев в 2018 г. по сравнению с предыдущим 2017 г. увеличилось на 738,3 тыс. чел, а количество оформленных патентов, позволяющих работать легально, напротив, сократилось с 1682,6 до 1 671,7 тыс.⁴ Любопытно, что сальдо текущей миграции, по данным МВД, за 2018 г. сократилось как раз на 629,1 тыс., что соответствует оценке масштабов снижения нелегальной миграции.

3 апреля 2020 г. в СМИ были опубликованы новые данные МВД, согласно которым легально, то есть с получением патента, в России находятся 2,5 млн трудовых мигрантов, включая 1 млн 14,5 тыс. граждан Узбекистана, 507 тыс. – Таджикистана и 89,2 тыс. – Украины. Кроме того, 353,2 тыс. мигрантов являются гражданами Киргизии, которым благодаря членству республики в ЕАЭС оформлять патент не нужно. Реальное же количество находящихся в России мигрантов в 4–5 раз больше и, по оценкам МВД, достигает 10–12 млн человек⁵. Численность мигрантов, не оформивших патент, таким образом, должна составлять 7,5–9,5 млн чел. Примечательно, что оценка общего количества мигрантов (10–12 млн) находится в пределах между числом их регистраций за 2016 (10,8 млн) и 2018 (12,5 млн) гг.

² МВД насчитало в России 2,6 млн нелегальных мигрантов // РБК: 20.10.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59e9baea9a7947705a3506dd> (дата обращения: 27.04.2020).

³ Петров И. В МВД назвали число нелегальных мигрантов в России // Российская газета. 21.12.2018. URL: <https://rg.ru/2018/12/21/v-mvd-nazvali-chislo-nelegalnyh-migrantov-v-rossii.html> (дата обращения: 27.04.2020).

⁴ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года // МВД РФ. 25.01.2019. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15850787/> (дата обращения: 27.04.2020).

⁵ Бойко А., Якунин И. МВД посчитало, сколько легальных мигрантов зависло в России // Комсомольская правда. 3.04.2020. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/27113.7/4190319/> (дата обращения: 27.04.2020).

Последствия

Отсутствие достоверной информации по численности мигрантов, большинство которых могут постоянно продлевать срок пребывания в России и фактически становятся не временными, а «циркулярными» [3, с. 239] ведет к накоплению в этой сфере острых этносоциальных противоречий, действительно грозящих дестабилизацией общественно-политической ситуации. Ключевой проблемой в связи с этим является адекватная оценка миграционной ситуации. В последние годы СМИ постоянно тиражируют тезис о сокращении числа мигрантов и необходимости либерализации миграционного режима. В подтверждение этого тезиса приводятся данные по постоянной миграции, подразумевающей смену места жительства⁶.

Тем временем реальная ситуация развивалась в прямо противоположном направлении, и за 2016–2019 гг. число регистраций мигрантов из стран СНГ выросло на 25,1%, а из Средней Азии – на 42,3%. Параллельно с увеличением масштабов иммиграции нарастало и негативное отношение к мигрантам, которое в середине 2010-х гг., после присоединения Крыма и вызванного им патриотического подъема, стало гораздо более позитивным. Если в июле 2017 г., по данным опроса «Левада-центра», 58% жителей России настаивали на необходимости ограничения трудовой миграции, то в июле 2018 г. их насчитывалось уже 67%, а в августе 2019 г. – 72%. Доля тех, кому проблема миграции безразлична, за это время сократилась с 30 до 15%⁷.

Недооцененной остается и роль мигрантов на российском рынке труда. По данным МВД, число легальных трудовых мигрантов, оформивших патенты (2,5 млн), составляет всего 2,5% от трудовых ресурсов России⁸. Но если взять за основу оценку общей численности мигрантов в 10–12 млн, то их доля увеличится до 10–12% трудовых ресурсов. Причем реальное положение дел является еще более серьезным. По данным «Росстата», численность рабочей силы в РФ на 2019 г. составляла около 75 млн чел.⁹, что позволяет определить долю мигрантов в 13–16% от ее объема. То есть трудовым мигрантом в России сегодня является каждый седьмой-восьмой работник, а их абсолютная

⁶ См. например: Фаляхов Р. Любовь прошла: мигранты охладели к России // Газета.ру. 23.04.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/04/15/12302665.shtml> (дата обращения: 27.04.2020); Комраков А. Мигранты отворачиваются от России // Независимая газета. 09.01/2019. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-01-09/4_7477_migracia.html (дата обращения: 27.04.2020).

⁷ Общественное мнение – 2019. М., 2020. С. 135. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/02/ОМ-2019.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

⁸ Бойко А., Якунин И. МВД посчитало, сколько легальных мигрантов зависло в России // Комсомольская правда. 03.04.2020. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/27113.7/4190319/> (дата обращения: 27.04.2020).

⁹ Численность рабочей силы по субъектам Российской Федерации (по данным выборочных обследований рабочей силы) // Росстат. 12.09.2019. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud1.htm (дата обращения: 27.04.2020).

численность уже сопоставима с населением таких европейских стран, как Бельгия, Греция, Чехия, Венгрия, Португалия или Швеция¹⁰.

Безвизовый миграционный режим, сделавший возможным возникновение феномена циркулярной миграции в СНГ, долгое время являлся действенным внешнеполитическим инструментом России в отношениях со странами бывшего СССР. Возможность оказывать влияние на размеры миграционных потоков из стран, которые критически зависят от поступления денежных переводов трудовых мигрантов (Таджикистан, Киргизия, в меньшей степени – Узбекистан, Молдавия, Украина, Армения, Азербайджан) позволяла удерживать их в сфере российского влияния. С началом «восточной экспансии» ЕС в 2010-е гг. такая политика на западном направлении начала давать первые сбои. После заключения соглашений о евроинтеграции Украина и Молдавия получили возможность перенаправить часть своих мигрантов в страны ЕС, что заметно сократило масштабы трудовой миграции их граждан в Россию и повысило тем самым удельный вес мигрантов из стран Средней Азии.

Между тем замеры общественного мнения показывают, что выходцы из среднеазиатских республик занимают ключевые позиции среди народов, социальная дистанция с которыми коренным населением РФ воспринимается как наиболее значительная. По доле населения, которое хотело бы ограничить их проживание в России, мигранты из Средней Азии (31%) находятся на одном уровне с выходцами с Кавказа (31%) и уступают только цыганам (40%), китайцам (39%) и вьетнамцам (34%), заметно опережая украинцев (18%), евреев (17%), а также все прочие народы вместе взятые (12%)¹¹. Негативное отношение к выходцам из Среднеазиатского региона фиксируют и данные качественных исследований. Любопытно, что между мигрантами из российских республик Северного Кавказа и Средней Азии респонденты почти не проводят различий, воспринимая их как представителей другой культуры [4].

В целом же нарастание иммиграции из Средней Азии в 2016–2019 гг. привело к заметному обострению миграционных проблем, напоминающих ситуацию в развитых странах. В Европе миграционный кризис 2015–2016 гг., пороженный наплывом мигрантов из Африки и Ближнего Востока и по масштабам имеющий очевидные параллели с циркулярной миграцией в СНГ, привел к глубокому внутривнутриполитическому кризису. Его проявлениями стали рост электоральной поддержки «популистских» партий, выход Британии из Евросоюза, усиление контроля и возведение защитных сооружений на внешних и внутренних границах восточноевропейских стран ЕС. В США проблемы нелегальной иммиграции способствовали избранию президентом Д. Трампа, сделавшего борьбу с ней одним из главных пунктов своей программы [5; 6].

¹⁰ Population on 1 January by age and sex // Eurostat. 24.02.2020. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_pjan&lang=en (accessed: 27.04.2020).

¹¹ Общественное мнение – 2019. М., 2020. С. 130. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/02/OM-2019.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

Под давлением общественного мнения либеральные правящие элиты ЕС вынуждены идти навстречу массам и делать заявления о необходимости ужесточения иммиграционной политики, которые чаще всего не приводят ни к каким ощутимым практическим последствиям. Более того, действия стран Восточной Европы по строительству защитных сооружений от наплыва мигрантов вызывают критику со стороны руководства Евросоюза, считающего такие мероприятия бесполезными и неспособными остановить их приток. В итоге популярность правых партий в Европе продолжает расти, а миграционный кризис – усугубляться [7, с. 50–53], что порождает вопросы о будущем не только самого ЕС, но и всей европейской цивилизации [8].

В России из-за «закрытости» ее партийно-политической системы нарастание антиэмигрантских настроений не отражается напрямую на итогах парламентских выборов, но в целом негативно влияет на восприятие проводимой властями миграционной политики. В условиях кризиса, вызванного пандемией, и обострения борьбы за рабочие места проблема трудовой иммиграции способна стать одной из точек общественно-политической напряженности¹². Сложность заключается в том, что властям предстоит найти непростой баланс между внешнеполитическими интересами на пространстве СНГ и внутренними социально-экономическим и политическими проблемами. Не исключено, что поиск компромисса между ними потребует пересмотра предстоящей миграционной реформы в сторону ее ужесточения.

Библиографический список

- [1] *Мукомель В.И.* Циркулярная миграция: Российская Федерация. Пояснительная записка // Cadmus – EUI Research Repository is a service of the EUI Library. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/62704/Explanatory%20Notes_2012-96.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Дата обращения: 15.04.2020.
- [2] *Цапенко И.П.* Трансформации глобальной миграции населения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 8. С. 65–76.
- [3] *Мукомель В.И.* Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты / Россия реформирующаяся. Вып. 11. М. : Новый хронограф, 2012. С. 236–263.
- [4] *Галяпина В.Н.* От соотечественника к «чужому»: образ этнического мигранта в восприятии москвичей (по результатам фокус-групповых дискуссий) // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2. С. 72–83.
- [5] *Вайнштейн Г.И.* Европейский популизм в конце 2010-х гг. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 3. С. 29–38.
- [6] *Малашенко А., Нисневич Ю., Рябов А.* Вертикальное вторжение варваров: новая волна на Западе // *Вестник общественного мнения*. 2019. № 3–4. С. 28–41.
- [7] *Медушевский Н.А., Шишкина А.Р.* Миграционные процессы современности: Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? М: Ленанд, 2018.
- [8] *Саррацин Т.* Германия. Самоликвидация. М.: Изд-во АСТ, 2016.

¹² В условиях кризиса граждане РФ начали претендовать на рабочие места, обычно занимаемые трудовыми мигрантами. См.: Трофимова Е. Россияне готовы вытеснить гастарбайтеров из магазинов // *Независимая газета*. 19.04.2020. URL: http://www.ng.ru/politics/2020-04-19/1_7847_migrants.html (дата обращения: 15.05.2020).

References

- [1] Mukomel V. I. *Circular Migration: the Russian Federation. Explanatory note*. Cadmus – EUI Research Repository is a service of the EUI Library. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/62704/Explanatory%20Notes_2012-96.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Accessed: 15.05.2020. (In Russ.).
- [2] Tsapenko I.P. Transformations of Global Population Migration. *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62 (8): 65–76. (In Russ.).
- [3] Mukomel V. I. Transformation of Labor Migration: Social Aspects. *Russia is Being Reformed*. Issue 11. Moscow: Novy chronograph, 2012: 236–263. (In Russ.).
- [4] Galyapina V.N. From a Compatriot to a “Stranger”: the Image of an Ethnic Migrant in the Perception of Muscovites (based on the results of focus group discussions). *Social Sciences and Modernity*. 2015. 2: 72–83. (In Russ.).
- [5] Vainshtein G. European Populism in the late 2010s. *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62 (3): 29–38. (In Russ.).
- [6] Malashenko A., Nisnevich Yu., Ryabov A. Vertical Invasion of Barbarians: a New Wave in the West. *Bulletin of Public Opinion*. 2019. 3–4: 28–41. (In Russ.).
- [7] Medushevsky N. A., Shishkina A. R. *Migration Processes of Modernity: Situational Phenomenon or Global Historical Challenge?* Moscow: Lenand; 2018. (In Russ.).
- [8] Sarrazin T. *Germany. Self-Destruction*. Moscow: AST Publishing house; 2016. (In Russ.).

Информация об авторе:

Шустов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (ORCID ID 0000-0001-8826-530X) (e-mail: a.v.shustov@yandex.ru).

Information about the author:

Alexander V. Shustov – PhD in History, Associate Professor of the Department of Sociology of P.G. Demidov Yaroslavl State University (ORCID ID 0000-0001-8826-530X) (e-mail: a.v.shustov@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-428-442

Научная статья / Research article

«Политико-исследовательские диалоги» в имплементации политики интеграции мигрантов: структура и модели в России

М.С. Единова

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
edinovams@gmail.com

Аннотация. В статье автор изучает структуру, модели политико-исследовательских диалогов и выявляет концептуальные акценты данных взаимодействий в контексте выработки политических решений в рамках процесса интеграции мигрантов в РФ. Органы государственной власти всех уровней прилагают значительные усилия, направленные на развитие исследований и накопление знаний, необходимых, в частности, для повышения эффективности политики интеграции мигрантов. Актуальность обращения к изучению политико-исследовательских диалогов обуславливается необходимостью использования экспертных разработок для различных целей органов государственной власти: дать концептуальную основу для принятия политических решений в области миграционной политики, разработать инструменты и индексы измерения политики интеграции мигрантов или контролировать и оценивать имплементируемую политику. Были проанализированы примеры институциональных форм политико-исследовательских диалогов в РФ в сфере политики интеграции мигрантов, изучены каналы коммуникации в рамках кейса Санкт-Петербургского международного форума труда (2018–2020 гг.), и с использованием метода сетевого подхода был разобран процесс производства знания в данном кейсе. Автором были рассмотрены основные концептуальные темы исследований в области миграционной политики на основе данных Единой информационной системы в сфере закупок (2016–2020 гг.), что позволило изучить функции знаний и направления их использования. Автор пришел к выводам, что в российском политическом пространстве только начинается формироваться запрос на модель взаимного обучения в рамках политико-исследовательских диалогов. Наиболее частыми моделями диалогов выступают бюрократические и консультационные, что обуславливает использование знаний с превалированием легитимирующей и обосновывающей функций.

Ключевые слова: политико-исследовательские диалоги, политика интеграции мигрантов, государственные закупки

История статьи: Поступила в редакцию 23.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Единова М.С. «Политико-исследовательские диалоги» в имплементации политики интеграции мигрантов: структура и модели в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 428–442. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-428-442

© Единова М.С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Research-policy Dialogues» in the Implementation of Migrants' Integration Policy: Structure and Models in Russia

Maria S. Edinova

Saint-Petersburg State University
7/9 Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
edinovams@gmail.com

Abstract. In this article, the author analyzes the structure and models of research-policy dialogues and identifies the conceptual emphasis of these interactions in the decision-making process in the scope of migrants' integration policy in the Russian Federation. State authorities at all levels are making significant efforts to develop research and knowledge accumulation. Research-policy dialogues are important for the effective and the efficient development of migrants' integration policy. The relevance of research-policy dialogues is determined by the need to use knowledge for various purposes by the state authorities: to provide a conceptual basis for political decisions in the field of migration policy, to develop tools and indexes for measuring integration policy, or to monitor and to evaluate the implemented policy. The author of the article analyzed the institutional forms of the research-policy dialogues in the field of migrant integration policy in the Russian Federation, studied communication channels in the framework of the St. Petersburg International Labor Forum (2018–2020), and analyzed the knowledge production process in this case using the network approach. The author considered the main research topics in the field of migration policy based on the data from the Unified Information System of Government Procurement (2016–2020), which allowed studying the functions of knowledge and the directions of its use. The author of the article concluded that the request for the mutual learning model of research-policy dialogues is just beginning to emerge in the Russian Federation. The most frequent models of dialogues are bureaucratic and consultancy, which require the use of knowledge in order to ensure legitimizing and substantiating functions.

Keywords: research-policy dialogues, migrants' integration policy, government procurement

Article history: Submitted on 23.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Maria S. Edinova. «Research-policy Dialogues» in the Implementation of Migrants' Integration Policy: Structure and Models in Russia. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 428–442. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-428-442

Введение

Учитывая растущие вызовы потенциальной фрагментации и сегрегации общества, сегодня не вызывает сомнений необходимость поиска новых концептуальных моделей использования «знания» в процессе формирования политики интеграции мигрантов и выработки эффективного инструментария ее реализации. Под влиянием кризисных явлений, таких как экономический кризис, миграционный кризис и т.д., появляются новые подходы к управлению, акцентирующие внимание на активном взаимодействии и коммуникации различных акторов, таких как органы государственной власти, научные институты, зонтичные структуры, НКО, представители экспертного сообщества и т.д., артикулирующие актуальную повестку политики интеграции мигрантов.

Исследователи обращаются к изучению и анализу связи политики и науки в области миграции для выявления особенностей процессов производства и использования знания. Так, голландский политолог П. Шолтен рассматривает структуру научно-политических отношений, в рамках которой особую роль играют каналы взаимодействия, или пограничные организации (*boundary organizations*), координирующие отношения между наукой и политикой таким образом, чтобы развести специфические роли, функции и правила данных областей [1, с. 65]. С. Вербеек и П. Шолтен концептуализируют термин «политико-исследовательских диалогов» (*research-policy dialogues*) как специфических форм связи между политикой и наукой, структурирующих неотъемлемую взаимосвязь между использованием и производством знаний [2, с. 189]. Ученые анализируют специфику политико-исследовательских диалогов в рамках миграционной политики, так как, по их мнению, «именно в данной области изменение отношений между исследованиями и политикой, играет ключевую роль в социальном конструировании политической проблемы» [2, с. 188]. П. Шолтен, Х. Энтзингер и Р. Пеннинкс определяют понятие «политико-исследовательских диалогов» в широком смысле как все формы взаимодействия между экспертами и политиками по проблемам интеграции мигрантов [3, с. 3]. В данном случае термин «диалоги» используется для обозначения взаимного характера политико-исследовательских отношений: рассматривается процесс использования исследований в разработке политики и анализируется влияние политико-исследовательских диалогов на общий контекст и цикл выработки политических решений. Кроме того, термин «диалоги» призван охватить самые разнообразные формы, которые могут принимать политико-исследовательские отношения.

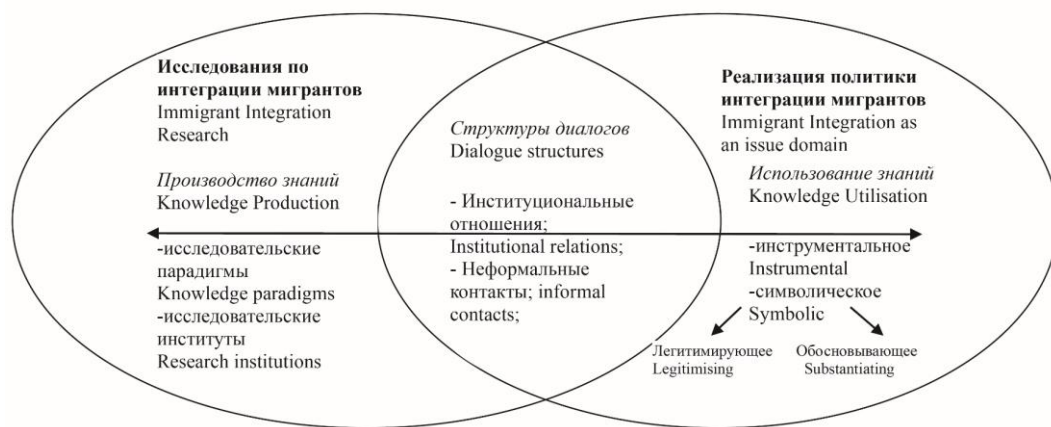

Рис. 1 / Fig. 1

Три основных аспекта политико-исследовательских диалогов и их взаимосвязь /
Three main aspects of research-policy dialogues and their correlation

Источник / Source: Scholten P., Entzinger H., Penninx R., Verbeek S., editors. Integrating Immigrants in Europe Research-Policy Dialogues. IMISCOE Research Series, Springer; 2015.

Выделяются три аспекта политико-исследовательских диалогов (рис. 1). Во-первых, изучаются и анализируются конкретные формы политико-исследовательских диалогов (структуры диалога). Это формальные или неформальные механизмы, посредством которых осуществляется обмен знаниями и передается произведенное актуальное знание. Во-вторых, рассматриваются культура, практика и механизмы использования знаний в политических процессах (использование знаний). В-третьих, анализируется культура производства знаний в области миграционных процессов (производство знаний).

Таким образом, в данной статье политико-исследовательские диалоги определяются как все возможные формы взаимоотношений между органами государственной власти и академическим и экспертным сообществами, которые возникают посредством определенных каналов коммуникации (структуры диалогов) с целью производства знания и последующего его использования.

Теоретические подходы к структуре и моделям политико-исследовательских диалогов в контексте имплементации миграционной политики

Изучение каналов коммуникации органов государственной власти и экспертного сообщества в контексте принятия политических решений относительно миграционной политики и политики интеграции мигрантов получает широкий отклик среди зарубежных и отечественных исследователей. Так, можно выделить три концептуальных звена в изучении политико-исследовательских диалогов: анализ каналов коммуникации (институционализированных и неформальных) и механизмов производства знания, выявление функций использования полученных знаний, рассмотрение феномена политизации исследований в миграционной сфере.

Различные структуры политико-исследовательских диалогов были изучены в работах Е. Флоренса и М. Мартиниелло [4, р. 3–10], А. Геддеса [5; 6], Р. Пеннинкса [7, р. 33–48], П. Шолтена [1] и Д. Тренхардта и М. Боммеса [8]. Ученые выделяли такие каналы коммуникации, как научно-исследовательские институты, консультативные органы, комитеты экспертов и неформальные сети. Ученые часто обращаются к изучению роли НКО в контексте диалоговых структур и выработки знания в сфере миграционной политики. Так, в 2019 г. под редакцией Э. Геддеса вышло исследование, посвященное региональному уровню управления миграционной политикой и горизонтальному взаимодействию и координации регионов в области политики интеграции мигрантов. Ученые утверждают, что сетевое взаимодействие различных акторов по выработке политических решений направлено на объединение ресурсов, «способствуя обмену знаниями, с помощью которых возможно генерировать новые решения существующих проблем» [9, р. 29]. Отечественные ученые обращаются к анализу кейсов имплементации диалоговых структур между органами государственной власти, научным сообществом и гражданским обществом в сфере политики интеграции мигрантов с акцентом на изучении роли структур гражданского общества: «...в сфере адаптации и интеграции мигрантов в российский социум

коммуникационные структуры общественности были бы наиболее полезны в работе на уровне локальных сообществ» [10, с. 416].

Британский политолог Кристина Босвелл в своих работах изучает функции знаний в процессе принятия политических решений в сфере миграционной политики, дает определение политико-исследовательским диалогам, выделяет основные компоненты данных диалогов именно в ракурсе миграционной политики [11]. В своем исследовании по использованию экспертных знаний при разработке миграционной политики в Великобритании, Германии и ЕС К. Босвелл [11] ссылается на различные контекстуальные факторы, которые могут помочь объяснить, почему, где и когда возникает конкретный тип использования знаний. К. Босвелл выделяет два главных способа: инструментальный и символический.

Инструментальный способ относится к использованию знаний непосредственно для корректировки результатов политики, т.е. разработки политики на основе фактических данных. Данная модель регулярно обнаруживается на разных этапах политического цикла: либо на этапе концептуализации и разработки новой политики, либо при разработке конкретных инструментов для существующих политических направлений и программ, а также мониторинге и оценке политических действий.

Символическое использование знаний относится к косвенным способам, например, для обоснования уже принятых политических решений. Символическая функция знания делится на два основных типа: легитимирующий и обосновывающий. Знания выполняют легитимирующую функцию, повышая репутацию государственных институтов перед гражданским обществом, и обосновывающую – когда используются организациями для придания авторитета своим политическим позициям.

Соответственно, можно выделить три возможные функции знаний в процессе принятия политических решений в сфере политики интеграции мигрантов:

– первая – инструментальная функция. Она относится к использованию результатов исследований для корректировки имплементируемой политики. Также известна как «функция решения проблем» и направлена на использование знаний для улучшения содержания политики, с целью наиболее эффективной реализации поставленных задач с минимальными издержками;

– вторая возможная функция использования знаний – легитимирующая. Органы государственной власти стремятся поддержать легитимность осуществляемых политических шагов и укрепить свои ресурсные возможности;

– третья функция знания – обосновывающая или фундирующая. Знание эксперта способно усиливать определенные политические позиции, помогая обосновать политические шаги. Как и в случае с легитимирующей функцией знаний, фундирующая функция знаний, по сути, является символической: знания становятся базой законности проводимой политики, а не корректируют результаты реализуемых программ.

К. Босвелл и М. Славен идентифицируют три подхода к объяснению причин обращения политиков к символической модели использования знаний.

«Во-первых, такая модель использования знаний является попыткой мобилизовать общественную поддержку путем эмоционально убедительной аргументации – подход, который мы называем «манипулированием». Во-вторых, это обусловлено стремлением скрыть разрыв между более реакционной [более реакционные направления миграционной политики приобрели наибольшую популярность среди населения в ходе миграционных кризисов 2015 г.] и более либеральной политикой – подход, называемый «компенсация». В-третьих, символическая политика представляет собой стратегию, которая корректируется под доминирующее публичное политическое пространство – подход, называемый «адаптация» [12, р. 1478]. В работе под редакцией П. Шолтена, Х. Энтзингера, Р. Пеннинкса, С. Вербека «Интеграция иммигрантов в Европе: политико-исследовательские диалоги» были проанализированы типы политико-исследовательских диалогов и проведен сравнительный анализ по европейским странам [3]. Относительно функций использования знаний исследователи подчеркивали, что «легитимирующая функция заключается в поддержке авторитета политиков или государственных институтов, а фундирующая функция мобилизуется для поддержки конкретных политических аргументов имплементируемых инициатив» [3, р. 6]. В области миграционных исследований использование и мобилизация знаний очень сильно зависят от контекста и национальной модели интеграции [13]. Можно утверждать, что политико-исследовательские диалоги были созданы в соответствии с национальными моделями интеграции мигрантов и используются согласно целям и задачам проводимой миграционной политики.

М.Б. Хоргенсен в своем исследовании относительно роли экспертов в политике интеграции мигрантов в Дании утверждает, что решения, принимаемые в области миграционной политики, в меньшей мере зависят от исследовательских наработок и знаний. В ходе своего анализа ученый пришел к выводу, что «научное поле миграционной тематики является “слабым”, поскольку оно не сформировано какой-либо одной сильной дисциплиной и из-за этого открыто для влияния из других областей и имеет небольшую автономию» [14, р. 3].

Феномен политизации исследований в рамках миграционной политики также является дискуссионным и влияет на концепцию политико-исследовательских диалогов. Г. Шмидт в своем исследовании подчеркивает, что исследования в области миграционной политики не могут быть неполитическими. Исследователь уверен, что научные труды в сфере миграции нельзя отделить от политики, а ученые в данной сфере, так или иначе, вовлекаются в политические дебаты [15].

В 2019 г. под редакцией М. Рухса, К. Тамаса и Х. Палме вышло фундаментальное и обобщающее исследование по влиянию миграционных исследований и экспертиз на формирование политической повестки [16]. Исследователи утверждают, что, несмотря на то, что выработка политических решений в сфере интеграции мигрантов зависит от интересов и идей различных институтов и акторов, последние мировые события обосновывают необходимость работы независимых экспертов с оценками миграционной политики.

Можно выделить пять основных моделей политико-исследовательских диалогов:

а) академическая модель, в рамках которой мобилизуются независимые научные площадки;

б) просветительская модель, в контексте которой создаются инициативные научные и экспертные проекты для высвечивания определенных спорных вопросов миграционной политики;

в) бюрократическая модель, где правительством создаются научные и экспертные институты;

г) консультационная модель, где правительство или организации гражданского общества запрашивают рекомендации;

д) модель взаимного обучения, которая представляет собой каналы сотрудничества между органами государственной власти и научными институтами.

Подобная типология диалоговых структур частично соответствует категориям К. Босвелл [11] и частично реконструируется Ф. Хекманном [17].

Однако политико-исследовательские диалоги в области интеграции мигрантов, по мнению Р. Хоппе, характеризуются крайней «конвергенцией ролей» [18]. В данном случае «конвергенция ролей» означает, что функции научных институтов и органов государственной власти в процессе разработки программ и исследований по интеграции мигрантов не носят постоянный и неизменный характер. Разработчики политики интеграции мигрантов из органов государственной власти проводят свои собственные исследования, а исследователи интеграции мигрантов участвуют в «разработке политики» различными способами [19, p. 26–40].

Исследование

Анализ, представленный в данной статье, основан на «обоснованном подходе» (grounded approach). Согласно основателям обоснованной теории, этот подход используется для концептуализации категорий из собранных данных и демонстрации отношений между ними. Американский социолог К. Чармаз [20] определяла обоснованную теорию через ее гибкость, и это помогло ввести новые категории и разработать абстрактные теоретические рамки в ходе анализа полученных данных.

Автор данного исследования с 2018 г. принимает участие в организации секций и совещаний органов государственной власти по миграционной тематике в рамках ежегодного Санкт-Петербургского международного форума труда и взаимодействует с такими акторами, как: Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики Санкт-Петербурга, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Федеральное Агентство по делам национальностей, Департамент трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии, Союз «Международный альянс «Трудовая миграция», МПА СНГ, Общероссийская общественная организация «Федерация мигрантов России» и т. д. Подобное включенное наблюдение позволило составить институциональный дизайн миграционной

политики и политики интеграции мигрантов в РФ, проанализировать формальные и неформальные модели коммуникации между различными акторами в рамках работы Форума.

Сетевой подход позволил визуализировать данные каналы в рамках работы Санкт-Петербургского международного форума труда (2018–2020 гг.). Для анализа использовались материалы Форума, доступ к программе EventRocks, позволяющей участникам мероприятия организовывать неформальные встречи за рамками секций, круглых столов и совещаний. Участники секций по миграционной тематике (общее число участников – 86, общее число мероприятий миграционного блока в рамках Форумов за три года – 12) были выделены в шесть категорий: представители органов государственной власти (Г1-Г25), представители международных организаций (М1-М12), представители иных коммерческих и некоммерческих организаций (О1-О21), представители экспертного сообщества (независимые институты, исследовательские центры) (Э1-Э3), представители академического сообщества (университеты, академии) (А1-А22), представители национально-культурных автономий (Н1-Н5). Участники форума были распределены по данным категориям и закодированы соответственно. Учитывая тот факт, что организаторами секций по миграционной тематике являются и представители органов государственной власти, и представители научного сообщества, основной задачей было проанализировать научные и правительственные мероприятия с точки зрения вовлеченности участников в диалог. Инструменты программного обеспечения UCINET6 были использованы для построения сетевой карты каналов связи акторов, взаимодействующих по вопросам миграционной политики.

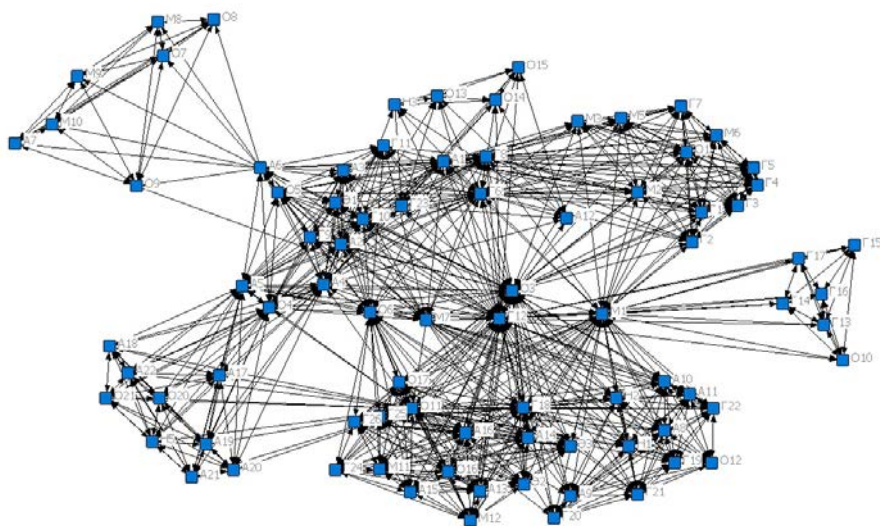

Рис. 2 / Fig. 2

Сетевая карта каналов коммуникации участников Форумов труда 2018–2020 гг. /
Network map of communication channels of participants in the Labour Forums 2018–2020

Источник: составлено автором на основе данных Санкт-Петербургского международного
форума труда / Source: Made by author based on data from St. Petersburg International Labor Forum

На рис. 2 представлена сетевая карта каналов коммуникации участников Форумов труда (2018–2020 гг.), где точки представляют закодированных участников соответствующей категории, а линиями обозначены связи, определяющиеся количеством встреч акторов в рамках мероприятий (секций, совещаний, дискуссий, на основе данных EventRocks). Участники с наиболее частыми связями визуализированы в сетевые «сгустки». В центре сетевой карты находятся участники с наибольшим количеством связей, на периферии представлены участники с наименьшим числом совместных встреч.

Для понимания того, какие темы исследований и категории услуг в области миграционной политики становятся приоритетными для органов государственной власти и анализа влияния экспертного сообщества, необходимо обратиться к Единой информационной системе закупок¹. По ключевым словам «международные отношения», «исследования», «интеграция мигрантов» было выделено 135 закупок (по 44 и 223 ФЗ) за 2016, 2017, 2018, 2019 гг. и 3 месяца (январь, февраль, март) 2020 г. Было выделено шесть наиболее общих тематических категорий (рис. 3):

- исследования по анализу эффективности реализации государственной миграционной политики, где акцент запроса заложен в оценке эффективности реализуемых программ органами государственной власти в регионах и на федеральном уровне;
- исследования по анализу тенденций и динамики международных отношений в регионах, где акцент исследований состоит в изучении региональных особенностей международных отношений и изменений тенденций;
- исследования по развитию местного самоуправления, где акцент исследований заключен в анализе системы местного самоуправления и влияния местного уровня власти на миграционную политику региона;
- проведение исследований и оказание услуг в области интеграции мигрантов, где акцент заложен на реализации услуг и исследований по содействию интеграционным практикам;
- исследования общественного мнения, где акцент аналитических отчетов заключается в анализе восприятия мигрантов принимающим сообществом;
- исследования, направленные на патриотическое воспитание, где ключевыми являются запросы на рассмотрение молодежной целевой аудитории и мер, способствующих гармонизации международных отношений и патриотических чувств именно среди молодежи.

¹ Портал Единой информационной системы закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 17.03.2020).

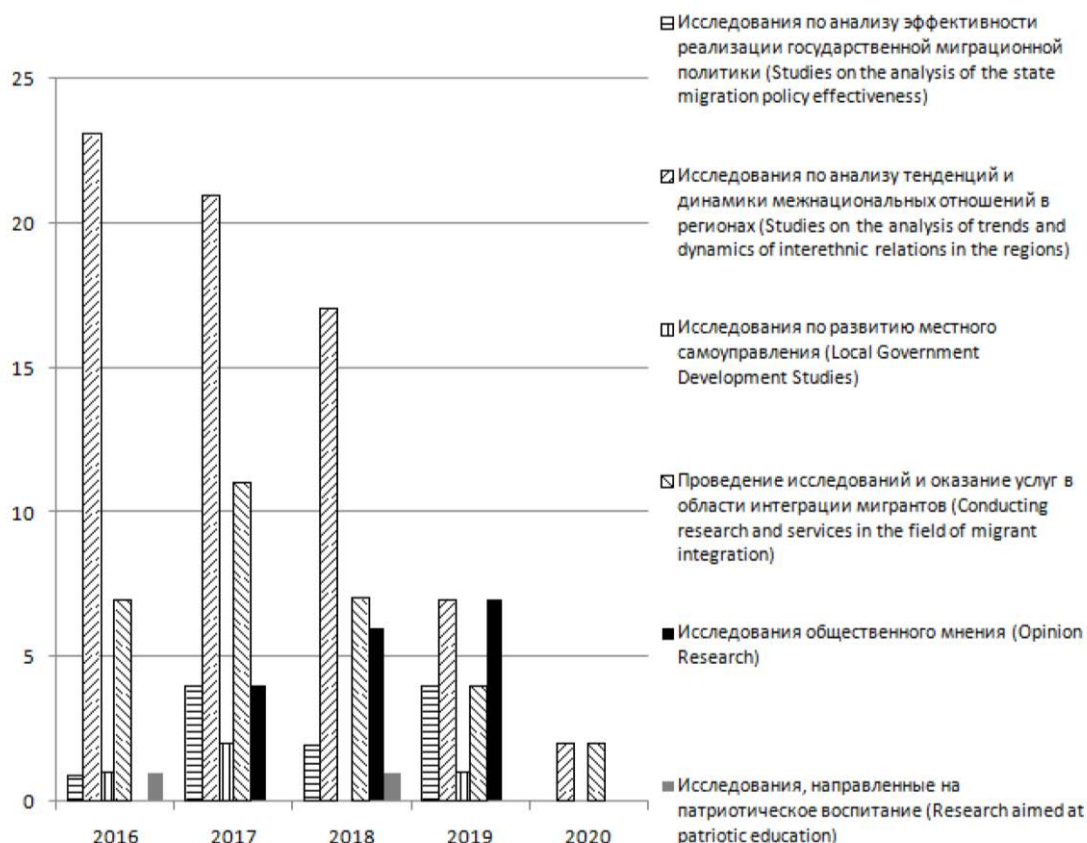

Рис. 3 / Fig. 3

Распределение тематик исследований (заказ органов государственной власти РФ) /
Distribution of research topics (Government Procurement in the Russian Federation)

Источник: составлено автором на основе данных портала Единой информационной системы закупок /
Source: Made by author based on data from the portal of the Unified procurement information system

Обсуждение результатов.

Структура политико-исследовательских диалогов в рамках проблемы интеграции мигрантов в РФ

В России институт политико-исследовательских диалогов в рамках миграционных исследований появляется значительно позже, чем в европейских кейсах.

Бюрократическая модель политико-исследовательских диалогов представлена Федеральным агентством по делам национальностей, федеральным органом исполнительной власти, в рамках которого созданы исследовательские отделы и коллегиальные органы, включающие представителей НКО, научных институтов и бизнеса. В структуре данного государственного института действуют отдел мониторинга и анализа межнациональных и межконфессиональных отношений и отдел по методическому обеспечению

социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан, функционирующие в рамках Управления мониторинга, анализа и прогноза.

Следующий пример политико-исследовательских институтов – это Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, являющийся совещательным и консультативным органом при главе государства. Данный институт был образован 5 июня 2012 г. в рамках указа «Об обеспечении межнационального согласия». Совет готовит предложения «по определению и развитию приоритетных направлений государственной национальной политики, обеспечивает взаимодействие различных органов государственной власти и общественных объединений в сфере ее реализации; проводит экспертизу законодательных норм, затрагивающих вопросы национальной и миграционной политики»². В составе Совета действует 7 комиссий, в рамках которых в разной степени представлены члены научного сообщества (ведущие университеты, РАН), НКО, зонтичные организации (Ассамблея народов России), журналисты, ВЦИОМ, юристы и другие эксперты. Тем самым данные комиссии являются примером консультативной модели политико-исследовательских диалогов в области миграционной политики.

К консультативной модели относятся диалоги, выстроенные с зонтичными организациями в сфере политики интеграции мигрантов (Дома национальностей, Дома дружбы и т.д.). В.А. Волох, анализируя кейс Москвы в рамках имплементации политики интеграции мигрантов, выделяет культурно-просветительскую площадку Московский дом национальностей как значимую диалоговую структуру. «За 20 лет своего существования он стал консолидирующей площадкой для национальной общественности, серьезным научно-методическим и культурно-просветительским центром, связующим звеном между органами государственной власти, национальными общественными организациями столицы и научно-экспертным сообществом» [21, с. 64]. Отечественные исследователи подчеркивают необходимость создания институтов на местном уровне для выстраивания и имплементации политики интеграции мигрантов [22]. Такие региональные акторы могут выстраивать диалоговые структуры с научным сообществом в региональном контексте.

Проблема выстраивания эффективных политико-исследовательских диалоговых структур в рамках политики интеграции мигрантов также коренится в общей публичной политической риторике, артикулируемой СМИ [23]. Акцент на оценке трудовых мигрантов как «чужаков» нивелирует роль экспертного сообщества, выделяющего другие акценты в оценке массовой трудовой миграции.

Помимо публичной риторики в качестве препятствия на пути выработки политики интеграции мигрантов с использованием знаний представляется отсутствие специалистов в данной области, что подчеркивается

² Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ. URL: <https://sovetsnational.ru> (дата обращения: 27.09.2019).

отечественными исследователями [21, с. 64]. Исследователи и представители комиссий Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям в рамках дискуссии на Форуме труда подчеркивали, что эффективность работы по нормативно-правовому сопровождению как на аналитическом, так и на практическом этапе зависит от уровня квалификации специалистов. Приказом Минтруда России от 29.10.2018 года № 672н утвержден профессиональный стандарт «Специалист по трудовой миграции». Разработчиком профессионального стандарта выступил Союз экспертов и консультантов в сфере трудовой миграции «Международный Альянс «Трудовая Миграция»³. Подобные дискуссии относительно разработки квалификационных требований для специалистов в сфере миграции отражают спрос на модель взаимного обучения в рамках политико-исследовательских диалогов.

Анализ участников миграционного блока Санкт-Петербургского международного форума труда позволил проследить взаимодействие акторов из различных категорий в рамках работы на коммуникационной площадке Форума труда на протяжении трех лет. Сетевой анализ каналов коммуникации позволил визуализировать и изучить данный кейс производства и обмена знанием. Общее число связей в сети участников составляет 1528 (см. рис. 2). Сеть отображает 7 сгустков, в 6 из которых представлены участники от академического и экспертного сообществ. В то же время периферийные сгустки (3) обозначают изолированные мероприятия (с превалированием участников из одной категории), происходящие в рамках Форума в 2018 г., центральные сгустки с большей концентрацией связей (4) обозначают мероприятия 2019–2020 гг. Подобная конфигурация символизирует тенденции к усложнению каналов коммуникации, которые становятся менее изолированными и представляют участников из различных категорий, и снижению потребности в закрытых мероприятиях. Вовлеченность участников всех категорий к взаимодействию и коммуникации, стимулирование данного многостороннего сотрудничества как со стороны организаторов от академического сообщества, так и со стороны организаторов от органов государственной власти отображает направленность к выстраиванию устойчивых моделей диалогов. В рамках анализа данного кейса можно наблюдать тенденцию к модели взаимного обучения политико-исследовательских диалогов.

Выделение и анализ тем исследований, заказанных органами государственной власти, позволили изучить функции знаний и направления их использования в соответствии с принимаемыми решениями в области миграционной политики с акцентом на политику интеграции мигрантов. Анализ выделенных тематических категорий показывает, что тематики исследований в основном включают культурную и социальную интеграцию и аналитические работы по оценке эффективности деятельности органов государственной власти. В 2016, 2017 и в 2018 гг. (см. рис. 3) наибольший интерес был к тематической

³ Международный Альянс «Трудовая Миграция» Союз экспертов и консультантов в сфере трудовой миграции. URL: <http://ialm.ru/projects/profstandart/ps/migraciya/> (дата обращения: 20.03.2020).

категории «исследования по анализу тенденций и динамики межнациональных отношений в регионах», что обусловлено запуском системы межнационального мониторинга Федерального Агентства по делам национальностей. В 2019 г. равное количество исследований было запрошено по тематикам «исследования по анализу тенденций и динамики межнациональных отношений в регионах» и «исследования общественного мнения», что обусловлено необходимостью проведения опросов по промежуточным результатам реализуемых программ в регионах. Проанализированные данные отражают то, что большее число запросов органов государственной власти поступает на обосновывающие и легитимирующие исследования, для реализации существующих подпрограмм в рамках государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики».

Заключение

Таким образом, в российском политическом пространстве начинает формироваться запрос на модель взаимного обучения в рамках политико-исследовательских диалогов, что доказывается необходимостью наличия квалифицированных специалистов в области интеграции мигрантов и отображается в изученном кейсе коммуникационной площадки по теме миграционной политики. Наиболее часто реализуемыми структурами политико-исследовательских диалогов выступают бюрократические и консультационные модели, что обуславливает использование экспертных знаний с превалированием легитимирующей и обосновывающей функций. Политико-исследовательские диалоги, как институционализированные и неформальные механизмы взаимодействия между экспертами и политиками в области интеграции мигрантов, носят в большинстве случаев символический характер и в значительной степени зависят от избранной стратегии миграционной политики страны.

Библиографический список

- [1] *Scholten P.* Framing immigrant integration: Dutch research-policy dialogues in comparative perspective. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011.
- [2] *Scholten P., Verbeek S.* Politicization and Expertise: Changing Research-Policy Dialogues on Migrant Integration in Europe // *Science and Public Policy*. 2014. Vol. 42. N. 2. P. 188–200.
- [3] *Scholten P., Entzinger H., Penninx R., Verbeek S.*, editors. Integrating Immigrants in Europe Research-Policy Dialogues. IMISCOE Research Series, Springer, 2015.
- [4] *Florence E., Martiniello, M.* The links between academic research and public policies in the field of migration and ethnic relations: Selected national case studies – Thematic introduction // *IJMS: International Journal on Multicultural Societies*. 2005. Vol. 7. N. 1. P. 3–10.
- [5] *Geddes A., Scholten P.* The politics of migration and immigration in Europe. 2nd edition London: SAGE, 2016.
- [6] *Geddes A.* Migration research and European integration: The construction and institutionalisation of problems of Europe // *Bommes M., Morawska E.*, editors. *International migration research: Constructions, omissions and promises of interdisciplinarity*. Aldershot: Ashgate, 2005.
- [7] *Penninx R., Kraal K., Martiniello M., Vertovec S.*, editors. Citizenship in European cities. Immigrants, local politics and integration policies. Aldershot: Ashgate, 2004.
- [8] *Thränhardt D., Bommes M.*, editors. National paradigms of migration research. Göttingen: V&R Unipress, 2010.

- [9] *Geddes A., Brumat L., Espinoza V.M., Hadj Abdou L.* The Dynamics of Regional Migration Governance. Edward Elgar Publishing, 2019.
- [10] *Волох В.А., Дмугривева Т.Н.* Институциональные формы диалога власти и гражданского общества в контексте политики интеграции мигрантов (на примере Москвы) // *Theories and Problems of Political Studies*. 2017. Vol. 6. No. 2A.
- [11] *Boswell C.* The political uses of expert knowledge. Immigration policy and social research. New York: Cambridge University Press, 2009.
- [12] *Slaven M., Boswell C.* Why symbolise control? Irregular migration to the UK and symbolic policy-making in the 1960s // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45. No. 9. P. 1477–1495.
- [13] *Entzinger H., Scholten P.* The interplay of knowledge production and policymaking: A comparative analysis of research and policymaking on migrant integration in Germany and the Netherlands // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2014. Vol. 17. No. 1. P. 60–74.
- [14] *Jørgensen M.B.* What makes an expert? Doing migration research in Denmark // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2020. P. 1–18.
- [15] *Schmidt G.* Boundary work: investigating the expert role of Danish migration researchers // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2020.
- [16] *Ruhs M., Tamas K., Palme J.* Bridging the Gaps: Linking Research to Public Debates and Policy-Making on Migration and Integration. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- [17] *Heckmann F., Wiest D.* Research-Policy Dialogues in Germany // Scholten P., Entzinger H., Penninx R., Verbeek S., editors. *Integrating Immigrants in Europe Research-Policy Dialogues*. 2015
- [18] *Hoppe R.* Rethinking the science-policy nexus: From knowledge utilisation and science technology studies to types of boundary arrangements // *Poiesis & Praxis: International Journal of Technology Assessment and Ethics of Science*. 2005. Vol. 3. No. 3. P. 199–215.
- [19] *Caponio T., Hunter A., Verbeek S.R.* (De)constructing expertise: Comparing knowledge utilisation in the migrant integration crisis // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2015. Vol. 17. No. 1. P. 26–40.
- [20] *Denzin N.K., Lincoln Y.S.* The handbook of qualitative research. 2nd edition. 2000.
- [21] *Волох В.А.* Современная наука о проблемах адаптации и интеграции мигрантов // *Социально-трудовые исследования*. 2019. № 4 (37). С. 57–65.
- [22] *Дмугривева Т.Н.* К вопросу о создании комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации // *Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации*. Сер. Демография. Социология. Экономика; под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М., 2019. С. 408–410.
- [23] *Ачкасов В.А.* Мигранты в Москве и Санкт-Петербурге: возможности интеграции и риски дискриминации // *Миграция в России и в современном мире: проблемы, перспективы, практические решения* / отв. ред. М.А. Омаров. М., 2019.

References

- [1] Scholten P. *Framing immigrant integration: Dutch research-policy dialogues in comparative perspective*. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2011.
- [2] Scholten P., Verbeek S. Politicization and Expertise: Changing Research-Policy Dialogues on Migrant Integration in Europe. *Science and Public Policy*. 2014. 42 (2): 188–200.
- [3] Scholten P., Entzinger H., Penninx R., Verbeek S., editors. *Integrating Immigrants in Europe Research-Policy Dialogues*. IMISCOE Research Series, Springer; 2015.
- [4] Florence E., Martiniello M. The links between academic research and public policies in the field of migration and ethnic relations: Selected national case studies – Thematic introduction. *IJMS: International Journal on Multicultural Societies*. 2005. 7 (1): 3–10.
- [5] Geddes A., Scholten P. *The politics of migration and immigration in Europe*. 2nd edition. London: SAGE; 2016.

- [6] Geddes A. *Migration research and European integration: The construction and institutionalisation of problems of Europe*. In: Bommes M., Morawska E., editors. *International migration research: Constructions, omissions and promises of interdisciplinarity*. Aldershot: Ashgate; 2005.
- [7] Penninx R., Kraal K., Martiniello M., Vertovec S., editors. *Citizenship in European cities. Immigrants, local politics and integration policies*. Aldershot: Ashgate; 2004.
- [8] Thränhardt D., Bommes M., editors. *National paradigms of migration research*. Göttingen: V&R Unipress; 2010.
- [9] Geddes A., Brumat L., Espinoza V.M., Hadj Abdou L. *The Dynamics of Regional Migration Governance*. Edward Elgar Publishing; 2019.
- [10] Volokh V.A., Dmitrieva T.N. Institutional forms of dialogue between the authorities and civil society in the context of migrants integration policy (on the example of Moscow). *Theories and Problems of Political Studies*. 2017. 6 (2A). (In Russ.).
- [11] Boswell C. *The political uses of expert knowledge. Immigration policy and social research*. New York: Cambridge University Press; 2009.
- [12] Slaven M., Boswell C. Why symbolise control? Irregular migration to the UK and symbolic policy-making in the 1960s. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. 45 (9): 1477–1495.
- [13] Entzinger H., Scholten P. The interplay of knowledge production and policymaking: A comparative analysis of research and policymaking on migrant integration in Germany and the Netherlands. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2014. 17 (1): 60–74.
- [14] Jørgensen M.B. What makes an expert? Doing migration research in Denmark. *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2020: 1–18.
- [15] Schmidt G. Boundary work: investigating the expert role of Danish migration researchers. *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2020.
- [16] Ruhs M., Tamas K., Palme J. *Bridging the Gaps: Linking Research to Public Debates and Policy-Making on Migration and Integration*. Oxford: Oxford University Press; 2019.
- [17] Heckmann F., Wiest D. Research-Policy Dialogues in Germany. In: Scholten P., Entzinger H., Penninx R., Verbeek S., editors. *Integrating Immigrants in Europe Research-Policy Dialogues*. 2015.
- [18] Hoppe R. Rethinking the science-policy nexus: From knowledge utilisation and science technology studies to types of boundary arrangements. *Poiesis & Praxis: International Journal of Technology Assessment and Ethics of Science*. 2005; 3 (3): 199–215.
- [19] Caponio T., Hunter A., Verbeek S.R. (De)constructing expertise: Comparing knowledge utilisation in the migrant integration crisis. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2015; 17 (1): 26–40.
- [20] Denzin N.K., Lincoln Y.S. *The handbook of qualitative research*. 2nd edition. 2000.
- [21] Volokh V.A. Modern science on the problems of adaptation and integration of migrants *Social & labor research*. 2019; 4 (37): 57–65. (In Russ.).
- [22] Dmitrieva T.N. *On the issue of creation of the complex multilevel system of adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation*. In: Riazantcev S.V., Rostovskaya T.K., editors. *The national demographic priorities: approaches and measures of realization*. Ser. Demography. Sociology. Economy. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [23] Achkasov V.A. *Migrants in Moscow and St. Petersburg: integration opportunities and risks of discrimination*. In: Omarov M.A. *Migration in Russia and in modern world: problems, perspectives, decisions*. 2019. (In Russ.).

Информация об авторе:

Единова Мария Сергеевна – аспирант кафедры этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID 0000-0001-6176-2058) (e-mail: edinovams@gmail.com).

Information about the author:

Maria S. Edinova – Post-Graduate Student of the Department of Ethnic Politics, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID 0000-0001-6176-2058) (e-mail: edinovams@gmail.com).

МИГРАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ

MIGRATION AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN EUROPE

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457

Научная статья / Research article

Миграция и новые аспекты правопопулистского дискурса в Европе

С.О. Бышок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1
АНО «Международная организация по наблюдению за выборами “СIS-ЕМО”»
Российская Федерация, 109129, Москва, 8-я улица Текстильщиков, д. 11
sbyshok@gmail.com

Аннотация. Ускоряющиеся миграционные процессы в странах Запада нашли свое отражение в изменении дискурса правопопулистских, националистических партий Европы. Риторика данных политических сил помимо антииммигрантских мотивов стала демонстрировать новые элементы, связанные с темами «столкновения цивилизаций» (Хантингтон), а также и с цивилизационной солидарностью – идеями «цивилизационизма» (Брубейкер). В контексте глобальных трансформаций и изменения этнокультурного ландшафта континента акторы европейского национализма становятся менее склонны к традиционной для данной идеологии внутри-европейской вражде, но, напротив, имеют тенденцию риторически трансформировать, обычно расширяя, границы воображенного сообщества – «европейской крепости», которую необходимо защищать. Принципиальной дихотомией в новой идеологической конфигурации являются секулярное постхристианское общество («мы») и наделяемое чертами архаики и религиозного фундаментализма сообщество мигрантов из стран ислама («чужие»).

Ключевые слова: миграция, цивилизационизм, правый популизм, национализм, европейская политика, столкновение цивилизаций, ислам, секуляризм, крепость Европа, Брубейкер

История статьи: Поступила в редакцию 20.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: *Бышок С.О.* Миграция и новые аспекты правопопулистского дискурса в Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 443–457. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457

© Бышок С.О., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Migration and Recent Aspects of Right-Wing Populist Discourse in Europe

Stanislav O. Byshok

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Autonomous non-profit organization “International election monitoring organization CIS-EMO”

11 Tekstilshchikov 8th St, Moscow, 109129, Russian Federation

sbyshok@gmail.com

Abstract. Intensifying migration processes in the West are reflected in certain changes in the discourse of European right-wing populist and nationalist parties. Along with anti-mass migration sentiments, rhetoric of these political forces demonstrates new elements related to the topics of “the clash of civilizations” (Huntington), as well as civilizational solidarity – the ideas of “civilizationism” (Brubaker). In the context of global transformations and changes in the ethno-cultural landscape of the continent, European nationalists became less prone to tradition for their ideology thesis of intra-European animosity. On the other hand, it tend to rhetorically transform, and usually extend, the boundaries of imagined community of “the European fortress”, which needs to be defended. Principal dichotomy of today’s European right-wing populist rhetoric is represented by the secular post-Christian community (“us”) and seemingly archaic and fundamentalist migrant community from Muslim countries (“the others”).

Keywords: migration, civilizationism, right-wing populism, nationalism, European politics, clash of civilizations, Islam, secularism, stronghold Europe, Brubaker

Article history: Submitted on 20.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Stanislav O. Byshok. Migration and Recent Aspects of Right-Wing Populist Discourse in Europe. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 443–457. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457

Введение

В последние годы правый популизм становится одним из ведущих политических трендов Запада [1]. Партии и политики данного направления получают существенную поддержку на выборах различного уровня, входят в состав или возглавляют национальные правительства в разных странах: от Венгрии до Италии и от Чехии до США. В академической литературе рассматриваются различные факторы успеха как конкретных политических сил, так и феномена правого популизма в целом.

Исследователи указывают на совокупность кризисных явлений в экономике западных стран («великая рецессия») и в миграционной сфере. Последнее обстоятельство связано с притоком в Европу значительного количества новых жителей из Ближнего Востока и Африки, интеграция которых становится все более проблематичной [2]. На эту картину накладывается «усталость» граждан от старых, истеблишментарных партий, чья политика больше не приносит удовлетворительных результатов, а мотивы порой кажутся

избирателям злонамеренными. Наметилась и тенденция изменения электоральной лояльности избирателей, в частности переход «синих воротничков», корневого электората левых, лейбористских партий к правым, националистическим силам [3].

Популизм не является элементом исключительно идеологий правого спектра. Подразумевается, что он «может “примирять” между собой идеологии как традиционных правых, так и левых» [4. С. 39]. Согласно классическому определению К. Мюнде, популизм представляет собой идеологию, видящую общество «принципиально разделенным на две гомогенные и противостоящие друг другу группы, – настоящий (чистый) народ и коррумпированные элиты» [5, р. 543]. Согласно популистским представлениям, всякая «настоящая», т.е. собственно популистская, политическая сила должна быть выражением общей воли народа (*volonté générale*). Мюнде подчеркивает отсутствие у популизма «своего» конкретного содержания в сравнении с «полноценными» правыми и левыми идеологиями [5, с. 543].

Националистический популизм и массовая миграция

Националистический популизм, согласно П.-А. Тагиеффу, подразумевает наличие двух базовых дихотомий: не только «вертикальной» – между народом и элитой, но и «горизонтальной», проходящей внутри одной страны по линиям наличия или отсутствия у жителей миграционного бэкграунда, «чужой» религиозности или «неприемлемых» политических взглядов [6].

В контексте дискуссий о подъеме популизма обычно принято говорить о правом его направлении, хотя и левый имеет определенную силу. Подтверждением этому является весьма ощутимый (греческая «Сириза») или относительный (испанский «Подemos») успех левого популизма на южноевропейской периферии или на демократических праймериз в США в 2016 и 2020 гг. (Б. Сандерс).

В экономическом плане, особенно когда речь идет о Европе, правые и левые политические силы в послевоенные годы весьма сблизились друг с другом. И те и другие в равной степени поддерживают социальное государство, т.е. базовый, хотя и достаточно обширный, набор обязательств страны перед гражданами, прежде всего малообеспеченными. Разница в том, что левые выступают за социальные гарантии «для всех», включая мигрантов, правые же склонны к тому, что называют «вэлфер-шовинизмом» (*welfare chauvinism*), т.е. поддержке социальных гарантий для «своих» [7]. По мнению Р. Водак, если правый популизм «позиционирует себя так, будто он служит интересам выдуманного (воображенного. – Прим. С.Б.) гомогенного народа *внутри* национального государства», то левые популисты «занимают интернациональную позицию, их взгляд направлен вовне, они делают акцент на многообразии и даже космополитизме» [4, с. 106].

Г.И. Вайнштейн в качестве фактора усиления популистских тенденций обозначает изменение мотивации партийно-политического выбора широких

слоев населения европейских стран. Помимо традиционных соображений социально-экономического характера все более серьезную, порой определяющую роль начинают играть мотивы социокультурного характера. «Недовольство граждан западных... стран процессами разрушения их культурно-цивилизационной идентичности все более отчетливо проецируется в политическую сферу», а «растущая культурно-цивилизационная неоднородность западного мира порождает в нем усиление тенденций возрастания влияния на политическую жизнь культурно-цивилизационных антагонизмов» [8, с. 79]. Последние дополняют – и в некоторых случаях замещают – противоречия социально-классового свойства.

До недавнего времени декларировавшаяся «политкорректным» истеблишментом уверенность в безальтернативности и одновременно априорной и не подлежащей сомнению благости политики мультикультурализма, пусть и с трудом реализуемой на практике, позволяет правым популистам успешно позиционировать себя как «единственных выразителей массовых озабоченностей, порождаемых новыми для западного общества антагонизмами культурного характера» [8, с. 79]. Учитывая сближение правых и левых в экономических вопросах, правые популисты артикулируют «массовые жалобы» в понятиях культуры, а не экономики, обращаются к «культурным тревогам» европейцев [8, с. 79].

Общим «знаменателем» антиистеблишментарной и популистской мобилизации масс также может рассматриваться их негативное, фобическое или враждебное отношение к процессам глобализации, воспринимаемой в контексте социально-экономического, культурно-цивилизационного и политико-институционального беспокойства. Обеспокоенность европейцев связана с осознанием или предчувствием того, что новое поколение континента впервые с послевоенного времени будет иметь более низкие жизненные стандарты, чем предыдущее. Ссылки «оптимистов глобализации» на то, что, согласно статистике, качество жизни людей в мировом масштабе продолжает расти, никак не успокаивают европейцев. Как отмечает И. Крастев, «современный популизм представляет не тех, кто теряет сегодня (the losers of today), но тех, кто, вполне вероятно, окажется среди проигравших уже завтра» [9, р. 81].

Другим фокусом общественного беспокойства являются демографические тренды в странах Запада: падение рождаемости собственно европейцев с одновременным массовым притоком инокультурных мигрантов, имеющих иные репродуктивные стереотипы. Таким образом, образ будущего выглядит угрожающим: не только новые поколения европейцев будут жить беднее своих родителей, но еще и их этнокультурное окружение будет все меньше напоминать традиционную Европу.

Р. Водак считает, что «ответы популистских правых партий [на вызовы современности] обращены в прошлое, к ностальгическим воспоминаниям, при этом они «цепляются» за шовинистические и традиционные ценности, пытаясь повернуть вспять колесо истории» [4, с. 340–341]. Действительно,

правый популизм во многом определяется апелляциями к некоему – реальному или сконструированному – периоду в национальной истории, который интерпретируется как момент расцвета собственной страны, точка национального единства и культурно-этнической гомогенности. Для националистов из западноевропейских стран этот исторический момент отождествляется с «золотым тридцатилетием» послевоенного бума, а для правых популистов из Центральной и Восточной Европы «золотым веком» может считаться межвоенный период или более удаленные и, следовательно, более мифологизированные времена.

Цивилизационизм как элемент правопопулистской риторики

Для обозначения нового языка националистического, правопопулистского тренда Р. Брубейкер вводит понятие «цивилизационизм» [10]. В цивилизационистском контексте традиционная для национализма и правого популизма оппозиция между «нами» и «ими» обозначается не только и не столько в узких национальных рамках, что было характерно для национализмов прошлого столетия, но в терминах цивилизации [11].

Согласно С. Хантингтону, в конце XX в. предложившему концепцию «столкновения цивилизаций», цивилизация – это культурная общность [12]. Автор, в свою очередь, опирается на учение А. Тойнби о 21 большой цивилизации [13]. О цивилизациях в начале XX в. писал О. Шпенглер [14], а до него, в середине XIX в., русский философ Н.Я. Данилевский описывал культурно-исторические типы [15]. Общим для цивилизационистского подхода XIX–XX вв. является представление о множественности цивилизаций и принципиальной гетерохронности их развития. Постулируется, что каждая из этих общностей должна пройти свой особый путь. Ситуации, когда на этом пути возникают препятствия в виде, как правило, других цивилизаций, интерпретируются как опасности, которых целесообразно избегать.

Отметим, что Ф. Фукуяма, обретший известность на рубеже 1980-х и 1990-х гг. благодаря выдвинутой им концепции «конца истории» [16], в последние годы значительно скорректировал свои взгляды, что в какой-то степени примирило его с Хантингтоном, его учителем и оппонентом. Сегодня Фукуяма пишет о принципиальном значении идентичности, включая идентичность культурную, как в международных отношениях, так и внутри отдельных становящихся все менее гомогенными западных и, шире, развитых государств [17].

Д. Пайпс относит к «цивилизационистским» практически все европейские партии, которые традиционно называют крайне правыми, националистическими и евроскептическими: Австрийскую партию свободы, бельгийский «Фламандский интерес», чешские «Акцию недовольных граждан» и «Свободу и прямую демократию», Датскую народную партию, Партию финнов, французское «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»), «Альтернативу для Германии», венгерские «Фидес» и «Йоббик»,

итальянскую «Лигу», латвийский «Национальный альянс», нидерландские Партию свободы и «Демократический форум», норвежскую Партию прогресса, польское «Право и справедливость», «Шведских демократов» и Швейцарскую народную партию [18].

Сдвиг националистического дискурса на «цивилизационистские» позиции, согласно Р. Брубейкеру, случился в последние 15–20 лет и был связан с вопросом совместимости ислама с европейским образом жизни. Правые популисты стали концептуализировать ислам не только как демографическую проблему, связанную с миграцией носителей этой религии в страны Запада, но и как цивилизационную угрозу. «Цивилизационистская» политика в Европе, по Брубейкеру, началась с нидерландского политика П. Фортейна, открытого гея и бывшего марксиста, ставшего либертарным публичным интеллектуалом, открыто поднявшим вопрос об «опасности» ислама для Запада [10, р. 4–7]. Фортейн называл себя «Сэмюэлем Хантингтоном нидерландской политики», а в своих книгах, начиная с середины 1990-х гг., говорил о противостоянии и несовместимости гуманистической «иудеохристианской» культуры Европы и ислама. Так, его книга 1997 г. называлась «Против исламизации нашей культуры». Свободу сексуальных меньшинств Фортейн маркировал как одно из безусловных достижений нидерландской просвещенной культуры, на которую покушались, в том числе физически, другие меньшинства – мусульмане [10, р. 5].

В 2002 г. политик погиб от рук радикального политического активиста, а через два года в Нидерландах произошло еще одно политическое убийство – жертвой исламиста марокканского происхождения стал кинорежиссер Т. ван Гог, друг Фортейна и также критик ислама, известный по вызвавшему бурные дебаты фильму «Покорность». Картина раскрывала и осуждала практику насилия над женщинами, распространенную в ряде стран исламского мира.

Общественная деятельность и трагический уход из жизни Фортейна и ван Гога придали импульс новому политическому дискурсу, совмещающему резкую критику ислама, интерпретируемому как антиинтеллектуальная и репрессивная тоталитарная идеология наподобие коммунизма или нацизма, с подчеркнутым уважением к либеральным достижениям европейской «пост-иудеохристианской» культуры, предположительно находящейся под угрозой. Такой дискурс подхватил Г. Вилдерс, создатель и лидер нидерландской Партии свободы. В уместающемся на одной странице проекте предвыборной программы партии на 2017–2021 гг. первый же (из 11-ти) пункт гласит: «Деисламизация Нидерландов»¹. Далее в восьми подпунктах проясняется, что речь идет, в частности, о запрете иммиграции из мусульманских стран и необходимости экстрадиции тех мигрантов-мусульман, чей срок пребывания в стране истек или кто совершил какие-либо правонарушения. Также Партия свободы предлагала закрыть исламские школы и мечети, запретить Коран и

¹ [Wilders G.] Preliminary election program PVV 2017-2021 // Geert Wilders Weblog. 26.08.2016. URL: <https://www.geertwilders.nl/94-english/2007-preliminary-election-program-pvv-2017-2021> (accessed: 05.03.2020).

ношение сотрудниками государственных структур элементов исламской одежды, частично закрывающих лицо.

«Обычные люди чувствуют себя частью цивилизации, созданной их предками, – убежден Вилдерс. – Они не хотят, чтобы ее заменило мультикультурное общество, в котором ценности иммигрантов считаются настолько же хорошими, как и их собственные. Это не ксенофобия или исламофобия – считать, что наша западная культура превосходит другие культуры, – это обыкновенный здравый смысл» [4, с. 123]. Также политик указывает на то, что мигранты стремятся попасть из «третьего мира» в страны Запада, «чтобы найти лучшую жизнь, которую не могла обеспечить их собственная культура» [4, с. 122].

Для правых популистов христианство – это скорее не религия, но «секуляризированное христианство-как-культура» [19]. Если в дихотомии «мы – они» последние являются мусульманами, значит, «мы» должны быть христианами (в этом смысле можно говорить о правопопулистской «стратегии негативной идентичности») [20, с. 65], что вовсе не предполагает обязательного возвращения к собственно религиозной вере, с соблюдением обрядов и послушанием духовным авторитетам.

Христианство реинтерпретируется как символ принадлежности к нации и цивилизации. Приоритет правых популистов в этом направлении – требовать признания авторитета христианства-как-культуры при сохранении приверженности к секулярному характеру государства. Правые популисты в значительной степени «приватизировали» христианскую тематику, одновременно политизировав (или реполитизировав) религиозный и, прежде всего, христианский вопрос [21]. При этом справедливо указать на амбивалентное отношение христианских церквей к правому популизму и его отсылкам к христианству. Так, против популизма недвусмысленно высказался папа Франциск, поддержавший принятие Европой большего числа беженцев из Ближнего Востока и черной Африки. По его словам, такого отношения к мигрантам требует христианская заповедь любви к ближнему [21, с. 108].

Христианство и ислам как маркеры цивилизационной принадлежности

Популисты трактуют христианство как неотъемлемую часть европейских культур, ислам же – как религию, которая и исторически, и на современном этапе, не имея аналогов европейского Просвещения, «подминает» под себя культуру, стремясь заполнить собой все гуманитарное пространство исповедующих ислам народов и даже немусульманских народов, среди которых существуют мусульманские сообщества [10, р. 9–10].

Разница между христианством и исламом, согласно правым популистам, описывается теми же дихотомиями, которые использовал Э. Саид для обозначения взгляда западных «ориенталистов» на Восток [22]: христианство либерально – ислам антилиберален, христианство уважает индивидуализм – ислам

коллективистичен, христианство демократично – ислам тоталитарен, христианство современно – ислам архаичен и т.д. В рамках соответствующего дискурса секуляризм как ценность должен быть защищен как часть «нашей» христианской культуры. Секуляризм рожден из христианства посредством трансформации через гуманистическую философию. Поэтому, если «они» как мусульмане априори религиозны, то «мы» как христиане должны быть секулярны [10, р. 10].

Характерно, что критики правого популизма указывают на архаичность идей самих популистов, стремящихся, как считают оппоненты, вернуть общество в домодерный период [20]. Эта точка зрения представляется весьма проблематичной, поскольку национализм, будучи корневым элементом правого популизма, сам по себе является современной идеологией.

Ислам занимает существенное место в идеологии ряда европейских политических сил помимо нидерландской Партии свободы. Так, в предвыборном манифесте «Альтернативы для Германии» подчеркивается, что культура «функционирует как новая форма политического понимания»². Поскольку национальная идентичность «преимущественно формируется культурой и не может быть оставлена свободной игре различных сил», необходимо укреплять и защищать «связь между идентичностью и культурой». По мнению партии, «единство образования, культуры и идентичности имеет принципиально важное значение для развития общества»³.

Ислам, согласно манифесту «Альтернативы», «имеет напряженные отношения с нашей ценностной системой»⁴ и «не принадлежит Германии»⁵ (в этом выражении прослеживается заочная полемика с канцлером А. Меркель, утверждавшей прямо противоположное). В этой связи предлагается запретить иностранное финансирование мечетей⁶, не давать исламским организациям статуса государственных органов и запретить публичное ношение элементов женской одежды, полностью закрывающих фигуру и лицо (бурка и никаб)⁷.

В. Орбан, премьер-министр Венгрии и лидер партии «Фидес», призывает европейские нации «защищать христианские ценности от мигрантов» – «мусульманских захватчиков», а также обвиняет «космополитичное» руководство Евросоюза в навязывании «нового интернационализма» через поощрение миграции [23]. Конфликт между Орбаном и Брюсселем начался несколько раньше миграционного кризиса, в начале 2010-х гг., и касался конституции страны. Принятый с подачи «Фидеса» Основной закон Венгрии,

² [Alternative for Germany.] Manifesto for Germany: The political programme of the Alternative for Germany // AfD. 12.04.2017. P. 45. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-12_afd-grundsatzprogramm-englisch_web.pdf (accessed: 05.03.2020).

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 47.

⁵ Ibid. P. 48.

⁶ Ibid. P. 48–49.

⁷ Ibid. P. 49.

вступивший в силу 1 января 2012 г., начинается со слов «Боже, благослови венгров!». Констатируется, что народ Венгрии объединяют «Бог и христианство», а сама страна является неотъемлемой «частью христианской Европы» [24, с. 49]. Артикулированная рехристианизация Венгрии идет вразрез с трендами европейской интеграции, где упоминание христианской религии принципиально отсутствует на уровне уставных документов [25]. Очевидно, существует явный диссонанс между укорененностью представлений о христианстве у европейских народов и подчеркнута секулярным характером общеевропейского интеграционного проекта.

Совершенно иначе, чем националисты прошлого столетия, относятся современные «цивилизационисты» к «еврейскому вопросу». Так, в 2010 г. представители Австрийской партии свободы, бельгийского «Фламандского интереса», «Шведских демократов» и Немецкой партии свободы (сегодня уже не существующей политической силы, отколовшейся от истеблишментарного ХДС) посетили Израиль, в частности еврейские поселения на Западном берегу реки Иордан. Там европейцы подписали документ, известный как «Иерусалимская декларация» [26], в котором признавали право Израиля на существование и выражали поддержку борьбе, которую страна вела с «исламской агрессией» со стороны соседей-арабов.

Принятие документа зафиксировало момент перехода правопопулистских европейских сил от антисемитизма на позиции противостояния исламу, который, с их точки зрения, представляет угрозу европейским национальным культурам. Евреи, в известный исторический период воспринимавшиеся значимой частью европейцев, тем более националистов, как безусловно чужие по отношению к «нам», в настоящее время в контексте опасности, которую правые видят в исламе как религии и мусульманских мигрантах как носителях определенного набора «чужих» идей, реинтерпретируются как часть «нас». Евреи Израиля – и самой Европы – подвержены тем же опасностям, что и «мы». Палестино-израильское противостояние интерпретируется не в контексте характерного антисемитского дискурса о евреях как об «оккупантах» Палестины (в рамках этого дискурса европейские националисты-антисемиты в прошлом неожиданным образом смыкались с левыми «антиимпериалистами»), но как частный случай общего, происходящего и в Европе «столкновения цивилизаций». В рамках этого конфликта (пост-)христианские народы находятся по одну сторону цивилизационного фронта – и цивилизационного фронта – с (пост-)иудеями.

Антииммигрантская солидарность

Правопопулистские лидеры оказывают друг другу политическую и медийную поддержку, в частности в контексте выборов в Европарламент [1]. В этом контексте сомнительно, что рост «цивилизационного» национализма в Европе рискует вернуть континент к эпохе конкурирующих и откровенно враждебных

друг другу национальных государств. Слишком изменился и глобализировался современный мир. Скорее, как пишет Д. Карцев, сегодня в правопопулистском идейном пространстве мы наблюдаем «попытку создать более гомогенный наднациональный союз, в котором трудноуловимая культурная близость важнее, чем формальные политические и институциональные атрибуты» [27]. Националисты, объединившись, собираются защитить от внешних и внутренних угроз «традиционное национальное государство – Европейскую Крепость» [4, с. 340]. Новый национализм – не экспансионистский, он обороняющийся, прежде всего, от инокультурных мигрантов.

У новых правых в значительной степени исчезла старая внутриевропейская вражда. «Французские националисты не говорят, что немцы плохи; немецкие – что плохи англичане; для англичан испанцы не враги, – замечает А. Баунов. – Наоборот, пробуждая националистические чувства, они хвалят давних соседей по старой Европе, ведь у них с ними общий враг: мигранты и безродная бюрократия в Брюсселе» [28]. Brexit был воспринят континентальными националистами как пример возвращения национального суверенитета и победы над «брюссельской бюрократией» Евросоюза. ЕС в риторике правых популистов представляется как политический проект, отрицающий национальные культуры европейских народов и подменяющий их универсалистской, принципиально арелигиозной (если не антирелигиозной) доктриной [29].

Принципиальная черта новых правых – мозаичность их программ, в известной мере предполагающая отказ от ряда положений правой повестки XX в. или даже выход за рамки традиционной право-левой дихотомии. Правые популисты могут быть за то, «чтобы ужесточить наказание за насилие в отношении евреев и ЛГБТ, за то, чтобы убрать кофешопы на километр от школ, но за отмену запрета на курение в барах, за защиту животных и за то, чтобы построить больше АЭС, угольных станций и не зависеть от импорта нефти, вернуться к гульдену, закрыть мусульманские школы, ввести налог на хиджаб, объявлять национальность преступников, поддержать буров в Южной Африке, остаться в НАТО, но убрать оттуда Турцию, – отмечает А. Баунов. – Против прав национальных и чужих религиозных меньшинств, но за права сексуальных, в том числе на брак, права женщин, в том числе на аборт, и за любые формы современной культуры» [28]. Правопопулистский дискурс сегодня представляет собой набор «синтетических концепций, где либеральная демократия и традиционализм... сплетены в новых причудливых сочетаниях» [30, с. 113].

И. Крастев в этой связи подчеркивает, что ключевой особенностью многих правопопулистских партий является «не национал-консервативная направленность, но – реакционность» [9, р. 15]. П. де Ореланна и Н. Михельсен говорят о возникшем на наших глазах «реакционном интернационализме» [31].

В странах Европы существуют и сосуществуют разные национализмы – как классический, связанный с территорией, так и «цивилизационистский». Две тенденции переплетаются различным образом. Так, скажем, в современном украинском национализме «цивилизационный» компонент, связанный с

ориентацией на европейские культурные и политические формы, совмещается с мотивами национально-освободительной борьбы против России, где последняя интерпретируется не только как национальный враг украинского этноса, но и принципиальная опасность для европейской культуры – куда включают украинскую и исключают русскую – как таковую [32]. Вместе с тем правопопулистские партии стран Евросоюза по-разному трактуют Россию. Есть тенденция воспринимать Россию в фобическом контексте, как непредсказуемого и опасного соседа с иной политической традицией и антидемократическими инстинктами. Вместе с тем есть и тренд, как минимум не менее сильный, на интерпретацию России как «другой» Европы, во многих отношениях более близкой к той исторической, традиционной, «нормативной» Европе, которую националисты хотели бы «снова сделать великой» [33; 34].

Заключение

Цивилизационизм – это не альтернатива национализму, но новый способ говорить о нации, новый подход к интеллектуализации «воображенного общества» (Б. Андерсон) [35] и проведению символических границ внутри и между социокультурными общностями (Ф. Барт) [36], получивший актуальность в контексте массовой инокультурной миграции в страны Европы. Если, согласно ставшему классическим определению Э. Геллнера, национализм – это «прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [37], то для сегодняшних правых популистов национальная единица мыслится в более широком контексте общеевропейского культурного и (пост)религиозного поля – европейской цивилизации в ее гуманистическом и модерном изводе.

Не только христианство, но и иудаизм и атеизм становятся символическими маркерами, отделяющими европейских «нас» от неевропейских «иных», преимущественно мигрантов из стран исламской культуры. Для этого разделения также принципиален и негативный критерий: «мы», согласно «цивилизационистскому» подходу правых популистов, не можем быть мусульманами, а наша религиозность должна иметь принципиально секулярный, просвещенный характер и быть одним из элементов нашей культурной идентичности, но никак не наоборот. В условиях существенного сближения повесток правых и левых политических сил в экономических вопросах принципиальным элементом публичных идейных дискуссий становятся мировоззренческие проблемы, касающиеся гуманитарных аспектов жизни гражданина и общества. Битва за культуру – «правый грамшизм» – становится для правых популистов главным направлением борьбы за секулярную нацию, а постулируемая принадлежность европейских наций к единой «пост-иудеохристианской» цивилизации мыслится залогом дальнейшего мирного сосуществования наций-государств Европы при эвентуальном приходе к власти новых националистов.

Библиографический список

- [1] Бышок С.О. Перспективы правых популистов в новом составе Европарламента (2019–2024) // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1 (11). С. 140–153.
- [2] Dennison J., Geddes A. A Rising Tide? The Salience of Immigration and the Rise of Anti-Immigration Political Parties in Western Europe // *The Political Quarterly*. 2019. Vol. 90. Issue 1. P. 107–116. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12620>. Accessed: 05.03.2020.
- [3] Lehne S., Grabbe H. European Parliament elections will change the EU's political dynamics // *Carnegie-Europe*. 11.12.2018. URL: <https://carnegieeurope.eu/2018/12/11/2019-european-parliament-elections-will-change-eu-s-political-dynamics-pub-77922>. Accessed: 05.03.2020.
- [4] Водак Р. Политика страха. Что значит курс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 402 с.
- [5] Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. № 39 (4). P. 541–563.
- [6] Taguieff P.-A. Political science confronts populism: from a conceptual mirage to a real problem // *Telos*. 1995. № 103. P. 9–43.
- [7] Keskinen S., Norocel O.C., Jørgensen M.B. The politics and policies of welfare chauvinism under the economic crisis // *Critical Social Policy*. 2016. Vol. 36. Issue 3. P. 321–329. URL: <https://doi.org/10.1177/0261018315624168>. Accessed: 05.03.2020.
- [8] Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // *Политические исследования*. 2017. № 4. С. 69–89.
- [9] Krastev I. *After Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017. 120 p.
- [10] Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. Issue 8. P. 1191–1226. URL: <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>. Accessed: 06.03.2020.
- [11] Бышок С.О. Мотив столкновения цивилизаций в дискурсе правых популистов ЕС // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 745–754. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754.
- [12] Huntington S. The clash of civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. № 72. P. 22–49.
- [13] Kumar K. The return of civilization – and of Arnold Toynbee? // *Comparative Studies in Society and History*. 2014. Vol. 56. Issue 4. P. 815–843.
- [14] Шпенглер О. *Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории*. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. 1085 с.
- [15] Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. М.: Институт русской цивилизации, *Благословение*, 2011. 816 с.
- [16] Fukuyama F. The end of history? // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 3–18.
- [17] Fukuyama F. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 240 p.
- [18] Pipes D. Europe's civilizationist parties // *Middle East Forum*. 31.10.2018. URL: <https://www.meforum.org/7602/europe-civilizationist-parties>. Accessed: 05.03.2020.
- [19] Mouritsen P. The particular universalism of a Nordic civic nation: Common values, state religion and Islam in Danish political culture // *Modood T., Triandafyllidou A., Zapata-Barrero R. (eds.). Multiculturalism, Muslims and citizenship: A European approach*. London: Routledge, 2006. P. 70–93.
- [20] Харкевич М., Музалевский В., Осколков П. Архаика и современный правый популизм в Европе // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 59–68.
- [21] Лункин Р. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 102–113.
- [22] Said E. *Orientalism*. London: Penguin, 2003. 396 p.
- [23] Бавырин Д. Почему Венгрия стала главным крестоносцем Европы // *Взгляд*. 12.02.2019. URL: <https://vz.ru/world/2019/2/12/963726.html>. Дата обращения: 05.03.2020.

- [24] *Стенькин Д.С.* Об основном законе Венгрии 2011 г. // *Российское право: Образование, практика, наука*. 2016. № 1 (91). С. 47–49.
- [25] *Андреева Л., Смирнов М., Щербаков В.* Процесс дехристианизации в Европейском союзе // *Современная Европа*. 2018. № 5. С. 120–130.
- [26] *Shroufi O.* The Gates of Jerusalem: European revisionism and the populist radical Right // *Race & Class*. 2015. Vol. 57. Issue 2. P. 24–42. URL: <https://doi.org/10.1177/0306396815595799>. Accessed: 05.03.2020.
- [27] *Карцев Д.* Правая колонна. Почему Меркель приходится уступать собственным министрам // *Московский центр Карнеги*. 04.07.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/76736>. Дата обращения: 05.03.2020.
- [28] *Баунов А.* Трамп в контексте. Почему выигрывают новые правые // *Московский центр Карнеги*. 20.01.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67741>. Дата обращения: 05.03.2020.
- [29] *Алонци Р.* Политическая идентичность ЕС: новые парадигмы и старые проблемы // *Современная Европа*. 2018. № 6. С. 142–151.
- [30] *Лункин Р., Филатов С.* Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // *Современная Европа*. 2018. № 3. С. 102–114.
- [31] *De Orleana P., Michelsen N.* Reactionary internationalism: the philosophy of the New Right // *Review of International Studies*. 2019. Vol. 45. Issue 5. P. 748–767. URL: <https://doi.org/10.1017/S0260210519000159>. Accessed: 05.03.2020.
- [32] *Бышок С.О.* Радикальный украинский национализм и правый поворот в Европе // *Вопросы национализма*. 2018. № 1 (31). С. 79–85.
- [33] *Бышок С.О.* Русские в риторике правых популистских партий Западной Европы // *Вестник российской нации*. 2018. № 2. С. 210–223.
- [34] *Бышок С.О.* Цивилизационная идентичность России: взгляд правых евроскептиков ЕС // *Вестник российской нации*. 2018. № 4. С. 227–240.
- [35] *Anderson B.* *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso, 1991. 224 p.
- [36] *Barth F.* (ed.). *Ethnic groups and boundaries*. Little, Brown and Company, Boston, USA, 1969. 153 p.
- [37] *Gellner E.* *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 150 p.

References

- [1] Byshok S.O. Prospects of right-wing populists in the European Parliament (2019–2024). *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2019; 1 (11): 140–153 (In Russ.).
- [2] Dennison J., Geddes A. A Rising Tide? The Salience of Immigration and the Rise of Anti-Immigration Political Parties in Western Europe. *The Political Quarterly*. 2019; 90 (1): 107–116. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12620>. Accessed: 05.03.2020.
- [3] Lehne S., Grabbe H. 2019 European Parliament elections will change the EU's political dynamics // *Carnegie-Europe*. 11.12.2018. Available from: <https://carnegieeurope.eu/2018/12/11/2019-european-parliament-elections-will-change-eu-s-political-dynamics-pub-77922>. Accessed: 05.03.2020.
- [4] Wodak R. *The politics of fear: what right-wing populist discourses mean*. Los Angeles: Sage; 2015. 238 p.
- [5] Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 2004; 39 (4): 541–563.
- [6] Taguieff P.-A. Political science confronts populism: from a conceptual mirage to a real problem. *Telos*. 1995; 103: 9–43.
- [7] Keskinen S., Norocel O.C., Jørgensen M.B. The politics and policies of welfare chauvinism under the economic crisis. *Critical Social Policy*. 2016; 36 (3): 321–329. Available from: <https://doi.org/10.1177/0261018315624168>. Accessed: 05.03.2020
- [8] Vajnshtejn G.I. Contemporary populism as an object of political science analysis. *Polis. Political Studies*. 2017; 4: 69–89 (In Russ.).

- [9] Krastev I. *After Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 2017. 120 p.
- [10] Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*. 2017; 40 (8): 1191–1226. Available from: URL: <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>. Accessed: 06.03.2020.
- [11] Byshok S.O. “Clash of civilizations” concept in the EU right-wing populists’ discourse. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*. 2019; 21 (4): 745–754. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754 (In Russ.).
- [12] Huntington S. The clash of civilizations? *Foreign Affairs*. 1993; 72: 22–49.
- [13] Kumar K. The return of civilization – and of Arnold Toynbee? *Comparative Studies in Society and History*. 2014; 56 (4): 815–843.
- [14] Spengler O. *Der Untergang Des Abendlandes*. Köln: Anaconda; 2017.
- [15] Danilevskij N.Ja. *Russia and Europe*. Moscow: Institut russkoj civilizacii, Blagoslovenie; 2011. 816 p. (In Russ.).
- [16] Fukuyama F. The end of history? *The National Interest*. 1989; 16: 3–18.
- [17] Fukuyama F. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux; 2018. 240 p.
- [18] Pipes D. Europe’s civilizationist parties. *Middle East Forum*. 31.10.2018. URL: <https://www.meforum.org/7602/europe-civilizationist-parties>. Accessed: 05.03.2020.
- [19] Mouritsen P. The particular universalism of a Nordic civic nation: Common values, state religion and Islam in Danish political culture. In: Modood T., Triandafyllidou A., Zapata-Barrero R. (eds.). *Multiculturalism, Muslims and citizenship: A European approach*. London: Routledge; 2006. P. 70–93.
- [20] Kharkevich M., Muzalevskij V., Oskolkov P. Archaicism and contemporary right-wing populism in Europe. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 1: 59–68 (In Russ.).
- [21] Lunkin R. Religion and European populism: a Christian factor in political debates. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 1: 102–113 (In Russ.).
- [22] Said E. *Orientalism*. London: Penguin; 2003. 396 p.
- [23] Bavyrin D. Why Hungary became the main crusader of Europe. *Vzgljad*. 12.02.2019. URL: <https://vz.ru/world/2019/2/12/963726.html>. Accessed: 05.03.2020 (In Russ.).
- [24] Sten’kin D.S. On the 2011 Hungarian Constitution. *Rossijskoe pravo: Obrazovanie, praktika, nauka*. 2016; 1 (91): 47–49 (In Russ.).
- [25] Andreeva L., Smirnov M., Shherbakov V. De-Christianization process in the EU. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 5: 120–130 (In Russ.).
- [26] Shroufi O. The Gates of Jerusalem: European revisionism and the populist radical Right. *Race & Class*. 2015; 57 (2): 24–42. URL: <https://doi.org/10.1177/0306396815595799>. Accessed: 05.03.2020.
- [27] Kartsev D. The right column. Why Merkel has to yield to her own ministers. *Moskovskij centr Karnegi*. 04.07.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/76736>. Accessed: 05.03.2020 (In Russ.).
- [28] Baunov A. Trump in the context. Why the new right win. *Moskovskij centr Karnegi*. 20.01.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67741>. Accessed: 05.03.2020 (In Russ.).
- [29] Alonzi R. Political identity of the EU: new paradigms and old challenges. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 6: 142–151 (In Russ.).
- [30] Lunkin R., Filatov S. Inter-confessional differences in Europe and the new ideological confrontations. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 3: 102–114 (In Russ.).
- [31] De Orleana P., Michelsen N. Reactionary internationalism: the philosophy of the New Right. *Review of International Studies*. 2019; 45 (5): 748–767. URL: <https://doi.org/10.1017/S0260210519000159>. Accessed: 05.03.2020.
- [32] Byshok S.O. Radical Ukrainian nationalism and the right turn in Europe. *Voprosy nacionalizma*. 2018; 1 (31): 79–85 (In Russ.).

- [33] Byshok S.O. The Russians in the rhetoric of right-wing populist parties in Europe. *Vestnik rossijskoj nacii*. 2018; 2: 210–223 (In Russ.).
- [34] Byshok S.O. Russia's civilizational identity: the view of EU right-wing Eurosceptics. *Vestnik rossijskoj nacii*. 2018; 4: 227–240 (In Russ.).
- [35] Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso; 1991. 224 p.
- [36] Barth F. (ed.). *Ethnic groups and boundaries*. Little, Brown and Company, Boston, USA; 1969. 153 p.
- [37] Gellner E. *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983; 150 p.

Информация об авторе:

Бышок Станислав Олегович – соискатель ученой степени кандидата политических наук в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, исполнительный директор Автономной некоммерческой организации «Международная организация по наблюдению за выборами “CIS-ЕМО”» (ORCID ID: 0000-0002-2441-4975) (e-mail: sbyshok@gmail.com).

Information about the author:

Stanislav O. Byshok – PhD Candidate in Political Science, Lomonosov Moscow State University, CEO at the Autonomous non-profit organization “International election monitoring organization CIS-EMO” (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2441-4975) (e-mail: sbyshok@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474

Научная статья / Research article

Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии)

М.И. Сигачев, Э.С. Слепцов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Э.В. Фадеев

Независимый эксперт
maxsig@mail.ru; ernest89@mail.ru; fadeeveduard@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь между политическими кризисами, затронувшими Европейский Союз в период с 2015 по 2020 г., и ростом симпатий избирателей к популистско-евроскептическим партиям. Особое внимание уделяется политической ситуации в Австрии, где в 2017–2019 гг. в правительство входили правые популисты, а также итогам выборов в Европарламент в мае 2019 г., свидетельствующим об укреплении позиций нового популизма, прежде всего правого, представленного группой евроскептиков «Идентичность и демократия». Цель статьи – анализ текущего состояния правопопулистских партий и описание актуальных закономерностей их развития с точки зрения политических перспектив и влияния на внутреннюю политику стран – членов ЕС. Сформулированы следующие исследовательские вопросы: 1. Усилилось или ослабло влияние правопопулистских партий в период миграционного кризиса? 2. Представляют ли собой правые популисты некую целостную общеевропейскую политическую силу? 3. Какова специфика итальянских, австрийских и немецких правых популистов? Для ответа на эти вопросы проведен качественный (прежде всего тематической литературы и публикаций в СМИ) и количественный анализ (оценена динамика релевантной статистической информации). В результате исследования авторы приходят к следующим выводам: 1. Вступление австрийских правых популистов (АПС) в коалицию с С. Курцом в 2017–2019 гг. – это часть регулярных колебаний баланса сил между тремя политическими «лагерями» внутри Австрии, а не резкий перелом устоявшихся политических моделей (правый поворот). 2. Немецкие правые популисты, напротив, несмотря на локальные и действительно внезапные успехи (АдГ), находятся в системной изоляции. 3. В Италии правые популисты достигли существенных успехов, но перспективы их единства с другими европейскими новыми правыми остаются спорными. 4. С долей осторожности можно заявить о том, что период 2017–2019 гг. был для правых популистов успешным. Узнаваемость правопопулистских партий, их медийный охват и присутствие в органах власти заметно повысились. Увеличилось и восприятие важности тем миграции и культурной идентичности в сравнении с первой половиной 2010-х годов. При этом в 2020 г. этот тренд начинает спадать, темы культуры и миграции плавно уступают место темам безопасности, здравоохранения и экологии.

© Сигачев М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: популизм, новый популизм, правый популизм, евроскептицизм, национализм, «Идентичность и демократия», миграционный кризис, Европарламент, Европейский Союз

История статьи: Поступила в редакцию 15.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: *Сигачев М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В.* Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474

New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria)

Maxim I. Sigachev, Ernest S. Sleptsov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences
23 Profsoyusnaya St, Moscow, 117997, Russian Federation

Eduard V. Fadeev

Independent Expert in Political Studies
maxsig@mail.ru; ernest89@mail.ru; fadeveduard@gmail.com

Abstract. The article reveals the relationship between the political crises that affected the European Union from 2015 to 2020, and the growing sympathy of voters for populist-Eurosceptic parties. Particular attention is paid to the political situation in Austria, where in 2017–2019. The government included right-wing populists, as well as the results of the European Parliament elections in May 2019, which testify to the strengthening of the position of a new populism, especially the right-wing one, represented by the Eurosceptics group “Identity and Democracy”. The purpose of the article is to analyze the current state of the right-wing populist parties and to describe the current patterns of their development in terms of political prospects and the impact on the internal politics of the EU member states. The following research questions are formulated: 1. “Has the influence of right-wing populist parties intensified or waned during the migration crisis?” 2. “Do right-wing populists constitute a coherent pan-European political force?” 3. “What is the specificity of Italian, Austrian and German right-wing populists?”. To answer these questions, a quantitative (first of all, thematic literature and publications in the media) and quantitative analysis (dynamics of relevant statistical information was evaluated). As a result of the study, the authors come to the following conclusions: 1. The entry of the Austrian right-wing populists (APS) into a coalition with S. Kurtz in 2017–2019. – This is part of the regular fluctuations in the balance of power between the three political “camps” inside Austria, and not a sharp turnaround in established political models (right turn). 2. The German right-wing populists, on the contrary, despite local and really sudden successes (AdG), are in systemic isolation. 3. In Italy, right-wing populists have made significant progress, but the prospects for their unity with other European new right-wingers remain controversial. 4. With some caution, it can be stated that the period 2017–2019, was successful for right-wing populists. The recognition of the right-wing populist parties, their media coverage and presence in government has increased markedly. The perception of the importance of migration themes and cultural identity has increased in comparison with the first half of the 2010s. Moreover,

in 2020. this trend is beginning to decline, the themes of culture and migration are gradually giving way to topics of safety, health and the environment.

Keywords: populism, new populism, right-wing populism, Euroscepticism, nationalism, “Identity and democracy”, refugee crisis, European Parliament, European Union

Article history: Submitted on 15.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Maxim I. Sigachev, Ernest S. Sleptsov, Eduard V. Fadeev. New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria). *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 458–474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474

Характеризуя ситуацию в современном мире в целом и в Европе особенно, следует отметить, что глобальный миропорядок вошел в стадию очередного переустройства, проявляющегося в усилившейся «стратегической нестабильности» (термин философа А.С. Панарина). Последним по времени свидетельством указанной «глобальной перестройки» (термин президента ИМЭМО акад. А.А. Дынкина) стал глобальный экономический кризис 2020 г., вызванный наложением друг на друга весной 2020 г. факторов падения цен на нефть в результате срыва формата ОПЕК+ и эпидемии коронавируса.

Международно-политический срез тех кризисных процессов, которые дают о себе знать в рамках становящегося все более неустойчивым современного мироустройства, заключается в трансформации типов национального государства и накоплении дисфункций в наднациональных институтах, таких как Европейский Союз. Начиная с 2008–2009 гг. Евросоюзу приходилось сталкиваться с целой чередой вызовов. Среди них, к примеру, долговой кризис внутри еврозоны, сильно ударивший по таким странам южной средиземноморской периферии ЕС, как Греция, Испания и Италия.

Социально-политические проявления этого кризиса в Европейском Союзе ознаменовались проходившим в 2015–2018 гг. миграционным кризисом. Возрастающему напряжению подвергаются политические границы государств, что приводит к изменению содержательного наполнения концепта национальной государственности [1, с. 90]. Несмотря на то что основным субъектом международных отношений, занимающимся регулированием потоков мигрантов и беженцев, продолжают оставаться национальные государства, в сфере миграционной политики вследствие кризиса возросла роль таких негосударственных акторов, как неправительственные организации: «В настоящее время в мире действуют тысячи НПО, прямо или косвенно занятые решением миграционных вопросов НПО могут финансироваться как из спонсорских средств, так и из средств ООН и Евросоюза. Так, Европейская комиссия создала в 2014 г. Фонд по вопросам убежища, миграции и интеграции (Asylum, Migration and Integration Fund)...» [2, с. 92]. Более того, все большую роль играет агентство FRONTEX. Вместе с тем, «поскольку основными акторами мировой политики остаются национальные государства, разговоры о наднациональном управлении миграцией будут оставаться просто риторикой.

Противоречия между государствами слишком велики, чтобы они пошли на передачу компетенций в управлении сферой миграции на наднациональный уровень» [2, с. 89]. Поэтому в определенной мере миграционный кризис не столько создал новые социальные противоречия в странах Европы, сколько стимулировал радикализацию уже имевшихся размежеваний.

Вопросы массовой миграции (в дополнение к уже имевшимся экономическим) привели к обострению в Европейском Союзе противоречия между европейским Севером и Югом – с одной стороны, северогерманским ядром ЕС и, с другой стороны, странами средиземноморской Южной Европы, такими как Италия, Испания и Греция.

Можно предположить, что волна популизма, захлестнувшая Европу в последнее пятилетие, имела различные проявления в странах транзитной миграции и странах целевой миграции. В статье рассматриваются такие страны, как Германия, Австрия и Франция – как примеры целевых стран, Италия – как пример страны транзитной миграции, а также процессы формирования дискурсов популизма. Таким образом, исследовательская задача, решаемая настоящей статьёй, заключается как в выявлении отличительных черт нового популизма по сравнению с популизмом старым, так и в поиске ответа на вопрос о перспективах нового популизма в странах ЕС.

Целью данной статьи являются объективная оценка текущего состояния правопопулистских партий, описание ключевых закономерностей их развития. Это позволит понять, имеют ли они политические перспективы и чем обусловлено их влияние (или отсутствие такового) на внутреннюю политику стран – членов ЕС. Исследовательские вопросы можно сформулировать следующим образом: 1. «Усилилось или ослабло влияние правопопулистских партий в период миграционного кризиса?» 2. «Представляют ли собой правые популисты некую целостную общеевропейскую политическую силу?» 3. «Какова специфика итальянских, австрийских и немецких правых популистов?».

Уникальность исследования заключается в обосновании следующих утверждений:

Вступление австрийских правых популистов (АПС) в коалицию с С. Курцом в 2017–2019 гг. – это часть регулярных колебаний баланса сил между тремя политическими «лагерями» внутри Австрии, а не резкий перелом устоявшихся политических моделей (правый поворот).

Немецкие правые популисты, напротив, несмотря на локальные и действительно внезапные успехи (АдГ), находятся в системной изоляции.

В Италии правыми популистами были достигнуты существенные успехи, но перспективы их единства с другими европейскими новыми правыми (на примере фракции европарламента «Европа за свободу и прямую демократию») остаются спорными.

С некоторой долей осторожности можно заявить о том, что период 2017–2019 гг. был для правых популистов успешным. Узнаваемость таких партий, как АдГ, Лига Севера, Пять Звезд, их медийный охват и присутствие в органах власти заметно изменились в большую сторону. Увеличилось и

восприятие важности тем миграции и культурной идентичности в сравнении с первой половиной 2010-х гг. При этом в 2020 г. этот тренд начинает спадать, темы культуры и миграции плавно уступают место темам безопасности, здравоохранения и экологии. Методология исследования: для ответа на поставленные вопросы нами были проведены качественный (прежде всего тематической литературы и публикаций в СМИ) и количественный анализ (оценена динамика релевантной статистической информации).

Старый и новый популизм – сходство и отличие

В настоящее время идет активная дискуссия относительно определения нового и старого популизма в современной Европе. С неомарксистской точки зрения Б. Кагарлицкого, «популизм как политическое движение возникает тогда, когда классовая организация и классовое сознание трудящихся либо только еще формируются, либо уже переживают кризис, разлагаются» [3, с. 154]. Таким образом, Б. Кагарлицкий не различает проявления нового и старого популизма, сводя их к единому понятию.

Эрих Фромм, как представитель неомарксизма, делает акцент на психологическое «состояние человека», которое определяет его принадлежность к популизму. По мысли Фромма, люди должны задуматься о собственных действиях, найти свой смысл жизни, обрести индивидуальные способы установления идентичности и родства: «Человек – единственное животное, которое считает свое существование проблемой, которую он должен решить и от которой он не может убежать» [4, с. 72]. Тем самым, развивая идеи Фромма, можно сказать, что популизм представляет собой желание присоединиться к какой-то общности, чтобы уйти от ответственности за собственное бытие. В качестве своеобразных «идолов» могут выступать нация, культура, язык, религия. Современные немецкие исследователи Катрин Фойгт и Патрик Энис проанализировали феномен правого популизма с позиции Э. Фромма и пришли к выводу, что в правом популизме важен конструкт отрицания общечеловеческого в угоду национальному [5].

Среди исследователей более распространено мнение, согласно которому феномен нового популизма проистекает из ответной реакции на неолиберальную революцию 1970-1990-х гг., в ходе которой были поставлены вопросы трансформации институтов государства (брак, семья, мораль, государство, идентичность)¹ в свете примата свободы индивида либо же возвращение к архаике [6; 7].

Можно также отметить, что новый популизм – это продолжение традиции 1968 г., состоящее в том, что происходит изменение отношения, свойственное постмодернистской люидификации, таких понятий, как архаика. Нация, культура, традиция. Также, как отмечает Ив Плассеро, новый правый популизм постоянно ссылается на «народный здравый смысл» [8, с. 96]. Подобного рода

¹ Хорос В. Популизм 2.0. Москва: Сайт «Россия в глобальной политике». 14.11.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/populizm-2-0/> (дата обращения: 25.04.2020).

отсылки можно встретить в различных работах теоретиков «новых правых», таких как Аллен де Бенуа, Питер Слотердаjk и др., оказавших определенное идейное влияние на становление феномена неопопулизма. К примеру, лидер французских «новых правых» неоднократно писал о том, что на смену традиционному разделению на «левых» и «правых» в политике приходит новое размежевание по линии «элиты» – «народ».

С социально-философской точки зрения главной отличительной чертой нового популизма по отношению к старому может считаться их принадлежность к разным историческим эпохам. Палеопопулизм классического типа – это феномен XX в., обусловленный «восстанием масс» в рамках индустриального общества эпохи Модерна. Неопопулизм, напротив, возникает на рубеже XX–XXI вв., уже после окончания Холодной войны, как проявление постиндустриальных, постмодернистских тенденций. Следующим важным отличием нового популизма по отношению к старому является его относительная мягкость, гибридность, в то время как классический популизм характеризовался более жестким, непримиримым, крайним характером. В качестве примера палеопопулиста можно привести создателя французского «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пена, тогда как его дочь Марин Ле Пен – уже политик неопопулистского толка, что отразилось даже в изменении названия партии с более воинственного и боевого «Национального фронта» на более примирительное и объединительное «Национальное объединение». Подводя предварительный итог рассмотрения отличительных характеристик неопопулизма по отношению к палеопопулизму, можно отметить, что новому популизму присущ больший акцент на «суверенизме» и «идентитаризме», выражающийся в апелляции к принципам национального суверенитета и национальной идентичности, равно как и использование новых информационно-коммуникативных технологий.

Специфика проблем миграции в Европе: региональный аспект

Следует отметить, что страны Южной Европы являются преимущественно транзитными странами, тогда как Германия, Австрия, Швейцария для большинства мигрантов и беженцев выступают в качестве конечной цели миграции. Причина заключается в высоком уровне жизни в европейских целевых странах и достаточно комфортных условиях помощи мигрантам. Такие условия вызваны, прежде всего, резким дефицитом трудовой силы при растущей экономике (в этой связи можно упомянуть соглашения о трудовой силе между правительством ФРГ, с одной стороны, и Турцией, Грецией, Италией, с другой стороны, в 1960-е годы), а также возникновением постмодернистских левопопулистских партий и движений, в повестке которых силен дискурс 1968 года (экологические и пиратские партии).

Следует более подробно остановиться на явлении транзитной миграции [9], охватившей окраины Европы: Канарские острова, Мальту, итальянский остров Лампедуза, греческий Лесбос, испанский Север. Возникновение

потока мигрантов происходит не в Марокко, Ливии или Турции, а в черной Африке и на Ближнем Востоке. Транзитные мигранты – люди Фронттира, занимающие территории, являющиеся пограничем между мирами. Термин «транзитная миграция» не является политически нейтральным и в определенных случаях используется правительствами для обозначения мигрантов как людей, которые должны переселиться [10]. Этот термин также позволяет более адекватно описать реальность, поскольку в нем говорится о происхождении мигранта, пункте назначения и транзитном пространстве между ними. Маршруты передвижения мигрантов постоянно меняются, и это создает проблему как для контролирующих органов национальных государств, так и для фондов обеспечения.

В результате транзитного положения Италии сформировался феномен, который исследователи Д. Казаринова и Г. Де Лука назвали «синдромом Лампедузы»: «Характерен пример эволюции политических установок жителей самого южного острова Италии, первым принимающего волны миграционных потоков – Лампедузы. Италия находится на центральном средиземноморском маршруте миграции, и Лампедуза – ее аванпост. Население этого острова и всего юга Италии изначально воспринимало беженцев с большим сочувствием, власти острова также всемерно оказывали им поддержку. Однако со временем гостеприимство и сочувствие сменилось неприятием, и политическая власть на острове немедленно отреагировала на запросы населения: в региональные органы управления избираются прежде всего политики правых взглядов. Звучат требования резкого ужесточения миграционного законодательства. Постепенно вслед за Лампедузой антииммигрантские настроения захватили всю страну, а за ней и Европу. Мы называем этот тренд “синдромом Лампедузы”» [1, с. 93].

Определенную роль в процессе разворачивания европейского миграционного кризиса сыграл фактор геополитики. Несмотря на то что проблема инोकультурной миграции существовала в ЕС и в предшествующий период, начиная со времени крушения колониальной системы в 1960-е гг., она резко обострилась вследствие дестабилизации Ближневосточного региона в ходе «арабской весны» начала 2010-х гг., приведшей в том числе к гражданским войнам в Сирии и Ливии. Так, Ливия перестала выполнять функции регулятора потоков африканской миграции, которые она осуществляла в эпоху правления М. Каддафи не только по отношению к Северной Африке, но и по отношению ко всему африканскому континенту. «Быстрому укрупнению инোকультурных сообществ в Европе поспособствовала недавняя волна стихийной иммиграции из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. За 2013–2017 гг. доля лиц с иностранными корнями возросла в странах Центральной и Северной Европы на 3–4 п.п. [11].

Интенсификация миграционного кризиса в Европейском Союзе отразилась в трансформации динамики общественного мнения европейцев по отношению к мигрантам и беженцам. Обратившись к данным социологической

службы Евробарометр за 2016–2019 гг.², мы можем увидеть картину того, как менялось отношение к инокультурной миграции внутри европейских обществ. К примеру, в Германии, согласно данным на весну 2016 г., 57% немецких респондентов указали миграцию в качестве самой важной проблемы, с которой в настоящий момент сталкивается Евросоюз. Следовательно, в определенный момент времени более половины немецкого общества оказалось подверженным антииммигрантским настроениям. Среди австрийцев таковых оказалось 48%, среди французов – 35%, а среди итальянцев – 44%. В целом же на панъвропейском уровне 48% всех европейцев рассматривали мигрантов и беженцев в качестве основной угрозы. К осени 2016 г. их число несколько сократилось – до 45%.

На национальном уровне тенденции изменились следующим образом: в немецком социуме уровень озабоченности миграцией снизился до 50%, в австрийском – до 39%, в итальянском – возрос до 49 %, во французском – до 36%. К весне 2017 г. картина общественного мнения по вопросу угрозы со стороны мигрантов и беженцев была следующей: на наднациональном уровне Евросоюза – 38%, на национальном: в Италии – представление о мигрантах как угрозе снизилось до 40%, Франции – 27%, Германии – 40%, Австрии – 34%, к осени 2017 г. в Италии – снова упало до 38%, а к весне 2018 г. – возросло до 41%. Осень 2018 г.: ЕС – 34%, Франция – 28%, Италия – 32%, Германия – 37%, Австрия – 34%. Весна 2019 г.: ЕС – 34%, Франция – 32%, Италия – 28%, Германия – 37%, Австрия – 34%. Осень 2019 г.: ЕС – 34%, Франция – 30%, Италия – 34%, Германия – 38%.

Таким образом, на основании имеющихся данных по странам можно сделать следующие выводы. Что касается Австрии, то для нее характерно достаточно устойчивое число противников миграции, которое колеблется не так резко, как в других странах. Аналогично за годы миграционного кризиса количество итальянцев, считающих миграцию самой важной проблемой для ЕС, колебалось в районе 40%. Необходимо отметить, что приблизительно такое же количество итальянских респондентов указывали терроризм в качестве самой важной проблемы, с которой в настоящий момент сталкивается Евросоюз. Данный факт также свидетельствует, как минимум косвенно, о росте озабоченности граждан Италии последствиями миграционного кризиса, поскольку в сознании итальянского общества проблема миграции является одним из факторов усиления террористической угрозы.

Феномен нового популизма в Европе в контексте миграции

Рост антииммигрантских настроений в европейском обществе, в свою очередь, привел к укреплению позиций «нового популизма» в качестве ответной реакции на кризисные процессы в Евросоюзе.

Проблема инокультурной миграции сыграла роль катализатора, который углубил и усилил имеющиеся в европейском обществе размежевания и

² Public Opinion. European commission URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm> (accessed: 25.04.2020).

противоречия. Примером катализаторской роли миграционного кризиса является связь между изменением общественного мнения о массовой миграции и подъемом антииммигрантских партий, тяготеющих к популизму и евроскептицизму.

Первым проявлением специфической ответной реакции нового популизма в ареале южноевропейского Средиземноморья может считаться приход в 2015 г. в Греции к власти правительства «Сиризы» Алексиса Ципраса, хотя данное событие стало результатом недовольства греков не только последствиями миграционного кризиса, но и европейского долгового кризиса, кризиса Еврозоны.

Вторым важным проявлением торжества нового популизма явилось уже в 2018 г. формирование итальянского «желто-зеленого» «правительства перемен» на основе коалиции «Лиги» и «Движения пяти звезд». Впервые в рамках одного коалиционного правительства произошло объединение новых правых популистов с новыми левыми популистами, хотя оно и оказалось достаточно краткосрочным, просуществовав всего год – до сентября 2019 г.

Не менее интересно в этом контексте и коалиционное правительство Себастьяна Курца в Австрии с 18 декабря 2017 г. по 18 мая 2019 г., построенное на основе возглавляемой им Австрийской Народной Партии и Австрийской Партии Свободы Хайнца-Кристиана Штрахе.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что правый популизм в Австрии имеет куда более глубокие корни, чем во многих других государствах Центральной и Восточной Европы. Имеющий место в Австрии так называемый «лагерный менталитет» (*Lagermentalität*)³ – один из ключевых факторов, формирующих ее политический ландшафт. Он подразумевает разделение общества на три фундаментальные структуры – социал-демократический, консервативный и националистический лагерь. Эти структуры можно считать традиционными, они существуют по меньшей мере с начала XX в. и пережили две мировые и Холодную войну, определяя электоральное поведение австрийцев на протяжении всего этого времени.

И хотя на сегодняшний день мы можем видеть локальные успехи сравнительно молодых политических партий, таких как зеленые (*die Grüne*) или NEOS (либералы), три классических лагеря не уступают своей решающей роли новичкам австрийской политики. Во второй республике националистический (национал-популистский) лагерь был представлен существующей с 1949 г. партией Союз Независимых (*Verband der Unabhängigen*), который в 1955 г. был преобразован в хорошо известную ныне Австрийскую Партию Свободы (FPÖ).

Свою первую значительную роль в политической жизни второй республики она сыграла в 1970 г., поддержав правительство меньшинства Бруно

³ Эта тема рассматривалась многими исследователями, в частности Кристианом Хэрпфером в статье «Выборы в национальрат 1945–1980 и электоральное поведение» (с. 131) [12] и Карлом Учакаром в книге «Политическая система Австрии и Европейский Союз» (с. 143) [13]. Встречается этот термин и в исторических статьях. Например: URL: <https://www.kas.de/web/die-politische-meinung/artikel/detail/-/content/oesterreichs-weimar> (дата обращения: 24.04.2020)

Крайского. Позднее в 1999 г., уже при Йорге Хайдере, партия заняла второе место⁴ (с незначительным отрывом от Австрийской Народной Партии), прочно закрепив за собой репутацию важного игрока внутри Австрии и став одной из самых влиятельных правопопулистских партий Европейского союза в целом.

Уже при Хайдере начала остро подниматься тема миграции, особый акцент начал делаться на противостоянии «политическому исламу» и сохранении культурной идентичности. Затем, под руководством Хайнца Кристиана Штрахе (с 2005 до 2019 г. глава АПС), партия обрела особую популярность как в лице молодых избирателей мужского пола, так и среди рабочего класса. Это видно по аналитике выборов в Европарламент 2016 г., представленных центром SORA⁵. В начале того же года обострились отношения между тогдашними коалиционными партнерами – Австрийской Народной Партией и Социал-Демократической Партией Австрии. Тогдашний мэр Вены Михаэль Хойпль (СДПА) упрекал Себастиана Курца (бывшего тогда министром иностранных дел от АНП) в политическом интриганстве на почве вопроса беженцев и нежелании консерваторов идти на компромисс в отношении условий их пребывания в Австрии⁶.

Конфликт внутри большой коалиции⁷ дал знать о себе после выборов 2017 г., когда АНП отказалась от продолжения сотрудничества с СДПА и сформировала правительство вместе с национал-популистской АПС.

В определенной степени наиболее значимым следует считать даже не сам факт вхождения национал-популистов в коалицию и, соответственно, правительство, а серьезную смену имиджа и политической риторики консервативной народной партии, отказавшейся от умеренности и центристской риторики в вопросах приема беженцев и начавшей в унисон со своими новыми союзниками стремительно акцентировать в своей повестке курс на сохранение культурной идентичности.

Однако, учитывая австрийскую внутриполитическую специфику, это едва ли можно считать большой неожиданностью. Как отмечалось выше, лагерный менталитет подразумевал наличие довольно большого «спящего» лагеря националистов, лишь ожидавшего удобной конъюнктуры, вынуждающей центристские партии искать его поддержки. В отличие от немецкой политической арены, где до появления «Альтернативы Для Германии» в 2013 г. национал-популисты были представлены лишь маргинальной НДПГ (NPD), не

⁴ Nationalratswahlen. Wien: Bundesministerium inners. URL: https://www.bmi.gv.at/412/Nationalratswahlen/Nationalratswahl_1999/start.aspx (accessed: 25.04.2020).

⁵ ISA SORA wahlanalyse stichwahl 2016. Wien: SORA. URL: https://strategieanalysen.at/wp-content/uploads/bg/isa_sora_wahlanalyse_stichwahl_2016.pdf (accessed: 25.04.2020).

⁶ “Debatte um Asyl-Obergrenze: Häupl wirft Kurz ‘Intrigantentum’ vor” // Der Standard, 3 Jänner 2016. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000028380478/asyl-haslauer-verknuepft-obergrenze-mit-sozialleistungen> (accessed: 25.04.2020).

⁷ Этим термином обозначается привычная для Германии и Австрии коалиция социал-демократов и консерваторов.

оказывавшей никакого значимого влияния ни на политические процессы, ни на общественное мнение, австрийские националисты уже с середины XX в. (VdU, FPÖ, позднее так же BZÖ) имели существенный вес и куда более высокую степень признания и одобрения. В отрыве от этих партий, но в связи с особенностями восприятия национализма в Австрии можно вспомнить и избрание Курта Вальдхайма, бывшего офицера разведки вермахта, президентом Австрии в 1986 г.

О первых серьезных изменениях в миграционной политике, начатых после вхождения Австрии в ЕС, пишет и Бернхард Першинг (в сборнике Эммериха Талоса по черно-синей коалиции и правительству Вольфганга Шюсселя). Автор, в частности, указывает на такие изменения, как более чем двукратное сокращение допустимого лимита приема беженцев (с 17 320 человек до 8660), ограничение прав родственников беженца и ужесточение требований по знанию немецкого языка для получения гражданства [14, р. 295]. При этом наиболее интересен тот факт, что этот пакет был принят и вступил в силу еще при правительстве канцлера Виктора Клина (СДПГ).

Таким образом, не следует считать, что возникновение национал-популистских партий (или националистического лагеря как такового) в Австрии и их становление как реальной политической силы обусловлено миграционным кризисом 2015 г. При всей значимости этого фактора, как катализатора для формирования новой коалиции, он не являлся первопричиной появления правого популизма в Австрии.

Если же ставить вопрос в духе концепции правого поворота, то можно, с определенной долей обобщения, сказать что в Австрии его в целом не произошло. Это подтверждается и тем, что после долгих коалиционных переговоров с осени 2019 г. до января 2020 г. Себастиан Курц (уже как австрийский канцлер от АПС) вступил в коалицию с партией зеленых (die Grüne).

Таким образом, можно сделать еще один вывод, или, в определенном смысле, переформулировать предыдущий: правый популизм всегда был одним из элементов политического дискурса в Австрии; его ситуативное значение колебалось от одного электорального периода к другому, но он никогда не табуировался, поэтому приход национал-популистов в то или иное правительство следует воспринимать как естественные колебания внутри стабильной системы, а не как резкий разворот, несущий ей угрозу разрушения.

В срезе второй половины 2019 и начала 2020 г. можно отметить еще одну проблему, коснувшуюся австрийских правых популистов – раскол их лагеря на две партии: АПС и Ада (Альянс для Австрии, Die Allianz für Österreich). Последняя представляет собой ту часть старой партии, которая поддержала Хайнца-Кристиана Штрахе в его конфликте с Норбертом Хофером и Гербертом Киклем (бывшим министром внутренних дел от АПС в коалиции 2017–2019 гг.). Штрахе поддержала значимая часть бывших однопартийцев, которая автоматически дала новой партии членство в венском городском

совете (Wiener Gemeinderat)⁸. Осенью этого года должны состояться очередные выборы в этот местный законодательный орган, на которых произошедший раскол может сказаться непредсказуемым образом. Во всяком случае, ясно то, что набрать результат, аналогичный достигнутому на прошлых выборах до раскола, обеим партиям будет крайне сложно.

На федеральном уровне готовность Курца к коалиции с ослабшим бывшим партнером (в случае расторжения соглашения с зелеными) тоже остается под вопросом. С одной стороны, будучи очищенной от Штрахе и его сторонников, партия Хофера может быть более легким и управляемым партнером, чем ранее. С другой стороны, в условиях, когда у партии ослабла народная поддержка, она становится менее интересной с точки зрения укрепления коалиционной легитимности. Так или иначе, этот вопрос решится в ходе идеологической борьбы, которая неизбежно активизируется, как только спадет кризис с коронавирусом. Значительная часть социальных проблем остались нерешенными. Среди них налоговая реформа, реформа страхования, пересмотр коллективных трудовых договоров. Не закончено и разбирательство по коррупционным скандалам, принявшее новые обороты после того, как Конституционный суд Австрии запретил парламенту ограничивать круг вопросов, который расследует парламентский следственный комитет⁹. К тому же австрийской оппозиции в целом и у националистов в частности остается много вопросов по поводу проектов реформ министерства юстиции, планируемых законодательных нововведений в области безопасности, мониторинга данных и, конечно же, охране границ.

Говоря о текущем моменте, мы, безусловно, должны отметить, что согласно данным «евробарометра»¹⁰ индекс негативного восприятия австрийцами людей нетитульной нации (и в частности мусульман) существенно выше среднеевропейского и уступает внутри ЕС лишь Греции, Кипру, Литве, Болгарии и Чехии. Для сравнения в Германии аналогичные показатели находятся на среднеевропейском уровне. Уровень поддержки ключевой национал-популистской партии «Альтернатива для Германии», АдГ (Alternative für Deutschland, AfD), среди молодежи в Германии составляет 6% [15, с. 31] и не сравним с аналогичным показателем австрийской FPÖ, составившим в 2019 г. на выборах в национальрат 20%¹¹.

⁸ Abgeordnete zum Wiener Landtag und Mitglieder des Gemeinderates der Stadt Wien. [Internet]. Wien: Stadt Wien. URL: <https://www.wien.gv.at/advuew/internet/AdvPrSrv.asp?Layout=polstelle&Type=K&stellecd=1997031808394662&hlayout=politikersuche&AUSSSEN=Y> (accessed: 25.04.2020).

⁹ “Weg für erweiterten Ibiza-U-Ausschuss frei”// Der Standard 9. März 2020. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000115554551/weg-fuer-erweiterten-ibiza-u-ausschuss-frei> (accessed: 25.04.2020).

¹⁰ Public Opinion. European commission. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm> (accessed: 25.04.2020).

¹¹ Wahlanalyse Nationalratswahl 2019. Wien: SORA. URL: https://www.sora.at/fileadmin/downloads/wahlen/2019_NRW_Wahlanalyse.pdf (accessed: 25.04.2020).

Характерно и то, что АдГ популярна в основном на территории бывшей ГДР, которую принято считать менее экономически развитой и, как следствие, более склонной к радикализму. Во многом АдГ является партией протеста, своего рода «кандидатом против всех», каким в свое время была небезызвестная «Партия Пиратов». Наибольшие результаты партия закономерно демонстрирует в Дрездене – бывшем оплоте НДПГ, большая часть электората которого перешла к АдГ, но в 2019 г. партия показала очень сильный результат и в Тюрингии, получив 23,4% голосов на выборах в местный ландтаг¹². Этот успех стал шокирующим для Христианского демократического союза Германии (ХДС), традиционно доминировавшей в этом регионе, но занявшей по итогам выборов 3-е место (после АдГ и левых популистов “die Linke”) с результатом в 21,7%. Столь высокие результаты, однако, не привели к закреплению за АдГ прочного места в правительстве этой федеральной земли. Напротив, старые партии, воспринимающие АдГ как недопустимых радикалов, планируют устроить перевыборы в 2021 г.

На федеральном уровне политические возможности АдГ так же ограничены демонстративной изоляцией со стороны остальных партий. Меркель и ХДС в целом многократно давали довольно четкие сигналы того, что АдГ в правительстве и коалиции они не хотят видеть ни при каких обстоятельствах. Так, в интервью, опубликованном в авторитетном издании FAZ, вице-председатель парламентского клуба ХДС в бундестаге выражал скепсис по поводу готовности АдГ очиститься от радикалов и охарактеризовал устремления руководства этой партии стать более «умеренной» как ситуативный пиар-ход. Схожее мнение высказала и его коллега от социал-демократической партии Эва Хегль¹³. Сформировать партнерские отношения с левыми популистами или зелеными АдГ также не имеет шансов ввиду слишком больших идеологических расхождений.

Нельзя не отметить и то, что в условиях эпидемии коронавируса политические предпочтения немецких граждан сместились ближе к центру и существенно отделились от артикулируемых АдГ тем миграции и идентичности в пользу безопасности и экономики.

Исходя из этого, в отношении Германии (так же как и в рассмотренном выше случае с Австрией) говорить о правом повороте нельзя. Однако в обоих случаях можно говорить о том, что колебания общественного мнения, вызванные острыми темами миграционного кризиса, политики в отношении беженцев, открытости границ и вопроса культурной идентичности, привели к определенному всплеску популярности этих партий в последние годы. Что

¹² Landtagswahl 2019 in Thüringen – endgültiges Ergebnis [Internet]. Erfurt: Thüringer Landesamt für Statistik. URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl1/wahl.asp?wahlart=LW&wJahr=2019&zeigeErg=Land> (accessed: 25.04.2020).

¹³ «Durchsichtiges PR-Manöver» // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 23.03.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/aufloesung-des-afd-fluegels-durchsichtiges-pr-manover-16691985.html> (accessed: 25.04.2020).

особенно важно – они стали еще более обсуждаемыми и узнаваемыми на международной арене.

Не менее значимым свидетельством укрепления позиций правых популистов уже в общеевропейском масштабе стали результаты выборов в Европарламент в мае 2019 г. По их итогам в Европарламенте была создана фракция «Идентичность и демократия», пришедшая на смену фракции «Европа наций и свобод», которая действовала в предыдущем созыве Европейского Парламента в 2015–2019 г. Если «Европа наций и свобод» имела только 37 депутатских мест, то «Идентичность и демократия» получила 73 места в Европарламенте, тем самым в два раза увеличив свое представительство. Ребрендинг правого популизма стал отражением перестановки сил среди евроскептиков: если во фракции «Европа наций и свобод» первую роль играл французский «Национальный фронт» Марин Ле Пен, ныне переименованный в «Национальное объединение», то в новой группе правых популистов «Идентичность и демократия» лидерство перешло от французского «Национального объединения» к итальянской «Лиге» Маттео Сальвини, которому удалось сделать председателем фракции представителя своей партии Марко Дзанни.

Данное изменение баланса сил в Европарламенте отражает электоральные успехи новых популистов в Италии. Именно «Лиге» на выборах в Европарламент удалось заручиться поддержкой 34,3% итальянцев. Обладая наибольшим количеством голосов среди правопопулистских партий Европы, Маттео Сальвини стал претендовать на роль своеобразного лидера евроскептиков-суверенистов, отстаивающих свой национально-государственный, равно как и социально-государственный суверенитет перед лицом наднациональной региональной интеграции ЕС. Для сравнения во Франции французское «Национальное объединение» заручилось поддержкой 23,31% голосов избирателей, то есть на 11 % меньше, чем итальянская «Лига». Соответственно партия Сальвини по итогам выборов мая 2019 г. имеет в Европарламенте 28 мест, а партия Ле Пен – 22 места. Третью позицию занимает немецкая «Альтернатива для Германии» с 11 местами. В Германии на европейских выборах она заручилась поддержкой 11% немцев. Получив 11% голосов, ультраправая «Альтернатива для Германии» выступила хуже, чем ожидалось. Это объясняется продолжающимися до настоящего времени скандалами вокруг пожертвований в пользу партии, ее неспособностью очистить руководящие кадры от расистов, а также внутрипартийной борьбой [13, р. 31].

Важно отметить, что представительство новых популистов в Европарламенте не исчерпывается только теми партиями, которые входят во фракцию «Идентичность и демократия». В предыдущем созыве Европейского парламента существовала фракция «Европа за свободу и прямую демократию» под лидерством британского евроскептика Найджела Фараджа. В эту фракцию также входило итальянское «Движение 5 звезд», которое является участником последовательно двух коалиционных правительств Джузеппе Конте в Италии – сначала в коалиции с «Лигой», а с сентября 2019 г. – в коалиции с

«Демократической партией». В связи с событиями Брекзита фракция «Европа за свободу и прямую демократию» была упразднена, поэтому в настоящий момент «Движение 5 звезд», получившее на выборах в Европарламент 17,1% голосов итальянцев, не входит ни в одну европейскую фракцию.

Также к феномену нового популизма может быть причислена фракция Европарламента «Европейские консерваторы и реформисты», куда входят, в частности, польская правящая партия «Право и справедливость», испанские национал-популисты из партии «Голос» (*Vox*) и итальянская правопопулистская партия «Братья Италии» (*Fratelli d'Italia*) во главе с Джорджией Мелони. В текущем IX созыве Европарламента «Европейским консерваторам и реформистам» принадлежит 59 мест.

Наконец, следует упомянуть, что помимо представителей правого популизма в Европарламенте присутствуют и новые левые популисты. Они объединены преимущественно во фракции «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера». В IX созыве они имеют 41 депутата. Во фракцию входят, к примеру, немецкая партия «Левые» (*Die Linke*), греческая «Сириза», французская левопопулистская «Непокоренная Франция» Жан-Люка Меланшона.

Выводы

В целом правые популисты Европы усилили свои позиции вследствие европейского миграционного кризиса и предшествовавшего ему кризиса еврозоны, однако на данный момент их нельзя оценивать в качестве единого политического блока. Среди новых популистов всегда существовали многочисленные размежевания. В первую очередь, следует отметить, что единый «популистский лагерь», объединяющий левопопулистский и правопопулистский фланги, так никогда и не был сформирован. Хотя в рамках завершённой формы популизма существует тенденция к слиянию воедино «левых» и «правых» черт, о чем свидетельствует, например, движение «желтых жилетов» во Франции. В частности, конфликт между популистами «левого» и «правого» толка достаточно ярко проявился среди итальянских новых популистов при голосовании за кандидатуру Урсулы фон дер Ляйен на пост главы Еврокомиссии. Если левые популисты из «Движения 5 звезд» Луиджи ди Майо ее поддержали, то правые популисты из «Лиги» выступили против. В результате «желто-зеленая» коалиция, выстроенная на основе своеобразного панпопулизма, распалась. Если сравнивать новых правых популистов с левыми, то более значительной электоральной поддержкой пользуются первые, тогда как новые левые популисты от них отстают, что и показали последние выборы в Европарламент.

Уместно добавить, что на данный момент у представителей правого и национального популизма также пока отсутствует единство, несмотря на наличие определенных предпосылок к интеграции политиков правопопулистского и национал-популистского толка. Эти предпосылки заключаются в основном в придании ключевой роли политике национально-государственного

суверенитета своих стран, евроскептицизме или, можно сказать, европессимизме, в акцентировании вопросов безопасности и миграции. Удастся ли этим партиям организовать на такой базе системное взаимодействие – вопрос открытый, но на данный момент о нем говорить еще рано.

Библиографический список

- [1] Казаринова Д.Б., Де Лука Г. Миграция в итальянском политическом дискурсе: опыт эмпирического анализа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 2. С. 90–99.
- [2] Малахов В.С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 10. С. 89–96.
- [3] Казарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- [4] Фромм Э. Здоровое общество. М.: Аст, Транзиткнига, 2005. С. 72.
- [5] Ehnis P., Voigt K. Fromm's Contribution the Analysis and Critique of the Ongoing Rise of Right-Wing Movements. *Fromm Forum* 23. P. 138–152.
- [6] Осколков П. В., Харкевич М. В., Музалевский В. А. Архаика и современный правый популизм в Европе // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 59–68.
- [7] Тэвдой-Бурмули А.И. Правый радикализм в Европе // *Современная Европа*. 2005. № 4. С. 87–94.
- [8] Плассеро Ив. Идентичность народов Европы / пер. с фр. А. Пондопуло. М., СПб.: Нестор-История, 2019. С. 96.
- [9] Collyer M., Haas H. Developing dynamic categorisations of transit migration // *Population, Space and Place*. 2012. № 18 (6). P. 468–481.
- [10] King R. and Lulle A. Research on Migration: Facing Realities and Maximising Opportunities. A Policy Review, Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2016. P. 29. URL: <https://doi.org/10.2777/414370>
- [11] Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 10. С. 97–108.
- [12] Haerpfer C. Nationalratswahlen und Wahlverhalten seit 1945 / Gerlich P., Müller W. Österreichs Parteien seit 1945: zwischen Koalition und Konkurrenz, Wilhelm Braumüller Universitäts-Verlagsbuchhandlung, 1983.
- [13] Ucakar K., Gschiegl S. Das politische System: Österreichs und die EU. Fakultas Verlag, 2010.
- [14] Perching B. Einwanderungs- und Integrationspolitik / Emmerich Talos, Schwarz-Blau: "Eine Bilanz des Neu-Regierens". Lit Verlag, 2006.
- [15] Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019.

References

- [1] Kazarinova D.B., De Luca G. Migration in the Italian political discourse: the experience of empirical analysis. *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64 (2): 90–99. (In Russ.).
- [2] Malakhov V.S. Global governance in the field of migration: theory, institutions, politics. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63 (10): 89–96. (In Russ.).
- [3] Kagarlitsky B.Y. *Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism*. М.: 2017. (In Russ.).
- [4] Fromm E. *Healthy Society*. М.: 2005. (In Russ.).
- [5] Ehnis P., Voigt K. Fromm's Contribution the Analysis and Critique of the Ongoing Rise of Right-Wing Movements. *Fromm Forum*; 23: 138–152.

- [6] Oskolkov P.V., Kharkevich M.V., Muzalevsky V.A. Archaism and the Contemporary Right-Wing Populism in Europe. *Contemporary Europe*. 2018. Vol. 1: 59–68. (In Russ.).
- [7] Tevdoy-Burmuli A.I. Right-wing radicalism in Europe. *Contemporary Europe*. 2005, No. 4: 87–94. (In Russ.).
- [8] Plasseraud Y. *The identity of the peoples of Europe* / trans. with French. A. Pondopulo. M.; SPb; 2019. (In Russ.).
- [9] Collyer M., De Haas H. Developing dynamic categorisations of transit migration. *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18 (6): 468–481.
- [10] King R., Lulle A. *Research on Migration: Facing Realities and Maximising Opportunities. A Policy Review*. Luxembourg, Publications Office of the European Union. 2016: 29. DOI: <https://doi.org/10.2777/414370>
- [11] Tsapenko I.P. Promising technologies for the integration of migrants. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63 (10): 97–108. (In Russ.).
- [12] Haerpfel C. National Council elections and electoral behaviour since 1945. In: Gerlich P., Müller W. *Austrian parties since 1945: between coalition and competition*, Wilhelm Braumüller Universitäts-Verlagsbuchhandlung. 1983. (In Germ.).
- [13] Ucakar K., Gschiegl S. *The Political System: Austria and the EU*. Fakultas Verlag; 2010. (In Germ.).
- [14] Perching B. “Immigration and integration policy”. In: Talos E. *Black and blue: a Bilanz of “re-governing”*. Lit Verlag; 2006. (In Germ.).
- [15] Rivera E., Davis M., Bunevich D. “Identity and Democracy”: *ultra-right in the European Parliament*. M.: Institute for Foreign Policy Studies and Initiatives; 2019. (In Russ.).

Информация об авторах:

Сигачев Максим Игоревич – кандидат политических наук, младший научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: maxsig@mail.ru).

Слепцов Эрнест Сергеевич – аспирант Центра промышленных и инвестиционных исследований Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: ernest89@mail.ru).

Фадеев Эдуард Вячеславович – независимый политолог (ORCID ID 0000-0002-5170-9365) (e-mail: fadeeveduard@gmail.com).

Information about the authors:

Maxim I. Sigachev – PhD of Political Science, Junior Research Fellow at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: maxsig@mail.ru).

Ernest S. Sleptsov – Postgraduate Student at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (ORCID ID 0000-0001-7977-6888) (e-mail: ernest89@mail.ru).

Eduard V. Fadeev – Independent Political Scientist (ORCID ID 0000-0002-5170-9365) (e-mail: fadeeveduard@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486

Научная статья / Research article

От «Национального Фронта» к «Национальному Объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии

Е.А. Захарова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российская Федерация, 111395, Москва, Проспект Вернадского, 76
eva5094@mail.ru

Аннотация. 1 июня 2018 г. произошел ребрендинг партии «Национальный Фронт», которая теперь называется «Национальное Объединение». Это было сделано с тем, чтобы уйти от ассоциации с антисемитизмом и антиисламизмом, а также улучшить имидж партии. При этом старый символ партии – пламя – сохранено как дань уважения «старой гвардии» партии, заявления президентской кампании Марин Ле Пен были в неизменном виде были перенесены на новый сайт партии. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, изменилась ли повестка дня партии после ее ребрендинга или же он носил формальный характер. Исследовательский вопрос, который ставит автор, заключается в том, можно ли говорить о том, что партия корректирует политический курс с целью привлечения электората, или основные идеи остаются неизменными. В качестве метода исследования автор использовал метод анализа документов, провел анализ программ партии и их сравнение. Автор приходит к выводу, что хотя из повестки ушли призывы бороться с мигрантами-мусульманами и внимание теперь сосредоточено на экономических вопросах, партия нацелена на проведение ассимиляционной политики в отношении мигрантов. Такая политика представляет собой смягченную версию борьбы с инокультурной миграцией.

Ключевые слова: ребрендинг, Национальное Объединение, миграция, ассимиляционная политика

История статьи: Поступила в редакцию 05.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Захарова Е.А. От «Национального Фронта» к «Национальному Объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 475–486. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 19-311-90035 «Политическая культура как фактор влияния на электоральное поведение граждан на субнациональном уровне политики во Франции и Германии».

© Захарова Е.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

From Front National to Ressemblment National in France: Rebranding the Party Image

Evgenia A. Zakharova

MGIMO University
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russian Federation
eva5094@mail.ru

Abstract. On the 1st June 2018 Front National changed its name to Rassemblement National – a measure to break away from antisemitism and anti-Islamism, to create a better party image. However, the old symbol – the flame – has been preserved as a tribute to “old guard” of the party, and Marine Le Pen’s presidential campaign statements were transferred to the party’s new website unchanged. The aim of this article is to examine if the party changed its agenda after re-branding or if it remained a formality. The research question is whether the party tries to attract electorate by changing its political course or it leaves the main ideas intact. Author tries to address the research question by using document analysis method and comparative analysis of the party’s programs. Though the party no longer calls for fighting Muslim-migrants and focuses on economic issues, author concludes, that it still aims at promoting assimilation policy which is a milder version of fight against migrants coming from other cultures.

Keywords: party rebranding, Rassemblement National, migration, assimilation

Article history: Submitted on 05.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Evgenia A. Zakharova. From Front National to Ressemblment National in France: Rebranding the Party Image. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 475–486. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project “Political culture as the factor of electoral behavior at subnational politics in France and Germany”, RFBR grant No. 19-311-90035.

1 июня 2018 г. произошел ребрендинг партии «Национальный Фронт», которая с этого времени носит название «Национальное Объединение». Это решение, о котором было объявлено 11 марта 2018 г.¹, носило как символический, так и политический характер с тем, чтобы уйти от «демонизации» партии в публичном пространстве [1, с. 89]. Цель статьи заключается в сопоставлении программ «Национального Фронта» и «Национального Объединения» с тем, чтобы выяснить, какие пункты программы и какие символы партии были изменены. Исследовательский вопрос, который ставит автор, заключается в том, можно ли говорить о том, что партия корректирует политический курс с целью привлечения электората, или основные идеи остаются неизменными. Автор собирается ответить на поставленный вопрос с помощью метода анализа документов, а именно анализа программ партии (до и после переименования), а также с помощью применения сравнительного метода, который

¹ Cinq questions sur le changement de nom du FN // Le Monde. 2018. 12 mars. URL : https://www.lemonde.fr/politique/article/2018/03/12/cinq-questions-sur-le-changement-de-nom-du-fn_5269772_823448.html (accessed: 10.12.2019).

позволяет автору выявить различия, существующие между программой «Национального Фронта» и «Национального Объединения».

Сам по себе бренд является не чем иным, как хорошим именем и образом какого-либо товара [2]. Бренд является тем инструментом, который заставляет потребителя выбрать тот или иной товар, отдав предпочтение ему вместо товара-конкурента, при этом у потребителя формируется эмоциональная привязанность к выбранному им бренду (лояльность) [3]. Создание политических брендов возникло из создания брендов в маркетинге.

Т. Парсонс, например, писал о том, что голосование за кандидата можно рассматривать как «обобщенную уступку власти», которая ставит победившего политика в положение, аналогичное положению банкира [4].

П. Бурдые рассматривал политическое поле как место, где в конкурентной борьбе между агентами, в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых должны выбирать обычные граждане («потребители»), тем более рискующие, чем более они удалены от места производства («политическое поле» в данном случае является эвфемизмом понятия «политический рынок») [5, с. 182].

По аналогии с коммерческим маркетингом цели политического маркетинга определены как оказание помощи «производителю» (государству, партии, кандидату, общественной организации и т.д.) в достижении его целей посредством максимально полного удовлетворения потребителя (гражданина, избирателя) при минимальном (рациональном) использовании ресурсов [6].

Брендинг позволяет задать концептуальную рамку, с помощью которой можно развести связь между функциональным восприятием партии и лидеров (а именно развести экономическое управление, претворение политического курса в жизнь) и эмоциональными привязанностями (такими, как восприятие лидера как «одного из нас», его аутентичность, возможность обратиться к нему напрямую и его общая привлекательность) [3]. При этом различают брендинг партии и партийного (политического) лидера, поскольку для них существуют разные ассоциации в сознании избирателей [7]. Тем не менее в совокупности два вида брендинга приводят к объединению рационального и иррационального восприятия партии и лидера, что в итоге формирует общий бренд [3]. Зачастую политический бренд имеет большое значение, когда избиратели формируют свои электоральные предпочтения и отдают голос за того или иного кандидата [8].

Партия стремится удовлетворить избирателей, чтобы получить их поддержку, в связи с чем она прибегает к политическому маркетингу, осознавая, что в электоральной борьбе необходимо сместить акценты с идеологического противостояния партий на конкурентное обслуживание избирателей [9]. Учитывая, что электорат зачастую принимает решение о голосовании за ту или иную партию на основании таких факторов, как лояльность партийному бренду, групповая принадлежность и партийная идентификация [10], вопрос ребрендинга встает перед партией тогда, когда ее старый имидж не позволяет добиться победы на выборах. Например, ребрендинг образа Т. Блэра

применялся накануне выборов 2005 г. в Великобритании, когда Лейбористская партия опасалась потери электората, который ощущал себя бессильным и искал другие пути большего вовлечения в политические процессы. Кроме того, партия опасалась того, что консерваторы могут использовать настроения против Т. Блэра и, таким образом, победить на выборах [3].

Для привлечения электората также необходима работа с символами, которые ассоциируются с партией. В данном случае символы понимаются как знаки или изображения, которые «воплощают» явления или идеи [11]. Для Национального Объединения такими символами выступают пламя, основной цвет партии, ассоциация с эпохой колониализма [12], а также с политикой, направленной против мигрантов, в первую очередь, из мусульманских стран. Ребрендинг партии связан с тем, что Марин Ле Пен, после поражения на президентских выборах 2017 года и следующих за ними парламентских выборах, стремится расширить электоральную базу². С нашей точки зрения, символическая политика партии сыграла не в ее пользу: элиты не только сами создают символы, но и находятся под воздействием интерпретации социально-политической реальности другими акторами [11]. В случае с Национальным Объединением ассоциация с антисемитизмом и антиисламизмом не позволила привести партию к победе³. Именно по этой причине Марин Ле Пен предпринимает последовательные шаги по улучшению имиджа партии, стремясь «демонизировать» ее [13; 14].

Как отмечал Э. Лакер, французский социолог и специалист по правым партиям, целью ребрендинга является приход к власти посредством поиска новых возможностей для обретения союзников⁴. С символической точки зрения, Национальный Фронт является изначально партией отца Марин Ле Пен Жана-Мари. Переименование партии в Национальное Объединение – попытка Ле Пен переориентировать ее на себя, принимая во внимание тот факт, что она уже создавала «Объединение темно-синих⁵». Это была политическая коалиция, созданная 24 марта 2012 г. на учредительном съезде партии «Суверенитет, идентичность и свободы» (*Souveraineté, identité et libertés*). Эта коалиция объединяла представителей различных партий, которые позиционировали себя как патриоты, и была создана в рамках избирательной кампании в законодательные органы в 2012 г. В результате одним из депутатов от коалиции стала племянница Марин, Марион Марешаль Ле Пен. В 2013 г. коалиция присоединялась к Партии Отечества и Гражданства (*Partie Patrie et citoyenneté*). Коалиция распущена в 2016 г. Еще одной причиной, по которой

² Cinq questions sur le changement de nom du FN // Le Monde. 2018. 12 mars. URL : https://www.lemonde.fr/politique/article/2018/03/12/cinq-questions-sur-le-changement-de-nom-du-fn_5269772_823448.html (accessed: 10.12.2019).

³ Ibid.

⁴ Cinq questions sur le changement de nom du FN // Le Monde. 2018. 12 mars. URL : https://www.lemonde.fr/politique/article/2018/03/12/cinq-questions-sur-le-changement-de-nom-du-fn_5269772_823448.html (accessed: 10.12.2019).

⁵ С французского *bleu Marine* – темно-синий, а также связь с именем Марин Ле Пен.

партия стала носить название Национальное Объединение, является то, что с 1986 по 1988 г. в Национальном собрании существовала парламентская группа «Национальный Фронт – Национальное объединение», Жан-Мари Ле Пен представлял списки в законодательные органы в 1986 г. от этой парламентской группы. Таким образом, с одной стороны, название должно полностью ассоциироваться с Марин Ле Пен, с другой – прослеживается преемственность политической жизни отца Марин. Переименование партии также вызвало недовольство со стороны распущенной 22 февраля 2018 г. ассоциации «Национальное объединение», члены которой политически считали себя приверженцами голлизма и республиканизма⁶. С этой позиции можно говорить о том, что Марин Ле Пен пытается трансформировать имевшиеся смыслы и ассоциации, связанные с названием «Национальное объединение» и сконструировать новый миф, поскольку он создается из материала, уже обработанного с целью определенной коммуникации [15].

В этой связи примечательным является тот факт, что символ партии – пламя – сохранен, как дань партийной «старой гвардии». С начала своего существования Национальный Фронт причислял себя к крайне правым партиям. В первой редакции огонь был синего, белого и красного цветов, а на красном фоне были буквы FN, подразумевающие Национальный Фронт. Точно такой же символ был у изначально неонацистской партии «Итальянское социальное движение», основанной группой ветеранов партии Б. Муссолини⁷. За время существования партии символ претерпел изменения и сейчас меньше похож на пламя. После переименования партии изменился цвет фона символа. Он стал темно-синим, в чем также прослеживается отсылка к «Объединению темно-синих» и к самой Марин Ле Пен⁸. Символически партия выстраивала свою деятельность вокруг создания внутреннего единства через «стирание» различий, а также продвижения и сохранения «исконно» французских ценностей [16]. Она создавала образ большой семьи настоящих французов, чье место в мире было четко определено, а именно ее превосходное положение ко всем, кто отличался от «семьи» партии [17].

Партия «Национальный Фронт» считалась также символом колониальной мысли⁹ и ассимиляционной политики интеграции мигрантов. Под ассимиляцией подразумеваются попытка инкорпорировать представителей микрокультуры в более крупную или усилия по созданию более гомогенного общества. Впервые термин начал использоваться во время существования колоний, а

⁶ Rassemblement National: un nouveau nom, plusieurs questions // Europe 1. 2018. 12 mars. URL : <https://www.europe1.fr/politique/rassemblement-national-un-nouveau-nom-plusieurs-questions-3597242> (accessed: 11.12.2019).

⁷ *Igounet V.* D'où vient la flamme du FN ? // L'Histoire. 2014. Juin. URL : <https://www.lhistoire.fr/du-vient-la-flamme-du-fn> (accessed: 10.12.2019.)

⁸ Rassemblement National. Official site. URL: <https://rassemblementnational.fr/categorie/discours/> (accessed: 10.12.2019).

⁹ *Endoume R.* Le Front National, symbole de la pensée coloniale et assimilationniste française // Mediapart. 2017. 30 avril. URL: <https://blogs.mediapart.fr/romain-endoume/blog/300417/le-front-national-symbole-de-la-pensee-coloniale-et-assimilationniste-francaise> (accessed: 12.12.2019).

затем вновь вернулся в политический дискурс в XX в. Термин используется как в отношении колонизированных народов, когда метрополия распространяет свое влияние на новые территории, так и в отношении мигрантов, которые прибывают в принимающую страну. Процесс ассимиляции можно считать завершенным, когда новые члены общества становятся неотличимы от представитель более крупной, доминантной культуры [18]. При ассимиляционной модели мигранты рассматриваются как лица, заключившие контракт с государством. Они обязаны принять традиции и обычаи принимающей страны, идентифицировать себя с местным населением. Правительства прибегают к данной модели по той причине, что культурные отличия могут восприниматься как потенциальная угроза сложившимся в обществе ориентирам. В сущности, принимающее общество видит в чужеродной культуре угрозу своему выживанию [19]. «Национальный Фронт» – скорее симптом, который отражает существующие во французском обществе настроения отрицания прав меньшинств. Эти идеи разделяли, например, Ф. Фийон и Ж.-Л. Меланшон в своих выступлениях¹⁰. Партия «Национальный Фронт» была создана ветеранами боевых действий в Алжире в 1957 г. [12], непризнание прав мусульманского меньшинства являлось сущностью партии более 50 лет [20].

На президентских выборах 2017 г. Марин Ле Пен выступала за закрытие границ и выход из ЕС. В числе ее электората были те, кто верил, что Франция теряет свою идентичность и суверенитет¹¹. В ее программе были подробно представлены меры, которые она готова была предпринять в отношении регулирования миграционной политики и в отношении борьбы с терроризмом и нераспространения радикального ислама:

1. Восстановить национальные границы и выйти из Шенгенской зоны.
2. Сделать невозможным официальную регистрацию или натурализацию нелегальных мигрантов.
3. Сократить легальную миграцию до 10000 человек в год.
4. Упразднить «право земли» и двойного гражданства.
5. Вернуться к изначальному пониманию права на убежище¹².
6. Запретить и ликвидировать любые связанные с исламистами организации.
7. Закрыть все мечети, в которых звучит призыв к фундаменталистскому исламу.
8. Борьба с джихадистскими ячейками.
9. Лишать права на гражданство лиц, уличенных в участии в подобного рода деятельности.

¹⁰ *Endoume R.* Le Front National, symbole de la pensée coloniale et assimilationiste française // *Mediapart*. 2017. 30 avril. URL: <https://blogs.mediapart.fr/romain-endoume/blog/300417/le-front-national-symbole-de-la-pensee-coloniale-et-assimilationiste-francaise> (accessed: 12.12.2019).

¹¹ A new dawn in French politics // *France24*. 2017. 20 avril. URL: <http://www.france24.com/en/20170425-france-new-dawn-french-politics-presidential-election-macron-le-pen> (accessed: 28.04.2017).

¹² 2312 (XXII). Декларация о территориальном убежище // Резолюции, принятые по докладом Шестого комитета. ООН. 1967. С. 95–96.

10. Улучшать технические средства и качество подготовки человеческих ресурсов, рекрутируемых в органы внутренней и внешней разведки¹³.

Среди ключевых пунктов программы также были выделены национальный приоритет, который идет вразрез с принципами Республики и с демократическими институтами и ассоциируется с идеями, поддерживавшимися правительством Виши; национальная идентичность как инструмент борьбы с исламом; закрытие границ Франции и ее превращение в «осажденную крепость» Европы; секьюритизация; патернализм в экономике¹⁴. Марин Ле Пен отмечала, что цель проекта состоит в предоставлении свободы Франции и права голоса народу. Кроме того, она говорила о намерении изменить социальную и фискальную политику государства и поддержать средний и низший классы, которые обнищали ввиду политики государства по обогащению ТНК и поощрению неконтролируемой миграции. В ее предвыборной речи акцент делался на установлении демократической близости между государством и народом, где народ принимает решения как в политической, так и в экономической сферах. Подчеркивалась необходимость переноса бизнеса во Францию и создания рабочих мест как во Франции, так и в заморских территориях¹⁵. Эта программа до сих пор размещена на сайте уже Национального Объединения, что является сигналом того, что радикального изменения во взглядах не произошло. Все 144 предвыборных пункта составляют «сердце» программы партии. Тем не менее на новом сайте нет отдельной графы, посвященной мигрантам-мусульманам, что было в предыдущей версии сайта партии.

Из происшедших изменений следует отметить, что на сайте появился новый раздел: заморские департаменты¹⁶. Им посвящена отдельная программа, опубликованная 26 мая 2019 г. Заморские территории, по версии Ле Пен, являются важной частью Европейского Альянса Наций – коалиции крайне правых националистических партий в Европейском парламенте, созданной накануне европейских выборов 2019 г.¹⁷ В этом разделе сайта отмечается, что

¹³ Mon Projet – Engagements Présidentiels Marine 2017 // Marine Le Pen. 2017. URL: <https://www.marine2017.fr/programme/> (accessed: 28.04.2017).

¹⁴ Le programme Le Pen 2017 au scanner de Mediapart // Mediapart. 2017. 23 Mars. URL: <https://www.mediapart.fr/journal/france/230317/le-programme-le-pen-2017-au-scanner-de-mediapart> (accessed: 12.12.2019).

¹⁵ Le Pen M. Les 144 engagements présidentiels // Rassemblement National. 2017. URL: <https://rassemblementnational.fr/le-projet-de-marine-le-pen/> (accessed: 12.12.2019).

¹⁶ Notre programme pour L'Outre-Mer // Rassemblement National. 2019. URL: <https://rassemblementnational.fr/notre-programme-pour-loutre-mer/> (accessed: 30.12.2019).

¹⁷ Le RN et la Ligue fondent « la première force souverainiste » au Parlement // L'Express. 2019. 13 juin. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/le-rn-et-la-ligue-fondent-la-premiere-force-souverainiste-au-parlement-europeen_2083867.html (accessed: 30.12.2019). После выборов коалиция взяла название «Идентичность и демократия» (13 июня 2019 г.) и включает в себя партии: Национальное Объединение (Франция), Альтернатива для Германии (ФРГ), Лига (Италия), Истинные финны (Финляндия), Австрийская партия свободы (Австрия), Фламандский интерес (Бельгия), Свобода и прямая демократия (Чехия), Датская народная партия (Дания), Консервативная народная партия Эстонии (Эстония).

заморские территории являются неотделимой частью Франции, ее территории, истории, наследия и народа, в связи с чем Марин Ле Пен уделяет им большое внимание в своей президентской программе. Заморские департаменты позволяют Франции быть сильной морской державой, за счет чего, совокупно с развитием сотрудничества европейских стран, она может создать европейские ВМС, способные противостоять великим неевропейским державам. Эти территории рассматриваются как пространство безопасности, которое ограждает Францию и Европу в целом от миграционных потоков и позволяет развивать мелкий и средний бизнес¹⁸. Национальное Объединение провозглашает, что генеральный директорат по международному сотрудничеству и развитию должен контролировать миграционные потоки. Тем не менее примечателен тот факт, что акцент в представленной программе сделан на развитие экономики, миграционные вопросы рассматриваются не предметно, а как сопутствующие экономическим вопросам, которые в тексте выделены цветом и жирным начертанием. В программе, посвященной развитию окраин, 2019 г. особо подчеркивается тот факт, что слово «миграция» упоминается на страницах всего 3 раза¹⁹.

Что касается плана по миграции и предоставлению убежища, то и здесь акценты смещены: нет упоминания именно мигрантов-мусульман, а среди действий первыми идут те, которые касаются усиления контроля на границах и изменения закона о приеме мигрантов и беженцев. От Национального Фронта в более мягкой форме остается поддержка ассимиляционной стратегии по интеграции мигрантов в инокультурное общество, прописаны условия лишения гражданства, а также то, что публичные должности должны предоставляться приоритетно по национальному признаку (французам). Кроме того, подчеркивается ориентированность на поддержание и сохранение светскости государства²⁰. Можно сказать, что в этом заключается основное изменение, которое предпринимает партия для того, чтобы отойти от ассоциации с расизмом и ксенофобией, однако связь с «колониальной мыслью» сохраняется.

После успеха на выборах 2019 г. в Европарламент (партия набрала 23% голосов от Франции²¹) Национальное Объединение проводит кампанию перед муниципальными выборами 2020 г. Особенно результативными оказались поездки в северные департаменты, в которых высок уровень безработицы, а также средиземноморские департаменты, в которых до сих пор

¹⁸ L'Outre-mer au cœur de l'Alliance Européenne des Nations // Rassemblement National. 2019. 26 mai. URL : https://rassemblementnational.fr/pdf/PROGRAMME_OUTRE_MER_2019.pdf (accessed: 30.12.2019).

¹⁹ Le Pen M. Plan Le Pen pour les banlieues // Rassemblement National. 2019. URL: https://rassemblementnational.fr/telecharger/publications/A4_LIVRET_PLAN_BANLIEUE_HD.pdf (accessed: 02.01.2020).

²⁰ Le Pen M., Aliot L. et autres. Stopper, proposer et agir ! Asile/Immigration // Rassemblement National. 2019. URL: https://rassemblementnational.fr/telecharger/publications/A4_LIVRET_ASILE_IMMIGRATION_DEF_HD_STC.pdf (accessed: 02.01.2020).

²¹ European Parliament 2019-2024, Voting by country – France. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/france/> (accessed: 02.01.2020).

сохраняется память об алжирской войне (здесь поддержка Ле Пен достигает 40%)²². Для того чтобы отойти от ассоциации с расистской партией, Марин Ле Пен работает не столько с большими городами, сколько с теми, в которых население не превышает 65 тысяч человек. Это позволяет партии работать на низовом уровне и рекрутировать молодых инициативных граждан, желающих реализоваться в политической деятельности. Таким образом, обновление состава партии также изменяет ее облик. Работа на локальном уровне обновленным составом позволяет показать, что партия решает ежедневные задачи, понимает и разделяет насущные желания избирателей²³. Примечателен тот факт, что локальная политика оказывается важнее идеологических противостояний. Так, например, в коммуне Фрежюс (где мэром является представитель Национального Объединения Давид Рашлин²⁴, департамент Вар²⁵) мигрант из Марокко, владелец магазинчика, отметил, что благодаря предоставленной мэром возможности для развития малого бизнеса мигрант изменил свое мнение о партии на более позитивное²⁶. Это также является свидетельством того, что Марин Ле Пен старается создать новый миф о партии.

Таким образом, Национальное Объединение претерпело некоторые изменения по сравнению с Национальным Фронтом. Символически партия изменила основной цвет на темно-синий, подчеркивая то, что Марин Ле Пен является главой партии и устанавливает новую повестку дня и программу партии, а значит, происходит создание нового символа – персонификация партии с Марин, а не Жаном-Мари. Из содержательных изменений необходимо отметить отход от прямой критики мусульман и мигрантов (хотя программа 144 президентских обещаний еще не заменена на более новую версию программы партии) и акцент на развитии малого и среднего бизнеса, вопросах однополых браков, смертной казни, а также на судьбе зоны Евро. Кроме того, партия делает акцент на защите демократических принципов, причем под этим понимается, главным образом, защита интересов граждан и *нации*, отход от обратной дискриминации, а значит, можно говорить о представлении о демократии, которое не совпадает с поддерживаемым Республикой. Партия

²² Piser K. How Marine Le Pen Is Making a Comeback, One French Village at a Time // *Foreign Policy*. 2019. 24 October. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/10/24/marine-le-pen-national-rally-france-local-elections/> (accessed: 02.01.2020).

²³ Le Bureau National. Rassemblement National. URL : <https://rassemblementnational.fr/instances/bureau-national/> (accessed: 02.01.2020).

²⁴ Les élus, Maire de Fréjus. Ville Fréjus. URL : <https://www.ville-frejus.fr/fr/municipalite/les-elus/> (accessed: 02.01.2020).

²⁵ В 2017 г. департамент голосовал в первом туре за Марин Ле Пен, в 2018 г. – имел одно из больших количеств мечетей из всех департаментов Франции, высокий уровень распространения джихадистских идей, большое количество мусульманских имен, данных при рождении (в 2016 г.), а также принял мигрантов в 2017 г. (см. подробнее: [21]).

²⁶ Piser K. How Marine Le Pen Is Making a Comeback, One French Village at a Time // *Foreign Policy*. 2019. 24 October. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/10/24/marine-le-pen-national-rally-france-local-elections/> (accessed: 02.01.2020).

выступает за проведение ассимиляционной политики в отношении мигрантов, а также сохранение секулярного государства во Франции. Наконец, работая на локальном уровне, уделяя внимание ежедневным насущным проблемам и омолаживая кадровый состав, Ле Пен пытается изменить имидж партии, привлечь электорат и «сделать Францию вновь великой», не прибегая при этом к расистским и ксенофобским заявлениям. Таким образом, Национальное Объединение изъяло из повестки дня вопросы, которые приводили к обвинению ее в ксенофобии и антиислализме, при этом идеологические установки партии сохранились, хотя и в более завуалированной форме.

Библиографический список

- [1] *Grondin L.-J.* Du Front National au Rassemblement National : L'Évolution du parti à l'aune des théories du marketing et du rebranding. Montréal: Université de Montréal, 2019. 163 p.
- [2] *Anholt S., Hildreth J.* Brand America: The mother of all brands. London: Cyan Books, 2004. 192 p.
- [3] *Scammel M.* Political Brands and Consumer Citizens: The Rebranding of Tony Blair // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2007. Vol. 611. P. 176–192.
- [4] *Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Sociological Theory and Modern Society.* New York, 1956. P. 306–310.
- [5] *Бурдые П.* Социология политики / П. Бурдые; [пер. с фр.]; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio Logos, 1993. 336 с.
- [6] *Недяк И.Л.* Политический маркетинг. Основы теории. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 352 с.
- [7] *Speed R., Butler P., Collins N.* Contemporary Branding Thought to Political Parties and Their Leaders // *Journal of Political Marketing.* 2015. Vol. 14. No. 1–2. P. 129–151. DOI: 10.1080/15377857.2014.990833
- [8] *Schneider H.* Branding in Politics – Manifestations, Relevance and Identity-Oriented Management // *Journal of Political Marketing.* 2004. Vol. 3. No. 3. P. 41–67. DOI: 10.1300/J199v03n03_03
- [9] *Недяк И.Л.* Маркетизация политики в логике и концепциях политического маркетинга // *PolitBook.* 2013. № 4. С. 31–46.
- [10] *Недяк И.Л.* Политический маркетинг: особенности развития научно-исследовательского направления // *Полис. Политические исследования.* 2010. № 3. С. 144–153.
- [11] *Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // *Символическая политика.* Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 5–16.
- [12] *Comtat E.* “Traumatisme historique” et vote Front National : l’impact de la mémoire de la Guerre d’Algérie sur les opinions politiques des rapatriés // *Cahiers Mémoire et Politique.* 2018. Cahier. No. 5. P. 5–23.
- [13] *Alduy C.* Nouveau discours, nouveau succès // *Pouvoirs.* No. 157 (avril). P. 17–29.
- [14] *Crépon S., Dézé A. et Mayer N.* Les faux-semblants du Front National. Presses de Science Po. 2015. 606 p.
- [15] *Малинова О.Ю.* Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // *Полис. Политические исследования.* 2015. № 4. С. 12–21.
- [16] *Perrineau P.* Le vote disruptif : les élections présidentielles et législatives de 2017. Paris: SciencePo, les presses, 2017. 448 p.

- [17] *Lecœur E.* Le Front symbolique. Dans *Un néo-populisme à la française. Trente ans de Front national*, sous la direction de Lecœur Erwan. Paris, La Découverte, “Cahiers libres”, 2003. P. 218–235.
- [18] *Bennett C. I.* *Comprehensive Multicultural Education: Theory and Practice*. Boston: Allyn and Bacon, 1995. 452 p.
- [19] *Веретевская А.В.* Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО, 2012.
- [20] *Ecuvillon P.* Le phénomène Le Pen : analyse relationnelle, historique et esthétique d’une singularité politique // *Sociologie*. Université Paul Valéry – Montpellier III, 2015. Français. 374 p.
- [21] *Захарова Е.А.* Современный терроризм в зеркале французской политики // *Политическая наука*. 2018. № 4. С. 421–257. DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

References

- [1] Grondin L.-J. *Du Front National au Rassemblement National : L’Évolution du parti à l’aune des théories du marketing et du rebranding*. Montréal: Université de Montréal; 2019. 163 p.
- [2] Anholt S., Hildreth J. *Brand America: The mother of all brands*. London: Cyan Books; 2004. 192 p.
- [3] Scammel M. Political Brands and Consumer Citizens: The Rebranding of Tony Blair. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2007; 611: 176–192.
- [4] Parsons T. On the Concept of Political Power. In: *Sociological Theory and Modern Society*. New York; 1956: 306–310.
- [5] Bourdieu P. *Political Sociology*. Translation by N.A. Shmatko. Moscow: Socio Logos; 1993. 336 p. (In Russ.).
- [6] Nedyak I.L. *Political Marketing. Theoretical Basis*. Moscow: Izdatelstvo “Ves Mir”; 2008. 352 p. (In Russ.).
- [7] Speed R., Butler P., Collins N. Contemporary Branding Thought to Political Parties and Their Leaders. *Journal of Political Marketing*. 2015. 14 (1–2): 129–151. DOI: 10.1080/15377857.2014.990833
- [8] Schneider H. Branding in Politics – Manifestations, Relevance and Identity-Oriented Management. *Journal of Political Marketing*. 2004. 3 (3): 41–67. DOI: 10.1300/J199v03n03_03
- [9] Nedyak N.I. Marketisation of politics in terms of political marketing. *PolitBook*; 2013. 4: 31–46. (In Russ.).
- [10] Nedyak I.L. Political marketing: features of scientific development. *Polis. Political Studies*; 2010. 3: 144–153. (In Russ.).
- [11] Malinova O.Yu. Symbolic Politics: contours of research. Vyp.1: *Constructing images of the past as a power resource*. Moscow: INION RAN; 2012: 5–16. (In Russ.).
- [12] Comtat E. “ ‘Historical trauma’ and the National Front vote: the impact of the memory of the Algerian War on the political opinions of the returnees. *Memory and Politics Notebooks*. 2018. Cahier No. 5. P. 5–23. (In French).
- [13] Alduy C. New speech, new success. *Powers*. No. 157 (avril). P. 17–29. (In French).
- [14] Crépon S., Dézé A. et Mayer N. *The National Front pretenses*. Presses de Science Po. 2015. 606 p. (In French).
- [15] Malinova O.Yu. Myth as category of symbolic politics; analyses of theoretical framework. *Polis. Political Studies*; 2015. 4: 12–21. (In Russ.).
- [16] Perrineau P. *The disruptive vote: the 2017 presidential and legislative elections*. Paris: SciencePo, les presses; 2017. 448 p. (In French).
- [17] Lecœur E. Symbolic front. On French neo-populism. *Thirty years of the National Front*. Lecœur Erwan. Paris, The Discovery, “Free Notebooks”; 2003: 218–235. (In French).

- [18] Bennett C. I. *Comprehensive Multicultural Education: Theory and Practice*. Boston: Allyn and Bacon; 1995. 452 p.
- [19] Veretevskaya A.V. *Prospects and challenges for multiculturalism in Western democracies*. Moscow: MGIMO; 2012.
- [20] Ecuivillon P. *The Le Pen phenomenon: relational, historical and aesthetic analysis of a political singularity*. Sociology. Université Paul Valéry – Montpellier III, 2015. Français. 374 p. (In French).
- [21] Zakharova E.A. Modern terrorism through the prism of French politics. *Politicheskaya nauka*; 2018. 4: 421–257. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

Информация об авторе:

Захарова Евгения Александровна – аспирант кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел России (e-mail: eva5094@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-1879-6057).

Information about the author:

Evgenia A. Zakharova – Postgraduate of the Department of Comparative Politics, MGIMO University (e-mail: eva5094@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-1879-6057).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-487-505

Научная статья / Research article

Французская модель интеграции иммигрантов перед вызовами современности

А.А. Преображенская

Институт мировой экономики и международных отношений
Российской академии наук им. Е. М. Примакова РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23
arina-preob@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются специфика французской модели интеграции иммигрантов, а также эволюция интеграционных практик. Показано, что изначально интеграционная модель базировалась на принципах ассимиляции, вместе с тем этническая и религиозная самобытность переселенцев не принимались во внимание. Установлено, что нынешняя модель интеграции не требует культурной унификации, однако не допускает институционализации иммигрантских общин как представителей интересов приезжих. Автор приходит к выводу, что причинами реисламизации, затронувшей в основном второе и третье поколения мигрантов, стали структурные трансформации в экономике, а также увеличении численности и расширении географии миграционных потоков. Проанализированы факторы, способствовавшие образованию и распространению на территории страны этнорелигиозных сообществ, а также движущие силы, которые привели к подъему исламистского радикализма и всплеску террористических актов. Особое внимание уделено проблеме взаимодействия светского, демократического государства и социума с исламом, значительная часть приверженцев которого относится к иной социокультурной парадигме, нежели коренное население. В центре внимания автора – современные политические инициативы президента Макрона по демаргинализации городских окраин, а также предпринимаемые им меры по структурированию ислама во Франции и противодействию исламистскому радикализму.

В своем исследовании автор использует политико-культурный подход, который интегрирует методы социологии, социокультурологии, психологии, дает возможность изучить социокультурное измерение политики, символический аспект общественной жизни и восстанавливает роль и значение человеческой личности как главного действующего лица политического процесса.

Ключевые слова: Франция, иммиграция, интеграционная модель, Макрон, ислам, дискриминация, социальная маргинализация

История статьи: Поступила в редакцию 05.05.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Преображенская А.А. Французская модель интеграции иммигрантов перед вызовами современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 487–505. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-487-505

© Преображенская А.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

French Model of Integration of Immigrants Facing the Modern Challenges

Arina A. Preobrazhenskaya

Primakov National Research Institute of World
Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23 Profsoyuznaya St, Moscow 117997, Russian Federation
arina-preob@mail.ru

Abstract. Article examines specifics of French model of integration of immigrants, as well as the evolution of integration practices. It is shown that integration model was based initially on principles of assimilation, and ethnic and religious identity of the migrants was not taken into account. It is established that current model of integration does not require cultural unification, but does not allow institutionalization of immigrant communities as representatives of interests of migrants. Author concludes that the reasons for re-Islamization, which mainly affected second and third generation of migrants, were structural transformations in economy, as well as an increase in the number and geography of migration flows. Article analyzes factors that contributed to formation and spread of ethno-religious communities in the country, as well as driving forces that led to the rise of Islamist radicalism and surge of terrorist acts. Special attention is given to the problem of interaction of a secular, democratic state and society with Islam, a significant part of whose adherents belong to different socio-cultural paradigm than the indigenous population. Author focuses on current political initiatives of President Macron, to demarginalize urban suburbs, as well as measures taken to structure Islam in France and counter Islamist radicalism. In this research, author uses a political and cultural approach that integrates methods of sociology, socioculturology, psychology, which makes it possible to study socio-cultural dimension of politics, symbolic aspect of public life, as well as restores the role and significance of human person as the main actor in political process.

Keywords: France, immigration, integration model, Macron, Islam, discrimination, social marginalization

Article history: Submitted on 05.05.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Arina A. Preobrazhenskaya. French Model of Integration of Immigrants Facing the Modern Challenges. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 487–505. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-487-505

Введение

Этническая и культурная однородность большинства развитых стран уходит в прошлое. Заметно усилившаяся в процессе глобализации иммиграция не только играет важную роль в обеспечении принимающих сообществ необходимыми для развития ресурсами, но и влечет за собой глубокие изменения в этнокультурном составе, религиозно-конфессиональном и социальном облике принимающих социумов. Франция столкнулась с проблемой интеграции в общественную ткань светского, демократического государства многочисленных переселенцев, сознание которых формировалось в иной социокультурной среде. В свою очередь, иммиграция стала важным фактором влияния на экономическую, социальную, политическую и культурную жизнь страны.

В статье ставится задача определить особенности французской модели интеграции иммигрантов, проанализировать порождаемые иммиграцией социальные вызовы, выявить специфику современных политических инициатив как в области преодоления социальной маргинализации, так и противодействия исламистскому радикализму.

Интеграция иммигрантов: особенности модели

Иммиграция во Францию имеет давнюю историю. Массовое прибытие иностранных работников в страну стало заметным со времени промышленной революции второй половины XIX века. Окончание Первой, а затем и Второй мировой войн ознаменовалось новыми наплывами трудовых мигрантов. Эти перемещения потянули за собой потоки воссоединяющихся членов семей, лиц, ищущих убежища и нелегальных мигрантов. Кроме того, с 1960-х годов, ознаменованных крушением французской колониальной империи, началось массовое переселение жителей заморских территорий в метрополию.

Крупномасштабный характер миграционных потоков привел к многочисленности приезжего населения. На 1 января 2019 г. во Франции проживало 66,9 млн человек, из которых 6,5 млн (9,7% населения) являлись иммигрантами (родившимися вне Франции от родителей не французов)¹. Еще 7,5 млн (11,2% жителей), родившихся во Франции, имеют хотя бы одного родителя иммигранта². Около 100 тыс. переселенцев ежегодно получают французское гражданство.

В интеграционной политике Франции изначально возобладал ассимиляционный подход, направленный на поглощение принимающим социумом приезжих, которые должны были усвоить его социальные и культурные нормы – предполагалось объединение граждан в единое монокультурное сообщество [1]. Важнейшими элементами приведения к единообразию являлись французский язык и государственная светская школа, причем курс гражданского воспитания обязателен в начальной и средней школе, а также до отмены в 2001 г. – всеобщая воинская обязанность.

В 1980-е гг. на смену термину ассимиляции пришло понятие политической интеграции, которая рассматривается как социальный феномен, включение в общественно-политическую жизнь принимающей страны. Предполагалось сосуществование и взаимное обогащение присутствующих в стране культурных традиций. Интеграция предусматривает сохранение культурного и конфессионального плюрализма на уровне структур гражданского общества. Однако, как справедливо отмечают отечественные исследователи

¹ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Combien y a-t-il d'immigrés ou d'étrangers en France? 08.10.2019. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212> (accessed: 10.05.2020).

² Les chiffres de l'immigration en France Le Figaro 19.06.2019. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2018/06/19/01016-20180619ARTFIG00310-les-chiffres-de-l-immigration-en-france.php> (accessed: 10.05.2020).

Т.С. Кондратьева и И.С. Новоженова, ассимиляторский «дух» интеграционной политики, нацеленный на акультуризацию и ассимиляцию мигрантов, сохранился [2, с. 33]. Подобные ориентиры с течением времени претерпели не слишком много изменений. Так, президент Эммануэль Макрон в своем обращении к гражданам 17 февраля 2020 г. заявил: «Я люблю Францию такой, какая она есть, с ее традициями и разнообразием, ценностями и чувством открытости к другим, ее способностью вместить и интегрировать, и что в конечном итоге, естественно, приводит к ассимиляции, не силой и принуждением, как хотели бы некоторые, но почти врожденным процессом притяжения Франции, так что эта сила неотделима от французской идентичности». В той же речи президент отдал дань многообразию сосуществующих в стране культур, подчеркнув, что культурная диверсификация – лучшее препятствие для «угрожающего нам коммюнитаризма»³. Поскольку нация рассматривается как единая и неделимая, этнокультурные группы официально не признаются национальными меньшинствами, их представители считаются французами. Отвергается возможность институционализации иммигрантских общин как коллективных представителей интересов этнокультурных групп населения.

Политика интеграции гарантировала иммигрантам права, которыми обладает коренное население в области образования, жилья, здравоохранения при условии, что последние будут соблюдать основные ценности жизни принимающего общества: признавать светский характер государства, равенство мужчин и женщин, соблюдать свои обязанности, а также проникнутся духом гражданственности. С 2006 г. стал обязательным контракт интеграции – прохождение курсов французского языка, лекций по гражданским правам и обязанностям, консультаций по поводу трудоустройства. Согласно закону 2011 г., регламентирующему натурализацию иммигрантов, для получения гражданства необходимо подписать Хартию прав и обязанностей, а также знать историю, культуру и политическую систему страны, свободно владеть французским языком, причем с 2020 г. для соискателей гражданства были заметно повышены требования к уровню освоения устной и письменной речи.

В структуре миграционных потоков значительную долю составляют инокультурные мигранты. В 2018 г. среди переселенцев насчитывалось 33,5% выходцев из европейских стран, 46,1% – из стран Африки, 14,5% – из стран Азии и 6% – государств Американского континента и Океании⁴. Для значительной части приезжих и их потомков основой цивилизационной самоидентификации является ислам. Во Франции сформировалась самая многочисленная в Европе арабо-мусульманская диаспора, численность которой составляет около 5 млн человек. Учет населения по этническому происхождению и

³ Emmanuel Macron : «Mes chers compatriotes, voici enfin mes choix pour la laïcité et l’islam de France» // Opinion internationale 17.02.2020. URL: https://www.opinion-internationale.com/2020/02/17/emmanuel-macron-mes-chers-compatriotes-voici-enfin-mes-choix-pour-la-lai-cite-et-lislam-de-france_70909.html (accessed: 10.05.2020).

⁴ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Insee Références 05.10.2019. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212> (accessed: 10.05.2020).

конфессиональной принадлежности не ведется, что создает определенные трудности в работе демографов и социологов. Исследователи используют косвенные данные. Так, политологу Ж. Фурке изучение имен, которые давали родители новорожденным, позволило сделать вывод, что в 2016 г. практически одна пятая (18,8%) мальчиков нарекались именами арабо-мусульманского происхождения [3]. Три четверти французских мусульман являются выходцами из Алжира, Марокко и Туниса, так что налицо уже давно сформировавшиеся диаспоры, которые имеют в своем составе уже не одно поколение мигрантов и притягивают к себе все новых соотечественников.

Неотъемлемой особенностью французской национальной идентичности стал светский характер Республики. Еще в 1905 г. церковь была отделена от государства, в общественных местах светским правилам поведения отдается безусловный приоритет над религиозными обычаями. В 2004 г. принят закон о запрете знаков религиозной символики в школах, в 2010 г. – о запрете в общественных местах одежды, закрывающей лицо. В 2016 г. правительство поддержало мэров ряда приморских городов, запретивших появление на пляжах в одежде, которая «не соответствует нравственности и секуляризму» – речь шла о мусульманских купальниках буркини. Однако открытым остается вопрос, может ли ислам стать совместимым со светскими, республиканскими нормами и институтами, ведь законы шариата регулируют все стороны жизни человека – касающиеся государства, суда, а также семьи и образования.

Французские исследователи констатируют, что к середине 2000-х гг. значительная часть проживающих в стране мусульман восприняла европейские нормы и цивилизационные ценности. Менее четверти мусульман относили себя к регулярно исполняющим религиозные обряды. В середине 2000-х гг. иммигранты и их потомки в большей степени идентифицировали себя с французами, чем иммигранты в Великобритании и Германии соответственно с англичанами и немцами. Французская идентичность и идентичность страны происхождения не противопоставлялись друг другу, а сочетались между собой [5, с. 22]. Девять из десяти потомков выходцев из стран Магриба (и только четверть их родителей) считали своим родным языком французский. Напротив, знали арабский язык 69% детей приезжих и только 24% внуков. Уже второе поколение переселенцев мало отличалось от этнических французов по образу жизни [4, с. 117].

Данные показатели свидетельствуют об относительной успешности социокультурной интеграции немалой части мусульман к середине нулевых годов. Вероятно, сказалась инерция прошлого, когда подавляющую массу иммигрантов составляли переселенцы из франкоязычных бывших колониальных владений, с которыми у французов был, по выражению Ж. Ширака, «общий культурный минимум». Исторические связи, общность языка, чувство принадлежности к общему франкофонному миру облегчали самоидентификацию мигрантов как французов.

Иногда потомкам переселенцев удавалось воспользоваться социальными лифтами, а некоторые из них добились значительных достижений, которые принесли Франции всемирную славу в спорте, искусстве. Все больше

выходцев из семей мигрантов становятся заметными фигурами на политической сцене. В 2016 г. 8,2% иммигрантов были отнесены к категории «кадров и высших интеллектуальных профессий»⁵. Однако профессиональная карьера основной массы переселенцев и их потомков была столь не успешна. Вследствие экономического кризиса 1970-х – начала 1980-х гг., повлекшего за собой процессы деиндустриализации экономики и реструктуризацию производств, иммигранты, обладающие более низкой квалификацией чем коренное население, в числе первых оказались без работы. Происходило вытеснение традиционных отраслей промышленности, в которых в основном и были заняты мигранты [6]. Так, по данным проведенного на 360 предприятиях в конце 1990-х гг. опроса, за предшествующие десять лет было уволено 12% работников, появившихся на свет во Франции, и 41% сотрудников, родившихся за границей [7, с. 266].

Существенная часть мигрантов приходится на потоки гуманитарного характера. Доля воссоединяющихся семей (почти 40%) является одной из самых высоких среди западных стран в структуре постоянной миграции. Кроме того, хотя основной поток беженцев во время миграционного кризиса 2015 г. направлялся не во Францию, число вынужденных мигрантов в стране резко увеличилось: с 64 тыс. в 2014 г. до 84 тыс. в 2016 г.⁶ В последующие годы в страну начали въезжать представители «второй волны» беженцев, состоявшей из переселенцев, которым не удалось получить вид на жительство в Германии и Италии. Приток гуманитарных мигрантов не обусловлен потребностями рынка труда, и это является причиной сложности их трудоустройства.

Возможности включения мигрантов в рынок труда сужаются в связи с их низким уровнем образования – варианты занятости ограничиваются главным образом нестабильными низкооплачиваемыми местами и повышенным риском безработицы. Во Франции в 2016 г. 42% приезжего населения в возрасте 15–74 лет не имели полного среднего образования, тогда как в ЕС в среднем – только 35%; уровень занятости уроженцев других стран этого возраста составлял соответственно 48 и 59%, а уровень безработицы 17 и 13%. В 2015 г. 24% приезжих старше 18 лет считались бедными, поскольку их доходы были ниже 60% медианного уровня доходов в стране, 10% страдали от тяжелой материальной депривации.

Именно с неудачами в социально-экономической интеграцией мигрантов, особенно представителей их второго-третьего поколений, прежде всего связана наблюдающаяся с конца 1990-х гг. тенденция к реисламизации потомков переселенцев. За официально провозглашаемой риторикой равенства возможностей скрывались социальная сегрегация при получении образования и

⁵ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Part des étrangers et des immigrés au sein des actifs selon la catégorie socioprofessionnelle en 2016 // 27.02.2018. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3303358?sommaire=3353488> (accessed: 10.05.2020).

⁶ Eurostat. Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed: 10.05.2020).

дискриминация по происхождению при трудоустройстве. Молодые потомки иммигрантов чувствовали свою отстраненность от национального сообщества. Если первое поколение приезжих расценивало даже скромные условия жизни во Франции как очевидное улучшение своего положения, то представители второго и третьего поколения в полной мере вписались в общество потребления, но не нашли своего места в социокультурной парадигме французского общества. По убеждению политолога Жюль Кепеля, религия преподнесла последним компенсацию чувства социальной, политической и экономической невостребованности [8]. В мире бедности именно ислам стал доступным культурным ресурсом.

Реисламизации приезжих и их потомков благоприятствовало их компактное проживание. Мигранты неравномерно расселены по территории страны. Трое из пяти приезжих и их потомков проживают в трех регионах – Иль-де-Франсе, Овернь-Рона-Альпы и Прованс-Альпы-Лазурный берег. Подавляющее большинство – 89 % мигрантов второго поколения обитают в городах, из них 30 % – в парижском регионе⁷. В пригороды крупных городов, застроенных преимущественно социальным жильем, десятилетиями стягивались мигранты, зачастую нелегальные, лица с низким уровнем образования и профессиональной квалификации, безработные и пр. Рабочие и служащие, имеющие стабильный заработок, а также представители коренного населения покидали эти кварталы, что способствовало геттоизации последних. Так, в регионе Иль-де-Франс в 90 из 1300 коммунах региона размещено 66% социального жилья, доступного самым низкооплачиваемым категориям населения, доходы которых не превосходят 12725 евро в год (на 1 человека)⁸.

Чем больше мигрантов сосредоточено в отдельных кварталах, тем более межличностные отношения замыкаются на лицах своей национальности и более неукоснительным становится соблюдение религиозных обрядов. По словам социолога Д. Лаперони, социальная и этническая сегрегация привела к образованию в ряде кварталов «альтернативного контр-общества», характеризующегося тесными связями между его членами и отсутствием позитивного взаимодействия с представителями аутгрупп⁹. Политолог М. Трибаля отметила, что наблюдается упрочение идентичности, которая отделяет мусульман от остальных граждан, ужесточает социальный контроль и довлеет над правами как правоверных, так и немусульман» [9]. Происходит самоорганизация мусульманских общин, интенсифицируется отправление религиозных обрядов. За усилением роли ислама в обществе последовал рост

⁷ Sept chiffres sur les enfants d'immigrés en France // Le Monde 08.02.2017. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/02/08/sept-chiffres-sur-les-enfants-d-immigres-en-france_5076714_4355770.html (accessed: 10.05.2020).

⁸ Un dispositif anti-ghettos pour une plus grande mixité sociale. URL: <https://www.iledefrance.fr/fil-presidence/dispositif-anti-ghettos-plus-grande-mixite-sociale> (accessed: 10.05.2020).

⁹ Novembre 2005, dix ans après les émeutes. Actes du colloque des 19 & 20 octobre 2015 à Sciences PO, Sciences PO CEVIPOF. URL: http://www.cevipof.com/rtefiles/File/graduate%20conference/Cahier_60.pdf p. 42 (accessed: 10.05.2020).

числа мечетей и мест мусульманского культа. В 2014 г. в стране насчитывалось более 2300 мечетей.

Увеличению численности мусульман способствовали такие факторы, как ежегодно возрастающие темпы миграции и расширяющаяся география миграционных потоков. Несмотря на все усилия властей по сдерживанию миграции [10], количество въезжающих в страну иммигрантов постоянно множилось – с 2006 по 2017 г. оно возросло с 193,4 тыс. до 261,7 тыс. человек¹⁰. Все более заметный процент переселенцев поставляют такие регионы, как государства субэкваториальной Африки (Мали, Сенегал, Мавритания), Афганистан, Турция, Ирак, Китай. Выходцы из африканских стран демонстрируют большую приверженность к религиозным нормам поведения и практикам, чем иммигранты из стран Магриба. Так, согласно проведенному в 2019 г. опросу, 55% женщин, отец которых родился в субэкваториальной Африке, носят чадру, против 32% и 31% женщин, отцы которых родились соответственно во Франции и странах Магриба. Посещают мечети 63% потомков выходцев из субэкваториальной Африки против 32% потомков из стран Магриба и 18% уроженцев Франции¹¹.

Опросы, в ходе которых сравнивалось отношение мусульман к религиозным практикам в 1989 и 2019 гг., подтвердили эволюцию их в направлении укрепления религиозной идентичности, проявляющейся в готовности следовать религиозным нормам и обрядам в повседневной жизни. Так, за 30 лет более чем в два раза (с 16 до 38%) увеличилась доля лиц, сообщивших об участии в пятничной молитве в мечети. Возрастает количество соблюдающих пост по время Рамадана, и, напротив, снижается доля мусульман, заявляющих о хотя бы эпизодическом употреблении алкоголя¹².

Религиозная практика приверженцев ислама постоянно стремится выйти за границы частной сферы – в общественное пространство и на поле общественно-политической жизни [11]. Так, 82% опрошенных мусульман заявляют о необходимости наличия халяльного питания в школьных столовых, 68% считают, что девушки должны иметь право носить чадру при посещении школы. И наконец, хотя 41% респондентов полагает, что ислам должен быть приспособлен к устоям жизни в светском государстве, 37% (и 49% молодежи до 25 лет), напротив, выступают за то, что нормы шариата должны главенствовать над французскими законами, причем с 2011 г. количество последних возросло на 8 п.п.

В общественном мнении наблюдается неоднозначное отношение к мусульманам, негативные оценки преобладают над позитивными. Так, в 2019 г. только 41% французов считали, что ислам совместим с французской системой

¹⁰ Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Combien y a-t-il d'immigrés ou d'étrangers en France? 08.10.2019. URL : <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212> (accessed: 10.05.2020).

¹¹ Jérôme Fourquet : « Le “tchador” n'a pas encore dit son dernier mot » // Le Point 08.10.2019. URL : https://www.lepoint.fr/societe/exclusif-jerome-fourquet-le-tchador-n-a-pas-encore-dit-son-dernier-mot-18-09-2019-2336481_23.php (accessed: 10.05.2020).

¹² Ibid.

ценностей¹³. Некоторые пожелания мусульман французы расценивают как правомерные, они толерантно относятся к обычаям, не выходящим за пределы частной жизни, – паломничеству в Мекку, употреблению халяльного питания. Большинство (55%) опрошенных одобряет наличие в школьных столовых меню, составленного в соответствии с религиозными традициями учащихся¹⁴. За последние семь лет существенно возросло число демонстраций религиозности на рабочем месте. О подобных фактах сообщили 70% респондентов в 2019 г. против 44% в 2012 г. Запросы работников, связанные с их верованиями (изменения в рабочем графике, молитвы во время перерывов), в абсолютном большинстве случаев расценены как разумные и не приводящие к росту напряженности среди коллег. Вместе с тем негативную реакцию вызывают отказы от работы в разнополом коллективе или под руководством женщины (мужчины). Подобные демарши являются крайне редкими, однако за последние семь лет их частота выросла в три раза¹⁵. Также подавляющее большинство французов (82%) выступает за недопущение уличных молитв и других религиозных церемоний в общественном пространстве, 75% – являются сторонниками запрета использования религиозной символики при пользовании государственными услугами, 73% – запрета подобной символики для родителей, сопровождающих школьников во время внеурочной деятельности¹⁶. Можно, однако, отметить, что наиболее толерантное отношение к социокультурным особенностям иммигрантов и их потомков демонстрирует молодежь, особенно возрастная категория от 18 до 24 лет [12, с. 167].

Во Франции проживают последователи различных течений ислама – от традиционного классического до неофундаменталистского, приверженцы которого стремятся полностью отгородиться от светского общества и жить исключительно по законам шариата. В 2016 г. по итогам проведенных опросов исследователи института Монтеня пришли к выводу, что 46% мусульман, несмотря на следование некоторым религиозным нормам, полностью интегрировались в систему ценностей современной Франции. Около 25% соблюдают законы республики, не придерживаются таких практик, как полигамия или ношение никаба, однако претендуют на возможность выразить свою религиозную принадлежность не только в частном, но и общественном пространстве. И, наконец, примерно 28% отвергают ценности светского общества.

¹³ Laïcité, islam: comment évolue le regard des Français? // Le Figaro 12.11.2019. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/laicite-islam-comment-evolue-le-regard-des-francais-20191112> (accessed: 10.05.2020).

¹⁴ IFOP Ce que veulent les Français. URL: http://www.ifop.com/media/poll/3945-1-study_file.pdf (accessed: 10.05.2020).

¹⁵ Institut Montaigne Religion au travail : croire au dialogue Baromètre du Fait Religieux en Entreprise 2019. Etude novembre 2019. URL: <https://www.institutmontaigne.org/publications/religion-au-travail-croire-au-dialogue-barometre-du-fait-religieux-en-entreprise-2019> (accessed: 10.05.2020).

¹⁶ IFOP Les Français, la laïcité et la lutte contre l'islamisme Sondage 28.10.2019. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2019/10/116825_Rapport_JDD_Laicite-2019.10.25.pdf (accessed: 10.05.2020).

Костяк этой группы составляет плохо образованная и мало включенная в рынок труда молодежь, религиозность которой объясняется прежде всего протестом против современного общественного устройства¹⁷.

Представители последней группы верующих оказались особенно восприимчивы к риторике проповедников исламистского радикализма, пропаганда которых активно распространяется по интернету и в социальных сетях. Участие Франции в военных конфликтах в арабо-мусульманских регионах отражалось на внутренней ситуации в стране. На обстановку в мусульманской диаспоре активно воздействовали и иностранные исламистские движения [13, с. 107–134]. Вместе с тем французские исследователи подчеркивают, что не следует смешивать религиозный радикализм с религиозным фундаментализмом, поскольку последнему отнюдь не всегда свойственно присущее радикализму стремление к «насильственному разрыву с политической, экономической, социальной и культурной системой, а в более широком смысле – с нормами и нравами, действующими в обществе» [14, с. 9].

В 2015–2016 гг. в стране произошла серия масштабных террористических актов с множеством жертв, ответственность за которые взяла на себя террористическая организация «Исламское государство»¹⁸. В последующие годы также периодически происходили отдельные теракты. Большинство исполнителей, несмотря на иностранное происхождение, выросли во Франции. Они происходили из социально неблагополучных семей, потерпели фиаско в обучении, имели в биографии эпизоды правонарушений, пребывания в местах лишения свободы. Подобный опыт породил у них чувство фрустрации, перешедшее в ненависть к обществу. Радикальные формы ислама позволили трансформировать чувство своей униженности в презрение к другим и сакрализацию собственной персоны.

В 2019 г. база данных спецслужб Франции по причастности к радикальному исламу насчитывает 19,7 тыс. человек, среди которых – 22,7% женщин¹⁹. Вместе с тем специалисты полагают, что было бы неверно видеть в каждом террористическом акте свидетельство роста влияния исламистского радикализма и происки международных террористов. Так, в декабре 2018 г. в Страсбурге молодой человек с криками «Аллах акбар» открыл прицельный огонь по прохожим из пистолета, пять человек были убиты на месте.

¹⁷ Institut Montaigne Un islam francais est possible. Rapport septembre 2016. URL: https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/rapport-un-islam-francais-est_possible.pdf (accessed: 10.05.2020).

¹⁸ 13 ноября 2015 г. в результате стрельбы и взрывов в семи разных местах на востоке Парижа и северном пригороде столицы Сен-Дени погибло 130 и ранено более 350 человек. 14 июля 2016 г. в Ницце выходец из Туниса Махамед Лауэж-Булель на 19-тонном грузовике врезался в толпу зрителей, наблюдавших на Английской набережной за салютом в честь Дня взятия Бастилии. В результате теракта 86 человек погибли, в том числе 10 детей, 308 – получили ранения.

¹⁹ Un plan national de prévention pour sortir des échecs de la déradicalisation// Le Figaro 12.11.2019. URL: <http://premium.lefigaro.fr/actualite-france/2018/02/22/01016-20180222ARTFIG00297-un-plan-national-de-prevention-pour-sortir-des-echecs-de-la-deradicalisation.php> (accessed: 10.05.2020).

Изучение мотивации преступника дало основание полагать, что в данном случае им двигали чувства личной неудачи, а исламистские лозунги понадобились лишь и придания своеобразной легитимности своим действиям и известности собственной персоне. Таким образом, по утверждению директора по исследованиям в Высшей школе социальных наук (EHSS) Фархада Хосрохавара, некоторые теракты следует рассматривать как «риск, присущий современной жизни во все более разнородных и утративших социальную сплоченность обществах, как случай индивидуального сбоя, а не как джихадизм»²⁰. Подобные акции невозможно предвидеть, в данных случаях не помогут такие методы, как разведывательная деятельность и создание досье на экстремистов. Характерно, что страсбургский стрелок хотя и был хорошо известен правоохранительным органам, но по правонарушениям, никак не связанным с исламистским радикализмом.

В 2000-е гг. политика руководства страны по отношению к укреплению позиций ислама колебалась от уступок культурно-религиозного характера до жесткой линии. Отечественный исследователь В.Н. Чернега справедливо отметил, что у властей не было ясного представления, как противостоять росту агрессивного исламизма в мигрантской среде [15, с. 153]. Президент Макрон признал исламистский сепаратизм врагом, который «несовместим со свободой и равенством, неделимостью республики и необходимым единством нации»²¹. Глава государства периодически заявляет о своем намерении упорядочить отправление мусульманского культа, создать основу для организации ислама с определенной структурой и прозрачным финансированием. Мусульманские сообщества во Франции раздроблены и разнообразны, многочисленность акторов, их соперничество между собой создают сложную и непрозрачную картину. Основанный в 2003 г. Французский совет мусульманского культа (ФСМК), хотя и объединил ряд конфессиональных организаций, не смог преодолеть возникающие между входящими в него формированиями разногласия. Каждая составляющая Совета связана с той или иной национальной диаспорой, страна происхождения которой является источником денежных поступлений. О незначительном влиянии Совета среди последователей ислама говорит тот факт, что две трети опрошенных в 2016 г. мусульман даже не подозревали о существовании этой организации²².

Масштабная реформа организации ислама постоянно переносилась властями и в итоге была отложена в долгий ящик. Вероятнее всего, Макрон,

²⁰ Cherif Chekatt ou le faux djihadiste // *Le Monde* 14.12.2018. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/12/14/cherif-chekatt-ou-le-faux-djihadiste_5397185_3232.html (accessed: 10.05.2020).

²¹ Macron veut lutter contre le « séparatisme islamiste », sans stigmatiser les musulmans // *Le Monde* 18.02.2020. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/02/18/emmanuel-macron-en-deplacement-a-mulhouse-veut-lutter-contre-le-separatisme-islamiste_6029978_823448.html (accessed: 10.05.2020).

²² Institut Montaigne Un islam français est possible. Rapport septembre 2016. URL: https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/rapport-un-islam-francais-est_possible.pdf (accessed: 10.05.2020).

столкнувшийся в конце 2018 – первой половине 2019 г. с глубочайшим социальным кризисом «желтых жилетов» [16], а в конце 2019 – начале 2020 г. встретивший активное сопротивление своим планам изменений в пенсионном законодательстве, счел нецелесообразным начинать еще одну реформу, реакция на которую со стороны заинтересованных лиц, политических кругов и всего общества могла быть крайне неоднозначной. Приоритетом для президента стали конкретные шаги по противодействию распространению исламистского радикализма. В феврале 2020 г. Макрон анонсировал такие меры, как усиление контроля над финансированием мест отправления культа, прекращение приема с 2024 г. иностранных имамов и создание условий для обучения имамов во Франции. Вместе с тем открытым пока остается вопрос об источниках финансирования мусульманского культа, о том, что должно прийти на смену денежных поступлений от арабских стран, прежде всего Алжира, Марокко, Турции и государств Персидского залива, которые, по мнению президента, «препятствуют возвращению французского ислама в современность»²³.

Ужесточен контроль над частными школами, ассоциациями и другими культурными и религиозными сообществами. Как возможные рассадники идеологии религиозного фундаментализма и исламистского радикализма власти рассматривают и так называемые частные мусульманские школы вне контракта. Данные учебные заведения не получают субсидий от министерства образования и имеют право осуществлять образовательную деятельность по собственным программам. Эти школы задумывались и работали с целью реализации авторских методик обучения (Монтессори, Штайнера и др.), но постепенно приобрели популярность и в мусульманской среде. Из-за особенностей законодательства подобные заведения не всегда просто закрыть – так, судебные тяжбы по поводу школы Аль-Бадр в Тулузе затянулись на несколько лет.

С сентября 2020 г. упраздняется программа Elco, в рамках которой иностранные преподаватели в государственных школах обучали потомков иммигрантов языку страны их происхождения. Далеко не все педагоги владеют французским языком, и Министерство образования не может контролировать содержание их уроков. Макрон объявил, что закрытие нарушающих закон школ и других объектов будет продолжено. Только в департаменте Сена-Сен-Дени, имеющем репутацию одного из самых опасных пригородов Парижа, с 2018 г. была прекращена деятельность 15 заведений, среди которых – подпольные школы, молельни, спортивные клубы и рестораны²⁴.

²³ Macron veut “réduire l’influence des pays arabes” sur l’islam français et réformer le CFCM Marianne 11.02.2018. URL: <https://www.marianne.net/societe/macron-veut-reduire-l-influence-des-pays-arabes-sur-l-islam-francais-et-reformer-le-cfcm> (accessed: 10.05.2020).

²⁴ Communautarisme : 15 lieux fermés en Seine-Saint-Denis depuis 2018 L’Express 21.02.2020. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/societe/communautarisme-15-lieux-fermes-en-seine-saint-denis-depuis-2018_2119002.html (accessed: 10.05.2020).

В качестве действий по борьбе с сепаратизмом, который, по мнению президента, пытается превратить целые городские районы в зоны, живущие по законам шариата, предусмотрен ряд мер, направленных на включение мигрантов и их потомков в социально-экономическую сферу общества, демаргинализацию городских кварталов.

Новые аспекты политики демаргинализации

Преодоление социальной маргинализации является основной задачей городской политики, которая проводится во Франции с 70-х гг. XX века. Данная политика включает себя не только деятельность в области урбанизма (модернизацию жилых кварталов), но и такие аспекты, как улучшение качества образования, борьбу с дискриминацией в сфере занятости. Основным методом является выявление наиболее проблемных мест и создание им особых условий для их развития. В 2015 г. 1500 так называемых приоритетных городских зонах проживало 5,5 млн человек, из которых более половины является иммигрантами первого или второго поколения.

Многоквартирные блочные строения в пригородах раньше составляли рабочие кварталы. В процессе реструктуризации производства исчезли градообразующие предприятия. Ставшие безработными жители освобождались от уплаты налогов, в том числе и местных, и в результате у муниципалитета не хватало денег на поддержание территории. По мнению социолога Р. Эпштейна, проводившаяся властями реновация кварталов имела цель улучшить качество жизни их обитателей, а не привлечь новых жителей извне и поэтому не привела к увеличению «социального разнообразия населения»²⁵. Характерно, что только 10% французов назвали городскую политику эффективной.

Существование разветвленной системы социальных выплат отчасти привело к тому, что многие предпочли не искать работу за минимальную зарплату, а жить на пособия. Деформировала шкалу ценностей подростков и укрепляющая свои позиции в пригородах криминальная экономика, связанная с теневой занятостью, а также рэкетом, воровством, грабежами, торговлей наркотиками и проституцией. На наркотрафике выросла, по выражению бывшего главы МВД Ж. Коломба, настоящая «социальная контрмодель». «Когда парень не понимает, зачем он будет работать за 1500 евро в месяц, когда он получает 200 евро в день, республиканская модель интеграции находится под угрозой», – совершенно точно отметил министр²⁶. В отсутствии перспектив социального роста молодые люди находили способ самореализации в хулиганстве и вандализме. Периодически повторяющиеся бунты и погромы,

²⁵ Epstein R. La rénovation urbaine est loin d'être le succès incontestable qu'on nous vend // *L'Humanité* 13.05.2013. URL: <http://www.humanite.fr/societe/renaud-epstein-la-renovation-urbaine-est-loin-d-et-541254> (accessed: 10.05.2020).

²⁶ La police réinvestit les quartiers difficiles // *Le Figaro* 18.09.2018. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2018/09/18/01016-20180918ARTFIG00327-la-police-reinvestit-les-quartiers-difficiles.php> (accessed: 10.05.2020).

самыми масштабными из которых стали события ноября 2005 г., когда справиться с волнениями помогло лишь введение чрезвычайного положения в стране, являлись свидетельством социальной маргинализации молодежи [17, с. 118–120].

Французские исследователи связывают неудачи городской политики и дефицит управляемости пригородов не только с проблемами в финансировании и распылением средств по многим объектам, но и с тем фактом, что методы осуществления данной политики были слишком централизованы и технократичны [18, с. 63]. По ряду исторических, политических и культурных причин в стране пока не получили широкого распространения практики интеркультурализма, которые делают акцент на установление позитивного межкультурного взаимодействия между людьми на основе общности их потребностей и интересов [19, с. 29–30].

В июле 2018 г. правительство анонсировало новые меры по демаргинализации городских пригородов. Целью является создание «нового города» с безопасной средой обитания, развитой социальной инфраструктурой и качественной окружающей средой. Глава государства пообещал осуществлять комплексный подход к устройству агломерации как с привлечением частного предпринимательства, так и с вовлеченностью жителей посредством поддержки разнообразных ассоциаций. Утверждена «Новая национальная программа обновления городов», в рамках которой в 2019 г. была одобрена половина проектов реновации городской среды, подготовленных для 238 районов²⁷. Финансирование данной программы составляет 8 млрд евро в год.

Для укрепления правопорядка, сведения к минимуму террористической угрозы и наркотрафика в 15 наиболее криминогенных кварталах, получивших наименование «районы республиканского восстановления», были направлены дополнительные подразделения «повседневной полиции безопасности», цель которой заключается в борьбе с преступностью и наркотрафиком в тесном сотрудничестве с местными органами власти. В состав данной полиции входит специальная разведывательная группа по наркотическим средствам. В 2019 г. количество кварталов было расширено до 47, а в 2020 г. должно быть доведено до 60.

Важнейшим фактором аспектом политики демаргинализации стала политика в области образования, которое обеспечивает интеграцию человека в общество и предоставляет ему возможности для социальной мобильности. Несмотря на официальную риторику о необходимости проведения политики «равных возможностей» в образовании, на практике во Франции наблюдается достаточно жесткая зависимость школьных успехов от социального положения родителей обучающихся. Так, во Франции 41% детей иммигрантов в 15 лет испытывают сложности с пониманием письменной речи против 26% детей

²⁷ Julien Denormandie présente le bilan de la politique de la ville du gouvernement au 22 mai 2019 Banque des territoires 22.05.2017. URL: <https://www.banquedesterritoires.fr/julien-denormandie-presente-le-bilan-de-la-politique-de-la-ville-du-gouvernement-au-22-mai-2019> (accessed: 10.05.2020).

переселенцев в странах ОЭСР²⁸. Велика поляризация между различными учебными заведениями – как по происхождению учеников, так и по итогам учебной деятельности. Пауперизация пригородов привела к росту подростковой преступности и насильственных действий, токсикомании и оттоку из ряда школ представителей благополучных слоев населения. В 2016 г. 63% учащихся колледжей из социально неблагополучной среды были сконцентрированы всего в 10% подобных учебных заведений²⁹. По данным проведенных исследований, подобная социальная сегрегация приводит к дальнейшему ухудшению результатов в учебе представителей социальных низов [20, с. 12]. Наихудшие результаты демонстрируют потомки неевропейских мигрантов, особенно плачевны достижения мальчиков из семей выходцев из стран Магриба, субэкваториальной Африки и из Турции, которые в результате оказываются в крайне неблагоприятном положении на рынке труда³⁰.

Многие из нововведений Макрона в области образования затрагивают учащихся младшего возраста. Выбор точки приложения усилий обусловлен тем, что именно на начальном этапе обучения закладываются базовые знания и образуются провалы в умениях учащихся, которые зачастую приводят к фиаско в дальнейшей образовательной траектории и профессиональной карьере. Возраст начала обязательного обучения понижен с 6 до 3 лет. Исследования показали, что дети иммигрантов, посещавшие детский сад, к 15 годам значительно опережают в своем развитии тех потомков иммигрантов, которые были лишены возможности начать образование с 3 лет³¹. Количество учащихся в классах начальной школы в приоритетных зонах образования уменьшено с 24 до 12 детей, что позволит преподавателю уделять больше внимания каждому ребенку. В 2018 г. эта мера затронула 190 тыс. учеников, в 2019 г. это число доведено до 300 тыс.³² Обучающимся в колледжах предложена бесплатная индивидуальная помощь в подготовке домашних заданий.

В 2018 г. стартовала и реформа профессионально-технического образования. Согласно закону «О свободе выбора своего профессионального будущего», к 2022 г. планируется запустить три пилотных центра обучения, в которых будут объединяться школа профессиональной подготовки и исследовательские лаборатории, школа-интернат, спортивные и культурные

²⁸ L'école est-elle (encore) un des principaux vecteurs d'intégration en France ? // OCDE Débats sur les politiques migratoires. N 6, Septembre 2016. URL: <http://www.oecd.org/migration/mig/is-school-still-one-of-the-main-routes-of-integration-in-france.pdf> (accessed: 10.05.2020).

²⁹ Contre les collèges-ghettos, des initiatives à confirmer Liberation. 13.12.2016. URL: http://www.liberation.fr/france/2016/12/13/contre-les-colleges-ghettos-des-initiatives-a-confirmer_1535101 (accessed: 10.05.2020).

³⁰ Trajectoires et origines Enquête sur la diversité des populations en France // Sous la dir. Beauchemin C., Hamel C., Simon P. Paris: Ined, 2016. 624 p.

³¹ L'école est-elle (encore) un des principaux vecteurs d'intégration en France ? // OCDE Débats sur les politiques migratoires. N 6, Septembre 2016. URL: <http://www.oecd.org/migration/mig/is-school-still-one-of-the-main-routes-of-integration-in-france.pdf> (accessed: 10.05.2020).

³² Education : ce que Blanquer veut changer Les Echos. 01.07.2019. URL: <https://www.lesechos.fr/politique-societe/dossiers/030409850313/education-ce-que-blanquer-veut-changer-137885> (accessed: 10.05.2020).

учреждения. Предполагается разработать учебные курсы, ориентированные на новые специальности, чтобы точнее реагировать на потребности бизнеса. Учащимся старших классов предлагаются стажировки на предприятиях. Также принята программа «инвестиций в навыки», согласно которой 2 млрд евро выделено на финансирование учебных курсов, для обучения 150 тыс. молодых людей без диплома об образовании и 150 тыс. долгосрочных безработных, проживающих в приоритетных районах. Государство также выплачивает вознаграждение компаниям или ассоциациям, которые нанимают на работу жителя приоритетного района без предъявления требований к его уровню образования. В 2017 г. количество безработных в трудных районах немного снизилось, но все равно оставалось почти втрое выше средних данных по стране.

Еще одним направлением действий властей является борьба с дискриминацией на рынке труда. Еще премьер Мануэль Вальс в начале 2016 г. заявил о «территориальном, социальном и этническом апартеиде», признав существование в стране дискриминации по расовому и этническому признаку³³. Данное мнение разделяют более трех четвертей французов – 76% опрошенных были уверены, что в стране существует дискриминация по этническому принципу. Также 44% иммигрантов второго поколения заявили, что хотя бы раз в жизни сталкивались с дискриминацией³⁴.

По заказу правительства в конце 2018 – начале 2019 гг. исследовали университета Paris-Est изучили практику найма персонала в 103 крупных французских компаниях, разослав туда фиктивные анкеты по трудоустройству. Обнаружилось, что при идентичном уровне образования и профессиональных навыков кандидаты североафриканского происхождения получили на 20% меньше приглашений на собеседования, чем представители коренного населения, причем наибольшая степень дискриминации обнаружилась в самых крупных компаниях³⁵.

Делать выводы об успехах или неудачах политики Макрона по демаргинализации городских пригородов еще рано. Увеличение численности полицейских пока не привело к снижению уровня преступности в криминогенных зонах, напротив, в 2019 г. количество правонарушений в них увеличилось³⁶. Вместе с

³³ Manuel Valls évoque « un apartheid territorial, social, ethnique » en France // Le Monde 20.01.2016. URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2015/01/20/pour-manuel-valls-il-existe-un-apartheid-territorial-social-ethnique-en-france_4559714_823448.html#B3WulOKeYEERwVtd.99 (accessed: 10.05.2020).

³⁴ Institut Montaigne Dix ans de politiques de diversité : quel bilan? Rapport septembre 2014. URL: http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/rapport_politique%20de_diversit%C3%A9_institut_montaigne.pdf (accessed: 10.05.2020).

³⁵ Discrimination à l'embauche : les résultats de la campagne de testing passée sous silence par le gouvernement Franceinfo 08.01. 2020. URL: <https://www.franceinter.fr/economie/discrimination-a-l-embauche-les-resultats-de-la-campagne-de-testing-passee-sous-silence-par-le-gouvernement> (accessed: 10.05.2020).

³⁶ Délinquance : les 65 quartiers les plus chauds de France // Le Figaro. 31.01.2020. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/les-65-quartiers-les-plus-chauds-de-france-20200131> (accessed: 10.05.2020).

тем не оправдались опасения тех политиков, которые опасались, что во время объявленного в марте 2020 г. и продолжавшегося почти два месяца общенационального карантина из-за всемирной пандемии коронавируса, правоохранительным органам придется открыть «второй фронт» в трудных кварталах для борьбы с противоправными акциями. Несмотря на многочисленные правонарушения (в основном взрывы петард и поджоги мусорных урн), в ходе которых 43 полицейских получили ранения, крупномасштабных эксцессов удалось избежать.

Будущее покажет, сможет ли правительство в новых экономических условиях полностью или частично реализовывать дорогостоящие заявленные планы развития городских агломераций или данные проекты займут свое место в длинном списке принятых уже почти за полвека программ, результат которых был весьма скромным. Очевидно, что в 2020 г. власти сосредоточат свое внимание на «перезапуске» экономики после карантина. Итоги пребывания на карантине подчеркнули социальные диспропорции в обществе – приоритетные городские зоны аккумулировали медицинские, экономические, социальные факторы риска. Так, скученное проживание, наличие многочисленных семей, распространенность диабета среди пожилых жителей, популярность таких профессий, как кассиры, медсестры, сиделки, привели к всплеску заболеваемости и смертности в некоторых подобных кварталах выше среднего по стране. Многие рабочие и мелкие служащие были лишены возможности прибегнуть к удаленной занятости и пополнили число безработных. Так, удаленно работала половина жителей Парижа и только 20% жителей севера и востока страны³⁷. Именно от результативности действий правительства по выводу экономики из рецессии зависит, не погрузятся ли жители пригородов под влиянием беспрецедентного экономического спада в еще большую социально-экономическую депривацию, чем та, что наблюдалась до сих пор.

Заключение

Таким образом, основанная на республиканских принципах и направленная в конечном счете на ассимиляцию приезжих французская модель интеграции демонстрировала свою эффективность пока переселенцы были довольно немногочисленны и в культурном плане близки коренному населению. Однако эта модель стала давать сбои в условиях структурных трансформаций в экономике, а также увеличения численности и расширения географии миграционных потоков. Франция столкнулась с феноменом создания стремящихся к обособлению этнорелигиозных общин, причем постоянное пополнение таких сообществ способствует поддержанию их самобытности.

Перед руководством страны встает проблема адаптации политической практики к современным реалиям. Объективную сложность для проведения политики социального выравнивания представляет наличие глубоких экономических и социальных диспропорций в стране, которые привели к маргинализации значительной части иммигрантов и их потомков. Налицо сочетание

³⁷ France: le coronavirus accentue les inégalités // RFI 19.04.2020. URL: <http://www.rfi.fr/fr/france/20200419-coronavirus-teletravail-confinement-inegalites-france> (accessed: 10.05.2020).

мер, направленных на поддержку приоритетных городских зон, создания их жителям благоприятных условий для развития, и силовых подходов – усиление контроля, увеличение численности и прерогатив правоохранительных органов. При разработке политической стратегии властям приходится признать социокультурную дифференциацию в обществе, однако вопрос о формах взаимодействия светского государства и социума с исламом, у приверженцев которого сформировано представление о неразделимости религиозной и общественно-политической жизни, остается открытым.

Библиографический список

- [1] Новоженова И.С. Национальная идентичность в эру глобализации // Рубинский Ю.И. (ред.) Франция в поисках новых путей. М.: Весь мир, 2007. С. 27–68.
- [2] Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. Иммигранты в Европе: Модели интеграции // *Актуальные проблемы Европы*. 2006. No. 1. С. 9–59.
- [3] Fourquet J. L'Archipel français » : une nation multiple et divisée. Paris : Seuil, 2019. 384 p.
- [4] Laurence, J., Vaisse J. Intégrer l'islam. Paris: Odile Jacob, 2007. 388 p.
- [5] Shnapper D. Qu'est-ce que l'intégration. Paris: Gallimard, 2007. 256 p.
- [6] Лапина Н.Ю. Французское общество перед вызовами глобализации: Аналит. обзор. М.: РАН ИНИОН, 2019. 51 с. DOI: 10.31249/franceglob/2019.00.00
- [7] Smith T. B. La France injuste : 1975–2006 : pourquoi le modèle social français ne fonctionne plus. Paris: Autrement, 2006. 340 p.
- [8] Kepel G. Banlieue de la République. Société, politique et religion à Clichy-sous-Bois et Montfermeil. Paris: Gallimard, 2012. 544 p.
- [9] Tribalat M. Assimilation : la fin du modèle français. Paris: Toucan, 2013. 349 p.
- [10] Еремينا Н.В., Чухачев А.Ю. От политики «открытых дверей» до миграционного кризиса: реформирование миграционной политики в коммуитарном национальном измерении на примере Великобритании и Франции // *Сравнительная политика*. 2016. Т. 7. № 4. С. 36–61.
- [11] Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий / ред. Е.Ш. Гонтмахер, Н.В. Загладин, И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 119 с.
- [12] Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 232 с.
- [13] Долгов Б.В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции. М.: Ленанд, 2017. 158 с.
- [14] Galland O, Mixel A. La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens. Paris: PUF, 2018. 464 p.
- [15] Чернега В.Н. Франция: кризис политики интеграции мигрантов // *Актуальные проблемы Европы*. 2016. № 4. С. 140–156.
- [16] Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «Желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 2 (65). С. 101–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135
- [17] Рубинский Ю.И. Приметы времени. Т. 2: Франция: незаконченная модернизация. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 424.
- [18] Vacqué M-H., Bellanger E., Rey H. (dir.). Banlieues populaires. Territoires, sociétés, politiques. Paris: Éditions de l'Aube, 2018. 381 p.
- [19] Преображенская А.А. Французская модель интеграции иммигрантов: испытание временем // *Человек. Сообщество. Управление*. 2017. № 3. Т. 18. С. 18–36.
- [20] Felousis G. Le système éducatif français dans l'OCDE: quelles performances? // *Cahiers français*. 2012. № 368. P. 9–12.

References

- [1] Novozhenova I.S National identity in the era of globalization. In: *France in search of new ways*. Ed. Yi. Rubinskiy. M.: Ves mir; 2007: 27–68. (In Russ.).

- [2] Kondratieva T.C., Novozhenova I.S. Immigrants in Europe: Integration model. *Urgent problems of Europe*. 2006. Vol. 1: 9–59. (In Russ.).
- [3] Fourquet J. *“The French archipelago”: a multiple and divided nation*. Paris: Seuil; 2019. (In French).
- [4] Laurence J., Vaisse J. *Integrating islam*. Paris: Odile Jacob; 2007. (In French).
- [5] Shnapper D. *What is integration*. Paris: Gallimard; 2007. (In French).
- [6] Lapina N.Yu. *French society facing the challenges of globalization: analytic review*. M.: RAN INION, 2019. DOI: 10.31249/franceglob/2019.00.00 (In Russ.).
- [7] Smith T. B. *Unfair France: 1975-2006: why the French social model no longer works*. Paris : Autrement, 2006. (In French).
- [8] Kepel G. *Suburb of the Republic. Society, politics and religion in Clichy-sous-Bois and Montfermeil*. Paris : Gallimard, 2012. (In French).
- [9] Tribalat M. *Assimilation: the end of the French model*. Paris: Toucan; 2013. (In French).
- [10] Eremina N.V., Chikhachev A.Y. From “Open Door Policy” to Migrant Crisis: the Reforming of Migration Policy in European and National Dimensions (the Examples of Great Britain and France). *Comparative Politics Russia*. 2016; 7(4(25)): 36–61. (In Russ.). URL: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-36-61](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-36-61)
- [11] *New factors of global and regional development: aggravation of ethnic and socio-cultural contradictions*. In: Gontmakher E.C., Zagladin N.V., Semenenko I.S., eds. M.: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; 2013. (In Russ.).
- [12] *Integration of migrants with different cultural background: prospects of interculturalism*. Tsapenko I.P., Grishin I.V., eds. M.: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; 2018. (In Russ.).
- [13] Dolgov B.V. *Arabic-Moslem community in France*. M.: Lenand; 2017. (In Russ.).
- [14] Galland O., Mixel A. *The radical temptation. Survey of high school students*. Paris: PUF; 2018. (In French).
- [15] Chernega V.N. France: Crisis of migrants’ integration policy. *Urgent problems of Europe*. 2016. Vol. 4: 140–156. (In Russ.).
- [16] Obichkina E.O. Political Crisis in France: «Gilets Jaunes» and the End of the «First Period» of the Emmanuel Macron’s Governance. *MGIMO Review of International Relations*. 2019; (2(65)): 101–135. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135>
- [17] Rubinskiy Yu. Sign of time Vol. 2. France: *unfinished modernization*. M.: Institute of Europe, Russian Academy of Science; 2018. (In Russ.).
- [18] Bacqué M-H., Bellanger E., Rey H. (dir.) *Popular suburbs. Territories, societies, policies*. Paris: Éditions de l’Aube; 2018. (In French).
- [19] Preobrazhenskaya A. The French model of integration of immigrants: test of time. *Human Community. Management*. 2017. Vol. 18 (3): 18–36. (In Russ.).
- [20] Felousis G. The French education system in the OECD: what performance? *Cahiers français*. 2012. Vol. 368: 9–12. (In French).

Информация об авторе:

Преображеская Арина Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (ORCID ID 0000-0002-7209-2237) (arina-preob@mail.ru).

Information about the author:

Arina A. Preobrazhenskaya – PhD, Senior Researcher, the Center for Comparative Social-Economic and Political Studies, the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO) (ORCID ID 0000-0002-7209-2237) (arina-preob@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-506-516

Научная статья / Research article

Миграционная политика Великобритании до и после брексита

О.В. Охошин

Институт Европы РАН
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Моховая 11-3В
ohoshin89@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается курс консервативных правительств Великобритании в сфере реформирования миграционного законодательства в связи с такими вызовами глобализации, как европейский миграционный кризис 2015 г. и выход Великобритании из состава ЕС. Цель исследования – проследить эволюцию концептуальных основ британской миграционной политики и ее практическую реализацию при консервативных правительствах Д. Кэмерона, Т. Мэй и Б. Джонсона. На основе системного и причинно-следственного анализа было выявлено, что тенденция по ужесточению правил въезда и проживания иностранных граждан в Великобритании была не только элементом идеологии правящей консервативной партии, но и фактором сдерживания массового наплыва неквалифицированной рабочей силы после либерализации законодательства при лейбористах во главе с Т. Блэром и Г. Брауном, а также миграционного кризиса ЕС 2015 г. В статье отмечается, что британский подход к миграционному контролю оставался более строгим, чем во многих странах ЕС и особенно ужесточился в связи с брекситом, так как правительство опасалось, что массовая иммиграция из ЕС может дестабилизировать рынок труда и оставить британцев без работы. Одновременно требовалось снять высокую нагрузку на государственный бюджет и социальные службы, которые не справлялись с увеличением уровня чистой миграции. Произошел резкий переход от идеологии мультикультурализма к практическому применению концепции «враждебной среды», предложенной Т. Мэй, которая вынуждала иммигрантов покидать страну.

Ключевые слова: Великобритания, ЕС, Консервативная партия, иммиграционная политика, брекзит

История статьи: Поступила в редакцию 15.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Охошин О.В. Миграционная политика Великобритании до и после брексита // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 506–516. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-506-516

© Охошин О.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UK Migration Policy before and after Brexit

Oleg V. Okhoshin

The Institute of Europe RAS
11-3B Mokhovaya St, Moscow, 125993, Russian Federation
okhoshin89@gmail.com

Abstract. The article discusses political course of the conservative governments of the UK regarding migration legislation reforms in the context of such challenges of globalization as the European migration crisis of 2015 and Brexit. The analysis of evolution of the conceptual foundations of British migration policy allows us to conclude that the conservatives, since they came to power in 2010, continue to follow the tradition of tightening the rules for entry and residence of foreign citizens, which emerged under the government of G. Macmillan in the 1960s. The key difference in the 21st century is the change in the vector of the restrictive measures used by the conservatives against uncontrolled migration from the EU and third world countries, with particular focus on strengthening administrative supervision of foreigners arriving in the UK for employment or reunification with relatives. The British approach to migration control remained stricter than in many EU countries and was especially tightened due to Brexit, because the government was afraid of a massive influx of low-skilled migrants who would overwhelm the labor market and leave British citizens jobless. At the same time, it was necessary to remove the high burden on the state budget and social services that could not cope with the increase in the level of net migration. There was a sharp transition from the ideology of multiculturalism to the practical application of the concept of “hostile environment” proposed by T. May, which forced immigrants to leave the country.

Keywords: United Kingdom, European Union, Conservative party, immigration policy, Brexit

Article history: Submitted on 15.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Oleg V. Okhoshin. UK Migration Policy before and after Brexit. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 506–516. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-506-516

Введение

В эпоху глобализации и международного разделения труда резко выросли масштабы миграции как между странами и континентами, так и внутри отдельных государств под влиянием экономических, политических и демографических факторов. Великобритания в послевоенный период неоднократно сталкивалась с увеличением притока мигрантов, который удавалось ослаблять ужесточением правил въезда, проживания, получения убежища или гражданства. Курс миграционной политики во многом зависел от расстановки политических сил в стране. Цель статьи – проследить эволюцию ее концептуальных основ и практическую реализацию при консервативных правительствах Д. Кэмерона, Т. Мэй и Б. Джонсона. В зарубежной историографии эти аспекты пока не раскрыты в полной мере и в основном рассматриваются в рамках предвыборных кампаний или политики по борьбе с расовой дискриминацией. Среди западных исследований следует выделить работы Дж. Джаппа [1] и Б. Райана [10], которые изучили особенности британской модели ассимиляции мигрантов

и концепцию идентичности на базе демократических ценностей, предложенную консерваторами. Среди отечественных исследователей миграционную политику консервативного правительства Д. Кэмерона наиболее подробно рассмотрели Л.А. Якубова, М.Ф. Бадалов [2] и Е.В. Хахалкина [3]. Позициям ведущих политических партий Великобритании по проблеме иммиграции посвящены работы Е.В. Ананьевой [6] и Т.С. Кондратьевой [9]. Формирование концепции «враждебной среды» и трансформацию миграционного законодательства в годы премьерства Д. Кэмерона и Т. Мэй рассмотрела в своей работе К.А. Годованюк [11]. Историко-сравнительный анализ коммунитарного и национального измерений миграционной политики при лейбористах и консерваторах представлен в исследовании Н.В. Ереминой и А.Ю. Чихачева [5].

Чтобы лучше понять причины трансформации концептуальной основы миграционной политики консерваторов и степень влияния на нее брексита, следует сначала обратить внимание на опыт их предшественников. В годы лейбористского правительства Т. Блэра (1997–2007 гг.) на государственном уровне началась поддержка иммиграции, которая должна была восполнить рынок труда и повысить экономическую конкурентоспособность Великобритании.

Идеологической основой лейбористов стал мультикультурализм, который предполагал формирование «единой британской нации», свободной от расовых предрассудков, уважающей культурное и этническое разнообразие. При Т. Блэре были созданы благоприятные условия для интеграции иммигрантских общин в британское общество. Для мигрантов упростили получение разрешения на работу и ускорили процесс рассмотрения заявлений о предоставлении убежища, в учебных заведениях удвоилось число иностранных студентов. Все это происходило на фоне новых этапов расширения ЕС в 2004 и 2007 гг., в результате которых к нему присоединились 12 стран. Значительно вырос масштаб миграции на Британские острова из Центральной и Восточной Европы. В результате такой лояльной стратегии лейбористского правительства за первое десятилетие XXI в. общая численность мигрантов в Соединенном Королевстве выросла с 4,7 млн (8% населения) до 7,6 млн человек (12%); в 2010 г. в страну за год прибыло 591 тыс. мигрантов (из них 252 тыс. приезжих остались)¹.

Проблема массовой миграции приобрела общенациональный характер и постоянно становилась темой общественных и правительственных дебатов. Неспособность лейбористского правительства эффективно ограничить въезд беженцев из стран третьего мира и предотвратить террористическую угрозу, исходящую от мусульман-фундаменталистов из этнических общин (серия взрывов в Лондоне в 2005 г.), привели к растущему разочарованию миграционной политикой лейбористов [1]. В связи с влиянием мирового финансового кризиса 2008 г. в Соединенном Королевстве наблюдался рост безработицы,

¹ International Migration Outlook 2012. OECD Statistics. URL: http://www.oecd.org/migration/mig/IMO%202012_Country%20note%20United%20Kingdom.pdf (accessed: 11.04.2020).

который достиг своего пика осенью 2011 г. (8,5%)². Ситуация усугублялась еще и тем, что с начала XXI века доля иностранных рабочих в структуре национального рынка труда значительно увеличилась, в то время как численность работающих британцев не возросла. В итоге практически все новые рабочие места, созданные британскими властями за период с 2002 по 2012 г. (1,7 млн мест), достались мигрантам [2]. После прихода к власти консерваторов в 2010 г. главной задачей их миграционной политики стало ужесточение правил въезда и проживания иностранных граждан на территории Великобритании.

Результаты исследования

В годы премьерства Д. Кэмерона (2010–2016 гг.) консерваторы, находясь у власти, вернулись к традиционной практике ужесточения миграционного законодательства, чтобы снизить социальную напряженность и нагрузку на государственный бюджет. В своем предвыборном манифесте 2010 г. они обещали сократить чистую иммиграцию в Великобританию до 100 тыс. человек в год³. Концепция мультикультурализма была признана пагубной и неэффективной [3], ей на смену пришел план создания «враждебной среды» для мигрантов. Его сформулировала и поэтапно реализовывала Т. Мэй, занимавшая пост министра внутренних дел в правительстве Д. Кэмерона. Государство, в первую очередь, ужесточило борьбу с нелегальными мигрантами – им запретили покупать жилье, открывать бизнес, ограничили доступ к банковским счетам и получению водительских прав. Были усложнены тесты на знание английского языка для иностранцев, а у образовательных учреждений, которые выдавали им фиктивные визы на обучение, отзывали лицензию. В итоге с 2010 по 2015 г. численность иммигрантов из стран, не входящих в ЕС, сократилась на 13% [4].

Большое внимание консерваторы уделили проблеме фиктивных браков, которые оставались лазейкой в британском законодательстве и помогали мигрантам перевозить в страну своих родственников по линии воссоединения семей. В 2014 г. был принят Закон об иммиграции, по которому срок рассмотрения заявления о заключении брака увеличился до 28 дней (с возможностью продления до 70 дней). Министерство внутренних дел получило право взять под особый контроль тех мигрантов, которые не имели гражданства ЕС, а также установленного статуса или права проживания на территории Великобритании⁴. Государство упрощало условия депортации для лиц, которым

² Unemployment rate in the UK, 1971-2019. Office for national statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peoplenotinwork/unemployment/timeseries/mgsx/lms> (accessed: 11.04.2020).

³ The Conservative Party Manifesto 2010. URL: <https://conservativehome.blogs.com/files/conservative-manifesto-2010.pdf>. Accessed: 20.04.2020 (accessed: 11.04.2020).

⁴ Immigration Act 2014 URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/22/contents/enacted> (accessed: 20.04.2020).

было отказано в предоставлении убежища, и вводило штрафы для арендодателей, не проверявших документы у квартиросъемщиков.

Новым испытанием для Великобритании стал европейский миграционный кризис 2015 г. Поток беженцев и нелегальных мигрантов хлынул в Евро-союз из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Основными причинами этого явления стал рост международной напряженности, вызванный эскалацией военных конфликтов в Ираке, Сирии, Афганистане и Ливии. Д. Кэмерон заявил, что Великобритания сможет разместить у себя не более 20 тыс. человек из сирийских лагерей беженцев [5].

Миграционный кризис расколол Европу, которая не была к нему готова и в экстренном режиме пыталась выработать слаженный механизм для его преодоления. Предложенное Европейской комиссией обязательное распределение квот по приему беженцев отвергли не только члены Вышеградской группы, но и Великобритания, Республика Ирландия, Австрия и Дания. Под угрозой оказалась Шенгенская зона, которую ЕС пытался защитить, усиливая контроль над внешними границами и увеличивая финансовую помощь странам, которые предоставляли убежища основной массе беженцев (Турция, Ливан, Иордания, Египет). Общественность европейских стран развернула широкую дискуссию об опасности миграционного кризиса для национальной идентичности и суверенитета. Согласно опросам, большинство граждан ЕС в 2015 г. указали массовое переселение беженцев в их страны главной причиной для беспокойства среди других социально-экономических проблем (58%)⁵.

Для британцев вопрос об иммигрантах стал одним из ключевых при обсуждении выхода страны из ЕС. Великобритания привлекала беженцев высоким уровнем социального обеспечения, возможностью получить работу и различные пособия. Соединенное Королевство в отличие от континентальной Европы миграционный кризис обошел стороной, потому что оно не входило в Шенгенскую зону и не принимало беженцев по установленным в Брюсселе квотам [6]. Тем не менее события, происходящие в ЕС, привели к росту евроскептицизма и обеспокоенности миграционной проблемой среди британцев. Согласно опросу, проведенному агентством YouGov в 2015 г., только 10% респондентов ответили, что мигранты принесли пользу Соединенному Королевству, 71% был уверен в обратном⁶.

На волне недовольства британцев миграционной ситуацией выросла популярность Партии независимости Соединенного Королевства во главе с Н. Фараджем, которая из общественно-политической организации, выступавшей первоначально только за выход страны из ЕС, превратилась в мощное

⁵ Standard Eurobarometer 84. First Results. Autumn 2015. P. 13. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/yearFrom/1974/yearTo/2015/surveyKy/2098> (accessed: 20.04.2020).

⁶ It's immigration, not immigrants, that British people say they don't like. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/02/immigration-immigrants-british-people>. (accessed: 20.04.2020).

популистское объединение. На парламентских выборах 2015 г. она получила 12,6% голосов (3,9 млн избирателей), но всего лишь один мандат в Вестминстере из-за мажоритарной избирательной системы. Зато ПНСК выиграла выборы в Европарламент в 2014 г., обойдя консерваторов и лейбористов [7].

Возглавляя коалиционное правительство консерваторов и либерал-демократов в течение своего первого премьерского срока (2010–2015 гг.), Д. Кэмерон перешел в лагерь сторонников членства в ЕС. Он хотел ослабить крыло евроскептиков внутри Консервативной партии и сохранить ее единство, а также поколебать растущую популярность ПНСК [8]. В январе 2013 г. премьер-министр пообещал британцам провести референдум о членстве Великобритании в Евросоюзе, если консерваторы победят на парламентских выборах 2015 г. и сформируют однопартийное правительство. Д. Кэмерон, опираясь на опросы общественного мнения, ожидал, что ни одна из партий не наберет абсолютное большинство голосов и будет сформирован «подвешенный парламент». Тем не менее расчеты не оправдались – консерваторы одержали внушительную победу, заняв больше половины мест в Вестминстере (331 из 650), сформировали однопартийное правительство, и наступил черед выполнять данное народу обещание.

Сразу после парламентских выборов Д. Кэмерон объявил, что начнет переговоры с ЕС, чтобы добиться для Великобритании выгодных условий членства в нем. Британскому премьеру удалось получить в Брюсселе целый ряд уступок, а его главная дипломатическая победа заключалась в том, что Великобритания отменила пособия для трудовых мигрантов, прибывающих из ЕС [9]. По итогам референдума, который состоялся в июне 2016 г., большинство граждан Великобритании проголосовали за ее выход из состава ЕС (51,9%)⁷. Брекзит оказался политическим провалом Д. Кэмерона, который привел его к отставке с поста премьер-министра, а Консервативную партию и британское общество к расколу.

Одновременно с подготовкой референдума о членстве Великобритании в ЕС правительство Д. Кэмерона внесло через парламент Закон об иммиграции 2016 г., который не просто ограничивает права нелегальных иммигрантов, а вводит для них и их работодателей уголовную ответственность в виде лишения свободы. Банковские счета нелегальных иммигрантов могут быть заморожены, а водительские права – аннулированы. В отношении всех приезжих применяется принцип «сначала депортация – потом апелляция». Арендодателей ожидает штраф до 3 тыс. ф. ст. за каждого нелегального арендатора и до 5 лет тюремного заключения⁸.

⁷ Results and turnout at the EU referendum 2016. URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/results-and-turnout-eu-referendum> (accessed: 20.04.2020).

⁸ Immigration Act 2016. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/19/contents/enacted/data.htm> (accessed: 20.04.2020).

Закон стимулирует работодателей нанимать британских граждан и спонсировать их профессиональное обучение. В нем отражен важный тренд, который ожидал Великобританию после брекзита – изменение предложения иностранной рабочей силы. Из-за того что трудовые мигранты из ЕС больше могли не рассчитывать на преференции при устройстве на работу, их мотивация оставаться в Соединенном Королевстве снизилась. Кроме того, у мигрантов из ЕС и стран третьего мира изначально были разные цели переезда: если у первых преобладали трудоустройство по приглашению работодателя (46%) или поиск работы уже на месте (24%), то у вторых – учеба (42%) и воссоединение с родственниками (24%)⁹.

Референдум о членстве Великобритании в ЕС 2016 г. и последовавший за ним брекзит привели к серьезным изменениям в структуре иммиграции – специалистов из ЕС, покидавших Великобританию, заменили низкоквалифицированные рабочие из стран третьего мира. За период с июня 2016 г. по июнь 2019 г. уровень чистой иммиграции постепенно снизился до 212 тыс. человек в год¹⁰. Причем по иммигрантам из ЕС этот показатель достиг нулевого значения. Соединенное Королевство, в первую очередь, покидали выходцы из стран Вышеградской группы и Прибалтики. В то же время приток населения из стран Африки, Ближнего Востока и Южной Азии продолжался, показатель чистой иммиграции вырос со 164 тыс. до 229 тыс. человек за указанный период¹¹. По данным 2017 г., в Соединенном Королевстве проживало 9,2 млн иммигрантов, из них наиболее крупные этнические группы составляли поляки (911 тыс.), индусы (833 тыс.), пакистанцы (533 тыс.), ирландцы (389 тыс.) и румыны (310 тыс.) [10].

Консервативное правительство Т. Мэй продолжило линию по ужесточению миграционной политики в Соединенном Королевстве. В апреле 2017 г. были внесены поправки в законодательство, обязывающие любого работодателя платить дополнительный налог за каждого иммигранта, который не является гражданином ЕС, в размере 1000 ф. ст. в год¹². Эти деньги затем распределялись на программы по профессиональному обучению британцев. Таким образом, государство создавало дополнительные административные барьеры, которые сокращали долю неквалифицированной рабочей силы, не соответствующей потребностям инновационного развития экономики.

Жесткие методы решения миграционной проблемы, которые использовала Т. Мэй, вызывали негодование британской общественности, которая видела

⁹ 10 charts explaining the UK's immigration system. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-43960088> (accessed: 20.04.2020).

¹⁰ What's happened to UK migration since the EU referendum – in four graphs. URL: <https://theconversation.com/whats-happened-to-uk-migration-since-the-eu-referendum-in-four-graphs-127891> (accessed: 20.04.2020).

¹¹ Там же.

¹² The Immigration Skills Charge Regulations 2017. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukdsi/2017/9780111154663> (accessed: 20.04.2020).

прямое нарушение гражданских прав. Один из самых громких скандалов разразился в апреле 2018 г., когда СМИ сообщили о том, что министерство внутренних дел установило целевые показатели по депортации мигрантов, в которые попали как нелегалы, так и представители «поколения Виндраш»¹³. Выяснилось, что еще в 2010 г. МВД уничтожило все въездные карточки на прибывших трудовых мигрантов из стран Содружества в период 1948–1971 гг. В результате потопки переселенцев из бывших колоний лишились юридических оснований проживать в Британии, большинству из них грозила депортация [11]. В результате этого скандала главе МВД Э. Радд пришлось подать в отставку.

Для снижения градуса общественного недовольства Т. Мэй в декларативной форме заявляла, что ее миграционная политика направлена на привлечение в страну наиболее талантливых специалистов со всего мира вне зависимости от расовых, культурных или конфессиональных различий. В сентябре 2018 г. на специальном заседании правительства премьер-министр заявила, что будет взят новый курс в отношении граждан ЕС – после брекзита они лишатся права привилегированного доступа в Соединенное Королевство, для всех мигрантов начнут действовать единые правила въезда в страну, а низкоквалифицированных работников ждут новые ограничения.

Подобное решение вызвало одобрение у евроскептиков внутри Консервативной партии, которые выступали за «жесткий» брекзит, предполагавший одновременное прекращение членства Великобритании в Таможенном союзе ЕС и едином европейском рынке. Предприниматели посчитали инициативу Т. Мэй пагубной для бизнеса и национальной экономики в целом, потому что сразу станет ощутима нехватка рабочих рук во многих отраслях, включая строительство, сферу обслуживания и социальной помощи. Глава Конфедерации британской промышленности К. Фэйрбайрн предупредила, что жесткий миграционный контроль может иметь непредвиденные последствия для страны¹⁴.

Результатом деятельности Т. Мэй в этой области стало повышение спроса на рабочую силу из-за сокращения чистой иммиграции, что повлияло на исчерпание роста трудовых резервов и увеличение издержек на единицу продукции: в 2017 г. они повысились на 2,2%, в 2018 г. – на 2,3%. Снизилась динамика производительности труда – в 2018–2019 гг. ее прирост составлял всего 0,5–0,6% [12].

После трех неудачных попыток ратифицировать через парламент соглашение о выходе Великобритании из ЕС и потери поддержки в Консервативной партии Т. Мэй пришлось уйти в отставку в июне 2019 г. Пост премьер-министра занял Б. Джонсон, последовательный евроскептик, который

¹³ «Поколение Виндраш» (англ. Windrush generation) – часть населения Великобритании численностью 500 тыс. человек африкано-карибского происхождения, предки которых были привезены из стран Карибского региона в Соединенное Королевство в качестве трудовых мигрантов после Второй мировой войны.

¹⁴ UK immigration crackdown could send companies to the wall. URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/dec/07/uk-immigration-crackdown-send-companies-wall-cbi> (accessed: 20.04.2020).

придерживался «жесткого» брекзита и выступал за введение в стране балльной миграционной системы. По Соглашению о выходе Великобритании из состава ЕС, подписанному в январе 2020 г., право британцев на свободное передвижение по странам Евросоюза, а граждан ЕС – по территории Соединенного Королевства завершится с окончанием переходного периода (31 декабря 2020 г.). За это время Б. Джонсон планирует подписать с ЕС новое торговое соглашение и разработать миграционные правила, которые исключат любые преференции для граждан ЕС и будут едиными для всех иностранцев, прибывающих в Великобританию.

Заключение

В феврале 2020 г. британское правительство опубликовало официальное заявление о введении с начала следующего года новой миграционной системы, основанной на баллах, которая должна снизить приток неквалифицированной рабочей силы в страну¹⁵. Во многом она будет копировать опыт австралийцев, которые выдают заявителю рабочую визу, только если он наберет необходимое количество баллов, начисляемых на основе различных параметров: возраста, трудовых навыков, знания английского языка, опыта работы, наличия дипломов и других подтверждений квалификации. На основе рекомендаций Консультативного совета по миграции общий пороговый уровень годовой заработной платы для квалифицированных иностранных работников должен быть снижен с 30 до 25 тыс. ф. ст.

Предлагаемая британским правительством иммиграционная реформа свидетельствовала о смене парадигмы в понимании общеевропейских ценностей. Принцип Маастрихтского договора, предполагающий свободное перемещение людей внутри ЕС, в связи с развернувшимся там миграционным кризисом 2015 г. вызвал отторжение у британского общества и стал одним из катализаторов брекзита. Великобритания с ее высоким уровнем социального обеспечения притягивала иммигрантов из разных стран мира, а в годы лейбористского правительства к этому добавилась сформировавшаяся у них психология иждивенчества – они стали воспринимать принимающую страну как безвозмездный источник благ. Тенденция по ужесточению миграционного законодательства при консерваторах стала закономерным ответом на попытки ЕС ограничить суверенитет страны ради целей европейской интеграции. Консервативное правительство также обеспокоено большим притоком неквалифицированной рабочей силы, которая тормозит развитие национальной экономики и негативно влияет на ее конкурентоспособность, особенно после того, как Великобритания покинула ЕС и выстраивает с ним новые торговые отношения.

Новые правила, которые собирается ввести Б. Джонсон, выглядят жестче, чем у австралийцев, – система начисления баллов будет рассчитана на тех

¹⁵ The UK's points-based immigration system: policy statement. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-uks-points-based-immigration-system-policy-statement> (accessed: 20.04.2020).

иммигрантов, которые уже получили предложение о работе от работодателя. Она не предлагает альтернативную визовую схему для квалифицированных трудовых мигрантов, которые хотят искать вакансии по прибытии в Великобританию. Это различие может привести к тому, что новая миграционная система нанесет серьезный удар по британской экономике, создав диспропорцию на рынке труда. На фоне сокращения иммиграции из ЕС частный бизнес столкнется с дефицитом персонала и повышением производственных издержек. Таким образом, традиционная практика консерваторов по ужесточению миграционного законодательства может не оправдать себя и создать дополнительные сложности британским компаниям.

Библиографический список

- [1] Jupp J. Immigration and Race in the British General Election // *AQ: Australian Quarterly*. 2010. Vol. 82. No. 2. P. 33.
- [2] Якубова Л.А., Бадалов М.Ф. Миграционная политика Великобритании в 2010–2015 гг. // *Вестник НВГУ*. 2017. № 2. С. 131.
- [3] Хахалкина Е.В. Иммиграционная политика Д. Кэмерона (2010–2015 гг.) // *Современная Европа*. 2015. № 4. С. 49.
- [4] Кондратьева Т.С. Великобритания: позиция ведущих политических партий страны по проблеме иммиграции // *Актуальные проблемы Европы*. 2015. № 4. С. 101.
- [5] Еремина Н.В., Чихачев А.Ю. От политики «открытых дверей» до миграционного кризиса: реформирование миграционной политики в коммунитарном и национальном измерениях на примере Великобритании и Франции // *Сравнительная политика*. 2016. Т. 7. № 4. С. 47.
- [6] Ананьева Е.В. Брекзит: причины, политический фон, последствия // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 6. С. 104.
- [7] Ананьева Е.В. Великобритания // *Современная Европа*. 2016. № 2. С. 114.
- [8] Хахалкина Е.В. Иммиграционная проблема в Великобритании после референдума о брекзите – что изменилось? // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 421. С. 163.
- [9] Кондратьева Т.С. Великобритания: референдум о выходе из ЕС и проблема иммиграции // *Актуальные проблемы Европы*. 2016. № 4. С. 225.
- [10] Ryan B. Fortress Britain?: Ethical approaches to immigration policy for a post-Brexit Britain. London. 2018. P. 16.
- [11] Годованюк К.А. Контурсы новой миграционной политики Соединенного Королевства // *Вестник Института Европы РАН*. 2018. № 6. С. 108.
- [12] Хесин Е.С. Смена тренда экономического развития // *Итоги правления Терезы Мэй. Доклады Института Европы № 364*. М., 2019. С. 13.

References

- [1] Jupp J. Immigration and Race in the British General Election. *AQ: Australian Quarterly*. 2010. Vol. 82 (2): 33.
- [2] Yakubova L., Badalov M. Great Britain's migration policy in 2010–2015. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2017 Vol. 2: 131.
- [3] Khakhalkina E. Immigration policy of David Cameron (2010–2015). *Contemporary Europe*. 2015 Vol. 4: 49.
- [4] Kondratieva T. Great Britain: position of main political parties on the migration problem. *Actual problems of Europe*. 2015 Vol. 4: 101.

- [5] Eremina N., Chikhachev A. From «open door policy» to migrant crisis; the reforming of migration policy in European and national dimensions (the examples of Great Britain and France). *Comparative Politics*. 2016. Vol. 7 (4): 47.
- [6] Ananieva E. Brexit: reasons, political background, implications. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017. Vol. 10 (6): 104.
- [7] Ananieva E. Great Britain. *Contemporary Europe*. 2016. Vol. 2: 114.
- [8] Khakhalkina E. British immigration policy after the referendum on Brexit: what has changed? *Bulletin of Tomsk State University*. 2017. Vol. 421: 163.
- [9] Kondratieva T. United Kingdom European Union membership referendum 2016 and the immigration problem. *Actual problems of Europe*. 2016. Vol. 4: 225.
- [10] Ryan B. *Fortress Britain?: Ethical approaches to immigration policy for a post-Brexit Britain*. London. 2018: 16.
- [11] Godovanyk K. Contours of the UK new migration policy. *Bulletin of the Institute of Europe*. 2018. Vol. 6: 108.
- [12] Khesin E. Change in the trend of economic development. The results of T. May premiership. *The Institute of Europe Reports*. 2019. Vol. 364: 13.

Информация об авторе:

Охошин Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра британских исследований Института Европы РАН. (OCRID ID: 0000-0002-5383-1137) (e-mail: ohoshin89@gmail.com).

Information about the author:

Oleg V. Okhoshin – PhD in History, Senior Researcher of the Centre for British Studies of the Institute of Europe RAS. (OCRID ID: 0000-0002-5383-1137) (e-mail: ohoshin89@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-517-532

Research article / Научная статья

Natural Language Processing for the Analysis of the Political Characterisation of Migration in the Croatian Political Discourse

Gabriele De Luca, Marko Beck

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. This paper tackles the issue of analyst bias in performance of comparative political analyses on political discourse, by leveraging data and machine-learning over human prior knowledge. The case studied is characterization of the issue of migration in the Croatian political discourse, which was chosen arbitrarily. We developed a machine-learning system that identifies most prominent features in the Croatian political discourse, with regards to migration and were interested solo in comparative political analysis in political science. This system does not rely on human judgement on the part of the researchers, and can be thus considered to be “objective”, short of possible sampling or selection bias. It is replicable. If provided, the same dataset and algorithm used, same conclusions should be reached by any scientist. This result was achieved by creating a text corpus from news items and press releases extracted from the websites of Croatian political parties currently represented in the Parliament. Available and collected data consist of public announcements mainly from IDS (Istarski Demokratski Sabor / Istrian Democratic Assambly), SDSS (Samostalna Demokratska Srpska Stranka / Independed Democratic Serb Party) and HSLS (Hrvatska Socijalno Liberalna Stranka / Croatian Social Liberal Party). Data analyzed suggests three dominant phrases of the research process. All political parties had similar political stand towards pointed out issues. Three most significant phrases were determined. First phrase is related to words “Demography” and “Reduction” and finding suggest that most analyzed articles relates towards migration of Croatian citizens in connection to economic hardships of some kind. Phrase two is related to words “Border” and “Croatia-Serbia” which strongly indicates relation to migration and is related towards inter-Balkan migration, mostly connected with consequences of the Croatian War of Independence from 1990’s, and is of most interest to SDSS, a Serb minority party in Croatia. Phrase three is related towards Marrakesh Agreement (Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration), where most of analyzed data shows that parties have a constructive but ambivalent stance towards migration from the third countries. Research conducted on available data, shows that wide spread international migration is not in the focus of most Croatian political parties, while topics and interest for inter-Balkan and Croatian economic/political migration dominates Croatian political spectre

Keywords: political discourse, public information campaign, machine learning, information retrieval, natural language processing, migration

Article history: Submitted on 01.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

© De Luca G., Beck M., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation: Gabriele De Luca, Marko Beck. Natural Language Processing for the Analysis of the Political Characterisation of Migration in the Croatian Political Discourse. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 517–532. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-517-532

Обработка естественного языка для анализа политического определения миграции в хорватском политическом дискурсе

Де Лука Г., Бек М.

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы предвзятости аналитиков при проведении сравнительного анализа политического дискурса. Предлагаемое решение строится на анализе данных и использовании машинного обучения для обработки естественного языка. Кейс, который мы изучаем в связи с этой проблемой, относится к определению проблемы миграции в хорватском политическом дискурсе. Была разработана система машинного обучения, которая выявляет наиболее характерные черты хорватского политического дискурса в отношении миграции: эта система свободна от исследовательской субъективности. Исследование воспроизводимо, и при условии, что используется тот же набор данных и алгоритм, любой ученый должен прийти к тем же выводам. Этот результат был достигнут на основе сбора корпус-текстов из новостных материалов и пресс-релизов с веб-сайтов хорватских политических партий, представленных в парламенте, а также группу алгоритмов классификации машинного обучения для матриц Bag-of-Words, вычисленных из корпуса. Мы определили наиболее точную модель, классификатор дерева решений, которая была выбрана для дальнейшего анализа из-за ее точности и интерпретируемости. Нами также проанализированы правила принятия решений, определенные этим классификатором, которые затем были интерпретированы людьми, чтобы определить политические особенности текста, которые лучше всего предсказывают связь этого текста с темой миграции. В итоге подробно раскрыты три правила, идентифицированные с этой процедурой, которые мы считаем особенно интересными.

Ключевые слова: политический дискурс, кампания общественной информации, машинное обучение, поиск информации, обработка естественного языка, миграция

История статьи: Поступила в редакцию 01.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: De Luca G., Beck M. Natural Language Processing for the Analysis of the Political Characterisation of Migration in the Croatian Political Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 517–532. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-517-532

Introduction and task definition

We aimed to develop a system for comparative analysis of an issue of migration, as well as of the way in which it is characterised in public information campaign of Croatian political parties. The underlying objective is to test whether it is possible to conduct comparative assessments of the party system of any given country, with regards to an arbitrarily selected policy issue, with minimal or no background knowledge of the political system of observed country, or of the way in which observed policy issue is treated by the local national parties.

Comparative politics is believed to be particularly affected by the problem of selection bias [1], in sense that results obtained tend to reflect more the prejudices of human analyst than the complexity of underlying political reality [2]. Machine learning can help escape the intellectual pitfall, by tackling quantitative method problems, such as analysis of political discourse [3], which have originally been treated through qualitative methods [4].

If a method found is to achieve the aforementioned task, as an outcome of a formalized procedure it could, in principle, be replicated by any interested scientist, in order to systematically produce the same predictable outcome. Assessments of this type would be devoid of human bias which tends to characterise comparative assessments nowadays. The analysis of political discourse is, unfortunately, largely based on poorly defined concepts. Some scholars suggest that the very notion of analysis of political discourse is ambiguous, and its conclusions rather subjective and non-formalised [5].

We follow data-driven approach taken from sector of machine-learning, specifically the branch of natural language processing [6]. Approach has been applied to a case arbitrarily chosen, and specifically the characterisation of migration in the political discourse of Croatian parties. As suggested by previous literature [7], up to sometimes after 2007, the Croatian political parties did not systematically use their internet pages as tools for public information campaigns. The situation, however, changed from then, and now there is enough data to be used as input data for the procedure developed.

Political attitudes in Croatia towards migration

Migration is a hot-topic in Croatia, because of the country's geographical position on the "Balkan migration route", which made it one of critical spots during 2015 European migration crisis [8]. Earlier, specifically after 1945, the waves of migration through Croatia were characterised by political reasons [9], as political dissidents decided to flee the country in order to avoid punishment by the political leadership [10]. More recent wave of migration, which took place in the '90s, can also be identified as an emergent consequence of the Serbo-Croatian war [11]. Contemporary Croatia is though primarily defined not as a source of emigration for local population, but as a country of transit for migration flows directed at Europe [12]. Digital media has played important role in shaping public's attitudes towards a phenomenon which only partially was observable in day to day life. Images retrieved managed to successfully enter the political construction of the world as seen by Croatian population [13]. Consequentially, features of political world seen by Croatian population can be effectively studied by studying messages on the topic of migration and political discourse transmitted over digital channels [14].

Some *a priori* predictions on the content of these features can be made, on the basis of theoretical understanding of specialised literature on subject. Those predictions can be used to test validity of model we will further develop. The largest Croatian political party, the HDZ (Hrvatska demokratska zajednica / Croatian

Democratic Union), has historically been in favour of the idea that historical diaspora should constitute an integrated component of the political system [15]. Theory would thus suggest that migration can be considered as systemic component of Croatian politics, insofar as it promotes nationalistic tendencies of the population [16]. Discussion of immigration to Croatia, as opposed to emigration from it, has however entered the political discourse only recently, starting from migration crisis of 2015 [17]. Nationalistic parties tended to be against it, while the idea that immigration is systemic has been promoted by the leftist political parties [18]. Croatian political system therefore seems to respect well-known division between conservatism of the right-wing parties, which are generally against immigration, and liberalism of the left-wing parties, who are generally in favour [19].

Within the context of theoretical predictions regarding analysis of Croatian political discourses on migration, we therefore expect the following:

1) Political discourses before 2015 should focus primarily on the subject of the Croatian War for Independence.

2) Political discourses after 2015 should primarily focus on immigration from outside of Europe.

3) Political discourses after 2015 should show a split in the attitude towards migration, with right-wing political parties being generally against it, and left-wing political parties being generally in favour of it.

The model is to be set forth and develop in order to test collected and retrieved political texts against these theoretical expectations.

Natural language processing for political analysis

Large collection of texts, called *corpus*, had to be collected in order to perform data mining [20]. It was determined that as many news and press releases from websites of all Croatian political parties as possible, would be suitable source of data needed. All of 20 political parties currently seated in the National Assembly in Zagreb, as of December 2018, has been acknowledged as a relevant political party. After manually inspecting all 20 parties websites we have concluded 14 websites was suitable for automatic information retrieval and extraction, so 14 individual crawlers was build with purpose to retrieve and extract all suitable texts. Texts were then parsed to extract their features of interest: date, title, and main body of the article.

In this manner, a dataset comprising of 9185 texts has been created. Texts were then preprocessed by removing stopwords and stemming individual words, in order to decrease dimensionality of the corpus, whilst minimising the loss of meaningful content.

Chosen texts were automatically labeled on whether or not they contained keywords unequivocally related to the policy issue of migration. In our opinion, the only part of methodology requiring subjective judgement was deciding what keywords were relevant. Data labeled as relevant was in the end inspected for internal consistency.

The best performing classification algorithm is the Decision Tree. While being overfit for dataset and deprived of generalisation capability, it provided best explanatory power and allowed us to extract rules about the policy issue of migration. This is why it has been deemed acceptable, even desirable. For the purpose of this research, we were interested solo in performing comparative analysis. Partial representation in corpus is likely going to develop some selection bias in formulation of results. Some important absences among the political parties represented in our dataset can be identified: the HDZ (Hrvatska demokratska zajednica / Croatian Democratic Union), the party with majority of seats in Croatian Parliament, is not represented in the dataset due to technical reasons. Some other parties are also absent, as described in more detail later (Table 2). Due to latest, we cannot affirm full representativeness of our conclusions. They are, however, the best approximation of all available data. If and when more data becomes available, conclusions may have to be updated.

All code developed was written by us in Python, with the usage of open-source libraries such as *Requests*¹, *NLTK*², and *Sklearn*³. Additional open-source libraries were also used for some specific tasks during preprocessing, and they are cited in the body of this text accordingly to the step of procedure in which they were first employed. No pre-made or proprietary program was employed at any step.

Data collection

As in all scientific experiments, our research started with identification and collection of data. Procedure formalised without accounting for possible human bias was followed for selection of data. First step was to list all political parties (Table 1) represented in the Parliament at the time of collection.

The list of active parliamentary parties contained 20 names stated in alphabetical order.

Website of each individual party has been accessed in order to collect relevant texts. Their “News” or “Press releases” section were often most relevant for our research. Parties (Table 2) added to the list of targets for developing crawlers and parsers were those whose websites were suitable for automatic scraping, and which also have published a non-irrelevant number of news articles or press-releases⁴. Table that follows contains full indication of parties, and their websites, which were selected as fit for automatic information retrieval and extraction, and an explanation as to why the others were not included⁵. Index of each row corresponds to index used in the previous table.

¹ URL: <http://docs.python-requests.org/en/master/>

² URL: <http://www.nltk.org/>

³ URL: <https://scikit-learn.org/>

⁴ We deem relevant a text collection of at least a dozen news items.

⁵ Information contained in this table is accurate as of December 2018.

Table 1

Political parties represented in the Croatian Parliament

Nº	Party name
1	Bandić Milan 365 – Stranka rada i solidarnosti
2	Bruna Esih – Zlatko Hasanbegović: Neovisni za Hrvatsku
3	Građansko-liberalni savez
4	HRAST – Pokret za uspješnu Hrvatsku
5	Hrvatska demokratska zajednica
6	Hrvatska demokrićanska stranka
7	Hrvatska narodna stranka – liberalni demokrati
8	Hrvatska seljačka stranka
9	Hrvatska socijalno-liberalna stranka
10	Hrvatska stranka umirovljenika
11	Hrvatski demokratski savez Slavonije i Baranje
12	Istarski demokratski sabor
13	Most nezavisnih lista
14	Narodna stranka – Reformisti
15	Nezavisna lista mladih
16	Promijenimo Hrvatsku
17	Samostalna demokratska srpska stranka
18	SNAGA – Stranka narodnog i građanskog aktivizma
19	Socijaldemokratska partija Hrvatske
20	živi zid

Source: Created by the authors on the basis of information available on the website of the Croatian Parliament. URL: <http://www.sabor.hr/hr/zastupnici/parlamentarne-stranke> (accessed on 21 December 2018).

Table 2

Political parties whose news items were included in the dataset

Nº	URL	Included	If No, why	If Yes, tag
1	http://www.365ris.hr	Yes		365
2	http://www.neovisni.hr	Yes		NZH
3	http://glas.com.hr	Yes		GLAS
4	http://www.h-rast.hr	Yes		HRAST
5	http://www.hdz.hr	No	Website uses Cloudflare and ReCaptcha	
6	http://www.demokrscanihds.hr	Yes		HDS
7	https://www.hns.hr	Yes		HNS
8	http://www.hss.hr	No	Only 6 news items are present	
9	http://www.hsls.hr	Yes		HSLS
10	http://www.hsu.hr	Yes		HSU
11	http://www.hdssb.hr	Yes		HDSSB
12	http://www.ids-ddi.com	Yes		IDS
13	https://most-nl.com	Yes		MOST
14	https://reformisti.hr	Yes		REFORM
15	http://nlm-vrgorac.com	No	Site unresponsive	
16	http://promijenimohrvatsku.hr	No	Only 10 news items available	
17	http://sdss.hr	Yes		SDSS
18	https://snaga.hr	No	Only 12 news items available	
19	http://www.sdp.hr	Yes		SDP
20	https://www.zivizid.hr	No	A minified JS function displays the news	

Source: Made by the authors on the basis of the elements of Table 1, above.

At this stage collection of raw html pages consisted of 9677 files. Our parsers then extracted following features from each of available pages: date of publication, title, and main body of the article. These features, along with the party affiliation of

each text, were used to populate the columns of dataset. As some articles comprised exclusively of images or embedded videos, texts extracted from such articles were null, and thus were dropped from the dataset. Similarly, duplicated texts were also removed. This process left us with 9185 non-null rows in dataset, corresponding to as many unique observations. At this stage the dataset looked like this (Table 3).

Table 3

Head of the Corpus of Political Texts Contained in the Dataset

index	date	link	party	title	text
0	2018-12-18 00:00:00	http://www.sdp.hr/aktualno/arsen-bauk-predlaze...	SDP	Bauk predlaže da se djeci s teškoćama omogući ...	Predsjednik Kluba zastupnika SDP-a Arsen Bauk ...
1	2018-12-16 00:00:00	http://www.sdp.hr/aktualno/bernardic-najavio-s...	SDP	Bernardić najavio SDP-ov akcijski plan za refo...	Predsjednik SDP-a Davor Bernardić u nedjelju j...
2	2018-12-15 00:00:00	http://www.sdp.hr/aktualno/bernardic-smisao-sd...	SDP	Bernardić: "Smisao SDP-a je smanjivanje nejedn...	Predsjednik SDP-a Davor Bernardić na zadnjoj o...

Source: Dataset created by the authors, on the basis of texts parsed from the websites included in Table 2.

Consequentially, the corpus developed was deemed fit for conduct of natural language processing tasks, such as the analysis of the discursive features related to the policy issue of migration.

Data analysis

Exploratory data analysis was performed on the data collected. Strong disbalance within the dataset has been identified accordingly both to party affiliation and to the year of publication. We believe that unbalance in the data extracted is representative of non-uniform behaviour across parties and across time, with regards to the usage of party websites as tools for public information activities. Figure 1 contains the breakdown of texts in our dataset, grouped by political party.

IDS 3638
SDSS 1141
HSL 916
HDSSB 764
MOST 634
365 340
SDP 319
HDS 313
HRAST 300
HNS 243
REFORM 222
HSU 168
GLAS 112
NZH 76

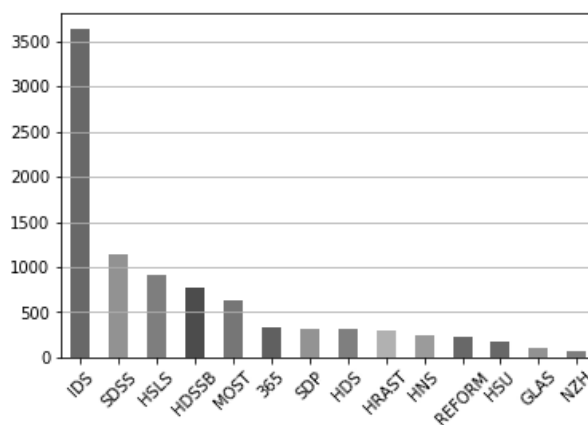

Fig. 1

Distribution of texts grouped by party

Source: Authors, on the basis of information contained in the dataset.

It can be easily noticed that distribution of texts is skewed. Five most-verbose parties, alone, produce 77% of total texts present in our dataset. Thus expected that they would contribute more in determining the political features associated to the issue of migration; after labelling the data, we can see this may not necessarily be the case. Unbalance noted, in our judgement, is a reflection of different natural behaviour of political parties studied. Based on this, assumption made is – more a given party publishes, regardless the topic, it will have higher influence on the public political discourse. All texts present in the dataset will be treated as equal during the machine learning phase of this research.

Figure 2 shows that all of texts are sufficiently recent, which becomes second characteristic of the research.

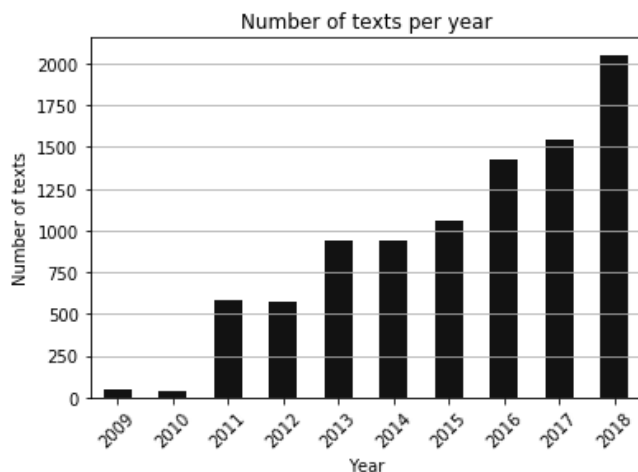

Fig. 2

Distribution of texts grouped by year of publication

Source: Authors, on the basis of information contained in the dataset.

Most texts have been published in the last few years. Only a handful has been published before 2011. Having all of the retrieved texts being published in the period of interest, we did not deem it necessary to further subset the dataset.

Preprocessing of data retrieved

This step includes removing of stopwords, tokenization and stemming of the whole corpus.

Stopwords, the most frequent words in any given language, such as conjunctions and personal pronouns with little semantic value, were removed first. List of stopwords used is slightly modified version of the ones retrieved from GitHub⁶, since Croatian stopwords are not currently included in NLTK, the

⁶ Specifically, we used Gene Diaz’s list of stopwords retrieved from: <https://github.com/stopwords-iso/stopwords-hr/> We have also used the stopwords which are contained in the code for the stemmer we selected (see next footnote), and have finally added some more stopwords which were missing in the original two lists that we used.

standard Python package for NLP. After removing stopwords from texts, we tokenized remaining characters accordingly to the regular expression “\w+”, which returns all groups of alphanumeric characters present in a string. Each token was additionally converted to lowercase as necessary. Next step was to stem each token, by using an open-source rule-based stemmer which was developed by Nikola Ljubešić and others [21]⁷. The collection of stemmed tokens was then used to compute the Bag-of-Words matrix associated with the corpus of texts. The BoW matrices were computed by excluding all tokens containing one of the keywords used for labelling the data, as described later in this paragraph and than computing the absolute frequencies of occurrence of unigrams, unigrams and bigrams together, and bigrams alone. Three BoW matrices, which could be fed to our classifiers were obtained.

Last step in the preprocessing of data was to label it. To do so we employed an automatic method for labelling. An arbitrary list of keywords, unequivocally associated with the policy issue of migration has been made. Same list was tested against the dataset and was progressively reduced until it contained the minimal number of keywords that would provide the highest marginal gains. Keywords which passed the procedure, or rather their stems, are enumerated in the table 4.

Table 4

Keywords used for the automatic labelling of the texts

Keyword	Meaning
'migrac' and 'migran'	Migration, migrant, and compound words
'izbegl'	Refugee
'^azil'	Asylum. The caret marks the beginning of a token
'raseljen'	Deportation
'useljavanj'	Immigration
'iseljavanj'	Emigration

Source: Authors, on the basis of the *a priori* knowledge of the researchers.

Selection of these particular keywords is largely arbitrary and ultimately derives from the *a priori* knowledge of the researchers on what “migration” means. There was only 403 out of 9185 texts that contained at least one of the keywords. It is only 4.38% of the whole corpus that was labeled positively for a binary classification task. Both, automatic and manual inspection of results has been carried out. Manual inspection verified machine learning findings. Automatic inspection in order to check for particularly unbalanced distribution of texts was also carried out. Findings are graphically envisaged below.

As shown, relative distribution of positives across parties is sufficiently homogenous, albeit a bit skewed. It can be additionally noted that the parties which produce more texts do not necessarily produce higher quotas of texts related to the

⁷ The stemmer itself can be found on: <http://nlp.ffzg.hr/resources/tools/stemmer-for-croatian/> (accessed: 21 December 2018). Minor modifications to the code were implemented by us so that it could work from memory rather than hard-drive, in order to include the stemmer into the machine learning pipeline.

issue of migration. Correlation coefficient between the distribution of relative frequencies of positives per party, and the overall number of texts, positive and negative, produced per party, is -0.27 . This shows that there is no significant relation between the number of texts produced and importance of the issue of migration. Parties which publish more, in general are not necessarily more concerned about migration, similarly, parties that publish less, are not necessarily less concerned about migration (Figure 3 and 4).

365	14
GLAS	13
HDS	9
HDSSB	29
HNS	15
HRAST	13
HSLs	13
HSU	5
IDS	113
MOST	46
NZH	9
REFORM	4
SDP	34
SDSS	86

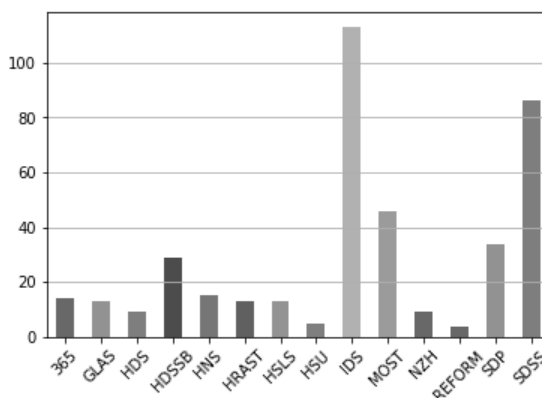
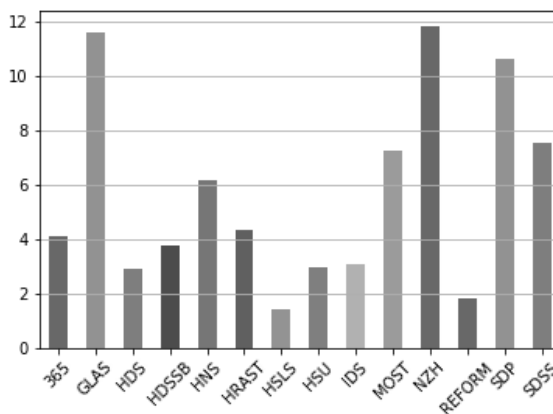

Fig. 3

Percentage of positives over the total texts for each party

365	4.11
GLAS	11.60
HDS	2.88
HDSSB	3.79
HNS	6.17
HRAST	4.33
HSLs	1.41
HSU	2.97
IDS	3.10
MOST	7.25
NZH	11.84
REFORM	1.80
SDP	10.65
SDSS	7.53

Min: 1.41%, Max: 11.84%, Mean: 5.67%, STD: 3.58%

Fig. 4

Absolute frequencies of positives on migration per party

Source: Authors, on the basis of information contained in the dataset.

Development of the machine learning model

The Bernoulli Naive Bayesian Classifier, the Support Vector Machine and the Decision Tree machine learning models were tested for accuracy. Hyperparameters of models were fine-tuned with grid search. As accuracy measure we used the F1 score of the models' predictions, which is a metric suitable for binary classification

tasks such as ours, when the two labels are unbalanced [22]. We used the Bag-of-Words matrices computed on unigrams, unigrams and bigrams, and bigrams alone, as input data, while the input labels were the ones calculated accordingly to the procedure described in the paragraph above. It is important to remind, as stated above, that the three matrices were calculated by explicitly excluding any and all tokens which contained stems of words used to label the data. As a consequence, our classifiers would not be able to learn the rule we used to automatically label the data, which would result in a trivial and predictable output. Instead, by blinding the classifiers to the words used to label the data, we could train them to find what other predicting features are present in the text themselves, and study them afterwards. Keeping this clarification in mind: the classifiers did not see the keywords we used to label the data.

Next step was to train each of the three models on each of the three types of Bag-of-Words matrices, and measure the F1 score for each model for each matrix after fitting the models. Result of this experiment is reported in Table 5. The F1 score is truncated to the second decimal digit.

Table 5

F1 scores of the tested Machine Learning algorithms

Classifier	Input matrix	F1 score
Bernoulli Naive Bayesian	Unigrams	0.24
	Unigrams and bigrams	0.18
	Bigrams	0.16
Support Vector Machine	Unigrams	0.31
	Unigrams and bigrams	0.58
	Bigrams	0.26
Decision Tree	Unigrams	0.95
	Unigrams and bigrams	0.98
	Bigrams	0.97

Source: Authors, on the basis of the output of the program.

Training and scoring was repeated multiple times with different random seeds to account for randomness. The results were all similar. On the basis of the F1 scores calculated, decision tree classifier trained on unigrams and bigrams was selected as the best performing algorithm, and was analysed further.

Output of the model and assessment of results

Model structure for the best performing Decision Tree, the one trained on unigrams and bigrams was computed and displayed. Many rules have been identified, too many to be discussed thoroughly. Few of the rules identified have been selected, in order to discuss and interpret them here in more detail. All these rules are either located by the root or the tree, or in close proximity to it, as indicated case by case.

Rule 1. If (demographical) and (reduction), then “migration”⁸ (Figure 5).

⁸ The texts that result from this rule are accessible at the following links, as of December 2018.

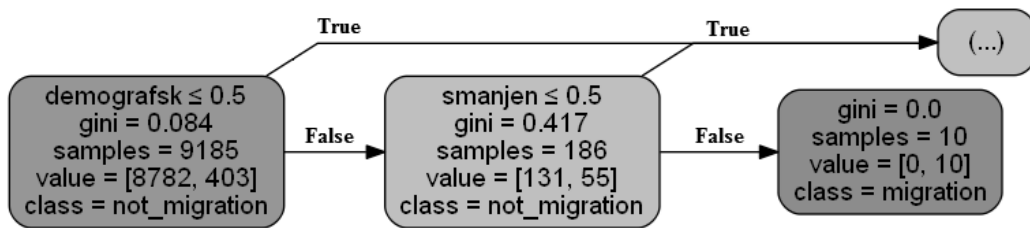

Fig. 5

Demography and Reduction are words which characterise migration

Source: Authors, on the basis of the output of the program.

The root of the tree as well as the the location of the first split in the dataset is shown above. If both words “demographical” and “reduction” are simultaneously present in a given text, then the text is a text about migration. This is an important rule, because it is at the root of the tree and it is thus very easy to interpret, being comprised of just two chained logical propositions. While the word “demographical” is, indeed associated with migration in the sense that migration is a demographical phenomenon. Studying decision rules isn’t giving us a clear explanation on whether demography was mentioned in the sense of a demographical increase, a demographical decrease, a demographical variation of the Croatian population, or if some other demographical phenomenon was cited. Individual inspection of texts has been carried out to determine context in which “demography” was mentioned. Articles retrieved accordingly, seem to uniquely refer to the emigration of Croatians from the country and especially of the young and unemployed. The word “reduction” is mentioned in a variety of contexts. It relates at times to the reduction in the level of public expenditures, to reduction of unemployment, to the reduction of taxation, and also, sometimes, to the reduction of the Croatian population as a consequence of emigration. It thus appears that, if a text is about demographics and reductions, then it is about the emigration of Croatians in connection to economic hardships of some kind.

- 1) URL: <http://www.sdp.hr/press/ministar-mrsic-za-jutarnji-list-u-2015-planiramo-povecanje-javnih-radova-koje-ce-financirati-drzava/>
- 2) URL: <https://most-nl.com/2018/09/07/planirate-uesti-red-godine-nereda-jedne-opcije-njihovih-partnera-onda-vam-prvo-kazu-da-politicki-montirano/>
- 3) URL: <https://most-nl.com/2018/07/30/most-nezavisnih-lista-zakon-subsencioniranju-stambenih-kredita-jedino-doveo-do-rasta-cijena-nekretnina/>
- 4) URL: <https://most-nl.com/2018/06/10/ministarstvo-demografije-institucija-bez-stvarnog-smisla/>
- 5) URL: <https://most-nl.com/2017/09/04/hrvatska-treba-stambenu-politiku-a-ne-zastitare-na-ulazu-apn-a/>
- 6) URL: <http://www.ids-ddi.com/vijesti/aktualno/6063/demetlika-porazavajuca-demografska-slika-hrvatske-nije-uzrok-nego-posljedica-problema/>
- 7) URL: <http://www.ids-ddi.com/vijesti/aktualno/5180/demetlika-decentralizacija-ostaje-mrtno-slovo-na-papiru/>
- 8) URL: <http://www.365ris.hr/mjere-demografske-politike-gradu-zagrebu-mjere-podrske-djecimladima-obiteljima/>
- 9) URL: <http://sdss.hr/klub-sdss-a-podrzava-prijedlog-zakona-o-poljoprivredi/>
- 10) URL: <http://sdss.hr/prvo-citanje-prijedloga-zakona-o-potpomognutim-podrucjima/>

Rule 2. If (border) and (Croatia – Serbia), then very likely “migration”⁹.

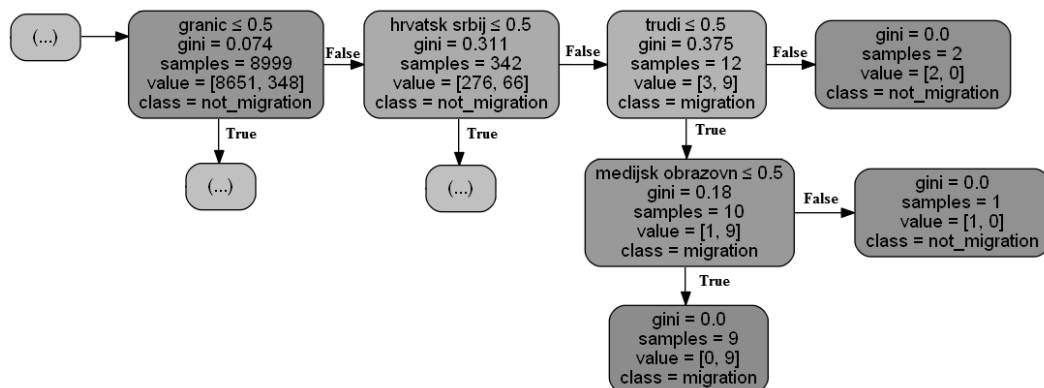

Fig. 6

Borders and Croatia-Serbia are words which characterise migration

Source: Authors, on the basis of the output of the program.

We believe that the first two terms of the IF clause stated above are the most important ones, among the ones represented in the selected branch. Remaining two predictors, “trudi”¹⁰ and “medijsk obrazovni” do not seem to have great explanatory power, not for a human, at least¹¹. First two conditions alone, identify a subset of 12 documents, 9 of which correctly relate to the issue being studied¹². We remind the reader that a randomly selected text from the corpus has a 4.38% chance of being related to migration, with comparison to a 75% chance if the rule indicated above is respected when performing the non-random selection. We have manually inspected the positives retrieved. All of those texts contain a regional dimension. Both Croatia – Serbia, appear in all texts. Texts retrieved accordingly are all about

⁹ The texts that result from this rule are accessible at the following links, as of December 2018.

1) URL: <http://sdss.hr/kolektivizacija-krivice-osim-sto-je-nepravedna-sjeme-je-zla/>

2) URL: <http://sdss.hr/aleksandar-vucic-srbima-u-rh-hvala-vam-sto-cuvate-srpsko-ognjiste-ime-i-prezime/>

3) URL: <http://sdss.hr/nerazumni-ljudi-smatraju-da-je-izvinjenje-uslov-da-se-razgovara-razgovarajmo-i-stvorimo-pretpostavke-za-ozbiljnu-gestu-izmirenja/>

4) URL: <http://sdss.hr/pupovac-za-n1-vazno-je-da-susret-dvoje-predsjednika-bude-pragmatican-i-konkretan/>

5) URL: <http://sdss.hr/u-beogradu-promivisana-knjigavreme-sporta-i-razonode-titina-hrvatska-i-njenisrbi-1951-1971-autora-cedomira-visnjica/>

6) URL: <http://sdss.hr/predsednik-pupovac-za-tanjug-interes-hrvatske-i-srbije-je-otvoren-dijalog-ovim-pitanjima/>

7) URL: <http://sdss.hr/program-samostalne-demokratske-srpske-stranke/>

8) URL: <http://sdss.hr/%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%b3%d1%80%d0%b0%d0%bc-%d1%81%d0%b0%d0%bc%d0%be%d1%81%d1%82%d0%b0%d0%bb%d0%bd%d0%b5-%d0%b4%d0%b5%d0%bc%d0%be%d0%ba%d1%80%d0%b0%d1%82%d1%81%d0%ba%d0%b5-%d1%81%d1%80%d0%bf%d1%81/>

9) URL: <https://www.hns.hr/vijesti/politicka-akademija/hrvoje-koscec-na-konferenciji-european-week-of-regions-cities/>

¹⁰ To put effort, verb.

¹¹ Media, adjective; education, noun.

¹² It should be added that, immediately to the left of the first decision rule represented in the graph, is present the root of the graph itself. Specifically, the condition “demographical” ≥ 1 must be valid, so that this branch of the tree is activated.

migration in historical terms, as a consequence of the Croatian war of independence in the 1990's. As an outcome of the war, Serbian minority has been relocated or displaced. This is the context in which those texts relate to migration. It is important to mention that the texts classified accordingly to this rule belong for the most part to the political party SDSS (8 texts out of 9), and only residually to HNS (1 out of 9). No other party is represented in this subset of texts. It appears that the SDSS, the Autonomous Serbian Democratic Party, is the most concerned of all parties about the regional, intra-Balkan dimension of the phenomenon of migration.

The presence of Rule 2 can however be considered as a confirmation of the theoretical prediction performed earlier, regarding the expectation for the political discourse in Croatia on migration to be discussing the Serbo-Croatian conflict and its consequences.

Rule 3. If (Marrakesh agreement), then “migration”¹³.

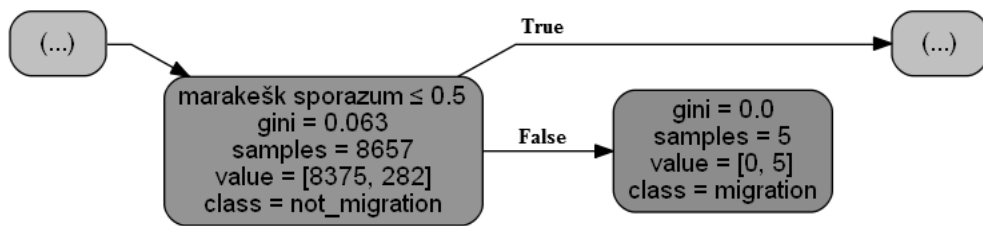

Fig. 7

The words Marrakesh Agreement characterise migration
 Source: Authors, on the basis of the output of the program.

The Marrakesh agreement is a name, commonly used by local political parties, which refers to an international agreement formally known as *Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration*. This is an intergovernmental agreement signed in Marrakesh on December 2018 [23]. The words “Marrakesh Agreement”, in International Law and in English language, commonly identify the international treaty by the same name on which the WTO was established¹⁴, which is not an agreement about migration. We set to manually inspect this peculiar characteristic of the retrieved texts, which seemed to systematically misuse a term in place of another. Texts retrieved accordingly talked, indeed, about the Global Compact for migration, due to the fact that its incumbent signature on the part of the Croatian government was at the time an important topic for heated political discussion.

¹³ The texts that result from this rule are accessible at the following links, as of December 2018.

- 1) URL: <http://www.sdp.hr/aktualno/bernardic-najavio-sdp-ov-akcijski-plan-reformu-pravosuda/>
- 2) URL: <http://www.neovisni.hr/kresimir-kartelo-marakeski-sporazum-odbacili-su-svi-s-nacional-nim-mozgom/>
- 3) URL: <http://www.neovisni.hr/sto-je-skriveno-u-marakeskom-sporazumu/>
- 4) URL: <https://glas.com.hr/2018/11/11/nikad-si-necu-oprostiti-sto-nisam-probila-blokadu-u-koloni-sjecanja-u-vukovaru/>
- 5) URL: <https://glas.com.hr/2018/11/06/problem-migracija-tek-je-poceo/>

¹⁴ Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization (with final act, annexes and protocol). Concluded at Marrakesh on 15 April 1994. Full text available at: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201867/volume-1867-i-31874-english.pdf>

Conclusion

It is possible to build a system that allows determination of what political features characterise the issue of migration in the public information campaign of Croatian political parties. The system requires very little *a priori* knowledge on the part of the researchers on the structure of the political party system in Croatia and also of the issue of migration itself. This system does not rely on human judgement on the part of the researchers, and can be thus considered to be “objective”, short of possible sampling or selection bias. It is replicable. If provided, the same dataset and algorithm used, same conclusions should be reached by any scientist.

The dataset was developed by identifying political parties of interest, on the basis of the list of parties currently represented in the Croatian Parliament. Their websites were searched, crawled and parsed as much as technically possible. Dataset was created containing a few thousand news items. Texts were then labelled on the basis of whether or not they contained keywords unequivocally associated with the policy issue being studied. Determination of those keywords was done through human judgement, and it is the only part of this methodology which is not clear how to automate. Machine learning algorithms were tested and the decision tree classifier was deemed the most suitable. By analysing decision rules we identified several political features which characterise the issue of migration in the Croatian political discourse. Three of which were found specifically interesting and due to that were further analysed, forming the body of this analysis.

Political conclusion reached is that Croatian political system confirms the theoretical paradigm stated in literature [19] about traditional division between conservatives, who are against immigration, and liberals, who upbear the process mentioned. Research further highlights the fact that political position of population towards migration is shaped no longer on the exclusive basis of real-world observations and interactions, but increasingly more by messages which are received in the digital sphere and which do not necessarily correspond to real-world events [14]. Alongside developed machine learning system that can be replicable, in political and sense of political science the research shows prevailing regional dimension. Moreover, most retrieved texts have an intra-Balkan dimension and focus on migration of Croatian citizens in connection to economic hardship and migration in historical term, as a consequence of the Croatian War of Independence in the 1990's in light of the Serbo-Croatian conflict.

References

- [1] Geddes B. How the cases you choose affect the answers you get: Selection bias in comparative politics. *Political analysis*. 1990; (2): 131–150.
- [2] Pittman J.A., Yang Zh., Yu S. *Political Cycles and Analyst Bias*. 2018. doi: 10.2139/ssrn.3262070
- [3] Olsen M., Harvey L.G. Computers in intellectual history: lexical statistics and the analysis of political discourse. *The Journal of Interdisciplinary History*. 1988; 18 (3): 449–464.
- [4] Gavrilova M.V. Political discourse as object of linguistic analysis. *Polis. Political Studies*. 2004; 3 (3): 127–139.
- [5] Van Dijk T.A. What is political discourse analysis. *Belgian journal of linguistics*. 1997; 11 (1): 11–52.

- [6] Collobert R., Weston J., Bottou L., Karlen M., Kavukcuoglu K., Kuksa P. Natural language processing (almost) from scratch. *Journal of machine learning research*. 2011; 12: 2493–2537.
- [7] Bebić D. The role of the Internet in political communication and promoting political participation of citizens in Croatia: Internet election campaign 2007. *Media Studies*. 2011; 2: 3–4. (In Croat.).
- [8] Ostojic R. *A European Perspective of the Migration Crisis: Russian Experiences*. Zagreb: Friedrich Ebert Foundation; 2016. (In Croat.).
- [9] Sharich T. Escape from socialist Yugoslavia-illegal emigration from Croatia since 1945. by the early sixties of the 20th century. *Migration and ethnic themes*. 2015; (2): 195–220. (In Croat.).
- [10] Žižić J. What is political emigration in Croatia? *Political analysis*. 2013; 4 (16): 61–64. (In Croat.).
- [11] Sundhaussen H. *Forced ethnic migration*. Institut für Europäische Geschichte; 2010.
- [12] Felberg T.R., Šarić L. In transit: Representations of migration on the Balkan route. Discourse analysis of Croatian and Serbian public broadcasters (RTS and HRT online). *Journal of Language Aggression and Conflict*. 2017; 5 (2): 227–250.
- [13] Vezovnik A., Šarić L. Subjectless images: visualization of migrants in Croatian and Slovenian public broadcasters' online news. *Social Semiotics*. 2020. 30 (2): 168–190.
- [14] Šarić L., Felberg T.R. Representations of the 2015/2016 “migrant crisis” on the online portals of Croatian and Serbian public broadcasters. *Migration and Media: Discourses about identities in crisis*. 2019; 81: 203.
- [15] Ragazzi F., Balalovska K. *Diaspora politics and post-territorial citizenship in Croatia, Serbia and Macedonia*. CITSEE Working Paper Series. 2011; 18.
- [16] Ragazzi F. The Croatian ‘diaspora politics’ of the 1990s: nationalism unbound? Croatian ‘Diaspora Politics’ of the 1990s: Nationalism Unbound? In: U. Brunnbauer (ed.). *Transnational Societies, Transterritorial Politics: Migrations in the (Post-) Yugoslav Region, 19th–21st Century*. 2009.
- [17] Knezović S., Grošinić M. *Migration trends in Croatia*. Zagreb: Hanns-Seidel-Stiftung, Institute of development and international relations, Kolor Klinika; 2017: 1–39.
- [18] Rovny J. The other “other”: Party responses to immigration in Eastern Europe. *Comparative European Politics*. 2014; 12 (6): 637–662. doi: 10.1057/cep.2014.25
- [19] Gregurović M., Kuti S., Župarić-Iljić D. Attitudes towards immigrant workers and asylum seekers in eastern Croatia: dimensions, determinants and differences. *Migration and ethnic themes*. 2016; 32 (1): 91–122.
- [20] Nadkarni P. M., Ohno-Machado L., Chapman W.W. Natural language processing: an introduction. *Journal of the American Medical Informatics Association*. 2011; 18 (5): 544–551.
- [21] Ljubešić N., Boras D., Kubelka O. *Retrieving information in Croatian: Building a simple and efficient rule-based stemmer*. 2007.
- [22] Lipton Z.C., Elkan C., Naryanaswamy B. Optimal thresholding of classifiers to maximize F1 measure. *Joint European Conference on Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases*. Berlin: Springer; 2014: 225–239.
- [23] Assembly U.G. Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. *International Journal of Refugee Law*. 2018; 30 (4): 774–816.

Information about the authors:

Gabriele De Luca – PhD Student of the Department of Comparative Politics of RUDN University (Russia) (ORCID ID 0000-0001-9728-9581 (e-mail: gabriele.deluca@mail.ru)).

Marko Beck – PhD Student of the Department of Comparative Politics of RUDN University (Russia) (ORCID ID 0000-0002-9441-2617) (e-mail: beck.marko@gmail.com).

Информация об авторах:

Габриэле Де Лука – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID 0000-0001-9728-9581) (e-mail: gabriele.deluca@mail.ru).

Марко Бек – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID 0000-0002-9441-2617) (e-mail: beck.marko@gmail.com).